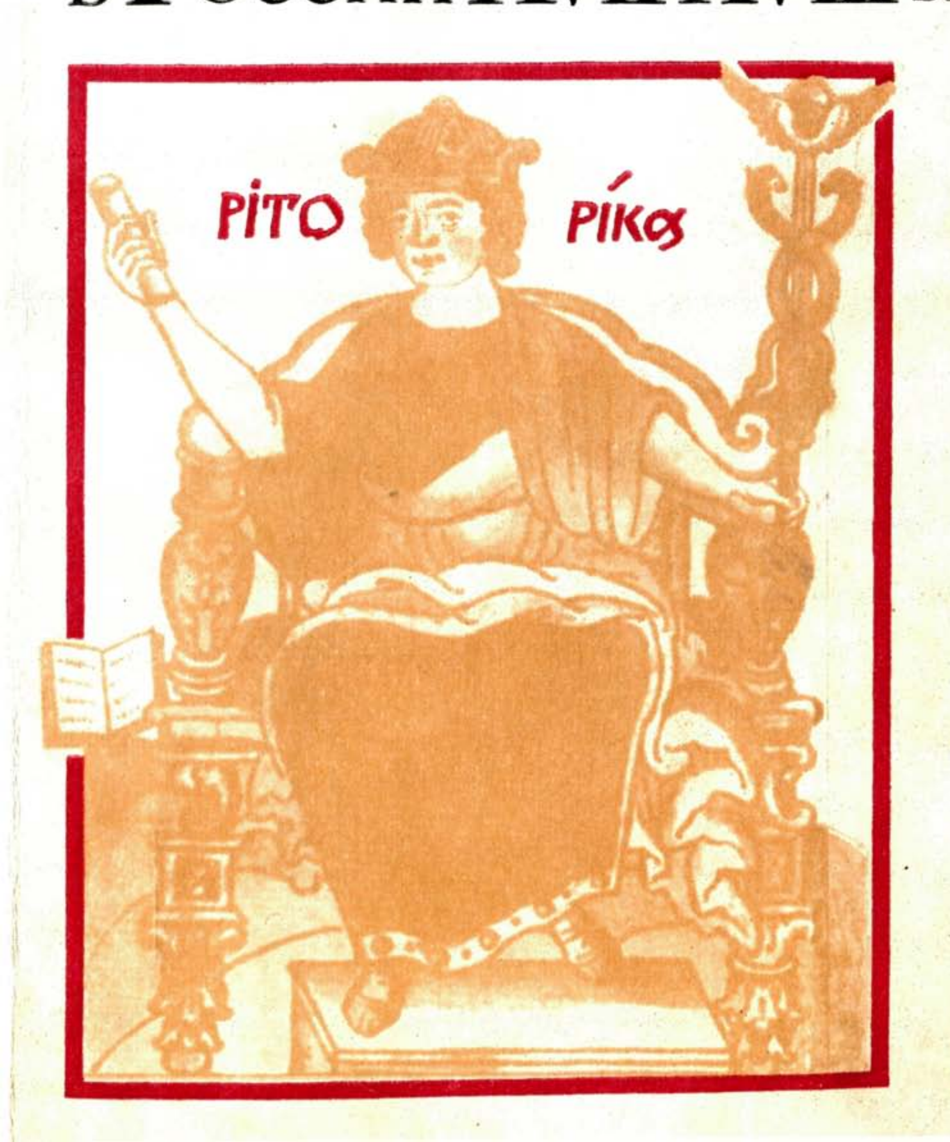
В.П. Вомперский

Риторики в России XVII–XVIII вв.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт русского языка

В.П.Вомперский

Риторики в России XVII–XVIII вв.

Ответственный редактор
академик
Н.И. Толстой

Москва "Наука" 1988

ББК 81.2Р-7
В 59

Рецензенты:

доктор филологических наук *Л.К. Граудина*,
кандидат филологических наук *М.А. Бакина*

Вомперский В.П.
В 59 Риторики в России XVII—XVIII вв. — М.: Наука, 1988. — 180 с.
ISBN 5-02-010901-0

В книге рассматривается история стилистических теорий в России XVII—XVIII вв. В монографии ставятся две задачи — дать исторический очерк становления и развития отечественной риторики и показать риторическое знание как форму обобщения действительности. Исследование ведется на широком филологическом материале, включающем в себя труды Макария, М. Смотрицкого, М.И. Усачева, А.Х. Белобоцкого, И. Галятовского, С. Яворского, Г. Данииловского, Л. Крщоновича, Ф. Прокоповича, А.Д. Кантемира, В.К. Тредиаковского, М.В. Ломоносова и др. В основу книги положены рукописные и редкие печатные источники.

Для лингвистов, литературоведов, историков, а также для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории русского языка, литературы, истории отечественной культуры.

В $\frac{4602010000\text{-}368}{042(02)\text{-}88}$ 320-88—IV   ББК 81. 2Р-7

ISBN 5-02-010901-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема, вынесенная в заглавие книги, новая для русской филологии. XVII — начало XVIII в. — это период, когда один тип письменно-литературной культуры сменялся другим, когда в преддверии Нового времени формировалась новая филологическая наука и культура. Еще совсем недавно история отечественной риторики обычно начиналась с риторик М.В. Ломоносова, рукописной и печатной. То, что существовало до него, в доломоносовскую эпоху, не было известно, так как не служило предметом специального систематического изучения. Конечно, с отдельными звеньями истории риторики исследователи были знакомы, например, с первой русской риторикой начала XVII в., с "Риторикой" Феофана Прокоповича и с некоторыми другими, однако эти знания не слагались в общую картину развития отечественной риторики. А именно в это время существовала развитая система понятий и терминов, связанная с методами и способами грамматического, логического и стилистического анализа, сформировалось научное сообщество риторов, грамматистов, литераторов, преподавателей, профессионально связанных с занятиями языком.

Риторика в России, на Украине и в Белоруссии в XVII — начале XVIII в. развивалась на основе усвоения школьным образованием опыта античной и западноевропейской традиции, переработанной средневековым мировоззрением. Используя это наследие риторики XVII — начала XVIII в. создали новую структуру филологического мышления, которое, обогащаясь собственным опытом, подкреплялось комментированием сочинений патристических и античных авторов и просуществовало до Нового времени.

Справедливо говорится о византийской риторике, что "унаследованная Византией от античности теория риторики — более важная и содержательная система, чем обычно полагают*. Высказанное суждение имеет непосредственное отношение и к истории отечественной риторики XVII — начала XVIII в. Поэтому в книге ставятся две задачи — дать исторический очерк становления и развития отечественной риторики и показать риторическое знание как форму обобщения действительности.

* *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977. С. 4.

Идею этой книги в свое время горячо поддержали В.В. Виноградов и Д.И. Чижевский, которые считали, что без изучения истории создания риторик в России XVII — начала XVIII в. нельзя представить истинной картины развития общеевропейской культурной риторической традиции.

Книга создавалась в творческом общении с Н.И. Толстым, Ю.Н. Карауловым, Н.Ю. Шведовой, А. де Винценцом, Р. Лауэром, Р. Лахманн. Им, замечательным филологам, сердечная благодарность. Искренне благодарю рецензентов этой книги — Л.К. Граудину и М.А. Бакину. Особая признательность Т.Ф. Ващенко и Н.Н. Васильковой за помощь в подготовке рукописи к печати.

Глава 1

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В XVII — НАЧАЛЕ XVIII в. КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ ПО СОЗДАНИЮ РИТОРИК

Из всех наук, составивших корпус естественнонаучных и гуманитарных знаний, называемых семью "свободными художествами " ("искусствами"), которые были восприняты в Европе в эпоху средневековья и Возрождения, восточным славянам были особенно близки грамматика и риторика. XVII—XVIII вв. — эпоха начального формирования русской, украинской и белорусской наций, их новых литературных языков и литератур. Именно в это время в России, на Украине и в Белоруссии расцветает грамматическая мысль, расцветает риторика. Грамматики и риторики — энциклопедии лингвистических знаний своего времени — играют заметную роль в описании литературных языков и в процессах их нормализации.

Риторика как "искусство", "художество" выполняет большие культурно-просветительные задачи. Она лежит в основе старого образования и оказывает влияние на формирование духовного облика учащихся. Это обучение, которое проходит учащийся в риторической школе, готовит его к практической деятельности.

Понимание риторики в том объеме понятия, в котором оно складывается и формируется в странах европейской культуры, обладает большой традиционностью. И в этом отношении отечественная риторика XVII—XVIII вв. не составляет исключения. Но она обладает и своей характерностью. Ее национальная характерность определяется прежде всего местными традициями и общественными потребностями, в которых формируется содержание риторики. Ее национальная характерность проявляется в составе ее культурных компонентов, зависит от степени влияния, которое оказывают на нее извне другие риторические школы.

Отечественные риторики XVII—XVIII вв. — плод высокой культуры. Они наполнены культурными реминисценциями разных стран, времен и народов. В их сложении участвовали пять культурных компонентов, которые по-разному проявляются у русских, украинских и белорусских риторов в зависимости от того культурного ареала, в котором возникают отечественные риторики.

1. Прежде всего античная риторика. Без ссылок на античных ав-

торов, без трансформации мотивов их сочинений, без интерпретаций их идей не обходится ни одна риторика XVII—XVIII вв. "Риторика", "Поэтика" и "Логика" Аристотеля, трактат "Оратор" Марка Туллия Цицерона, "О воспитании оратора" Марка Фабия Квинтилиана, "Риторика" Луция Сенеки Старшего, риторические сочинения Плиния Старшего, "Панегирик Траяну" и "Письма" Плиния Младшего, "Наука поэзии" Квинта Горация Флакка, сочинения по теории "украшенной прозы" Горгия из Леонтины — таков далеко не полный список теоретиков античной риторики и их сочинений, постоянно встречающихся и комментируемых в риториках XVII—XVIII вв.

2. Этот культурный компонент в отечественных риториках XVII—XVIII вв. представляет византийская риторика. Василий Великий, Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Григорий Нисский — плеяда первых христианских ораторов и проповедников, создавших основные формы христианского красноречия. Византийское ораторское искусство представляет собой трансформацию в течение длительного времени античного ораторского искусства. "Оно во многом способствовало становлению христианской риторики и в свою очередь было обогащено принципами последней"[1].

3. В отечественных риториках XVII—XVIII вв. широко представлен западноевропейский культурный компонент. Это риторика средневековья, Возрождения, Постренессансные риторики, риторики, прочитанные в разное время в университетах и академиях.

Среди наиболее часто цитируемых авторов и их произведений можно указать на краткую и пространную риторики Ф. Меланхтона, "Поэтику" Ж.С. Скалигера, "Прогимнасматы" и "Поэтику" Я. Понтана, "Кандидата риторики" и "Нового кандидата риторики" Ф. Помея и др.

4. Значительное влияние на формирование отечественной риторики второй половины XVII — начала XVIII в. оказала испанская риторика XVI—XVII вв. Это риторика искусства барокко, основу которого составляет принцип контраста. В стиле произведения барокко возникает контраст прозаического и поэтического, уродливого и прекрасного, карикатуры и возвышенного. Принцип движения, динамики стиля объединяет эти речевые контрасты.

Риторы Киево-Могилянской академии охотно цитируют сочинение Бальтазара Грациана "Остроумие, или Искусство изощренного ума" (1648). Б. Грациан разрабатывает теорию остроумия в стиле произведения. Соотношение искусства остроумия с риторикой очень ясно выражено им в таком высказывании: "Тропы и риторические фигуры — это как бы материал и основа, на которой возводит свои красоты остроумие". "Соль острословия в необычности", — замечает он. Слово "барокко" возводят не только к жемчужине неправильной формы, но и к схоластическому силлогизму особого рода.

Бальтазар Грациан — один из основоположников понятия вкуса в

[1] См.: *Курбатов Г.Л.* Риторика // Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 331.

риторике. В его концепции изобретательный ум является творцом красоты и разнообразия. Деятельность его находится под контролем вкуса (gusto). Введение этой категории обогащает стилистическую и эстетическую мысль[2].

Риторы Киево-Могилянской академии конца XVII — начала XVIII в. охотно цитируют "Метафизику" и "Риторику" Франциско Суареса, изданные в Саламанке в 1597 г. Ряд киевских риторов в приложении к своим учебникам помещают изложение его риторики под названием "Риторика" Соария.

5. Одним из культурных компонентов отечественной риторики XVII—XVIII вв. является польская риторика XVI—XVII вв. Ее значение для судеб риторики у восточных славян двоякое. Во-первых, польская риторика выступает в роли посредника между испанской и восточнославянской риторикой. Испанская риторика становится известной на Украине и в Белоруссии через посредство ее трансформации, произведенной польской риторикой XVI—XVII вв. На Украине и в Белоруссии полонизированный вариант испанской риторики приспосабливается к местным общественным и национальным традициям и в преобразованном виде передается в Москву.

И во-вторых, существуют прямые контакты между польской и отечественной риторикой XVII—XVIII вв. При этом важно выявить "функцию этих контактов, характер взаимосочетания и тип взаимодействия"[3].

Наибольшей популярностью у риторов XVII — начала XVIII в. пользовалась "Поэтика" М.К. Сарбевского, теологические и исторические сочинения теоретиков риторики С. Ориховского, Я. Кваткевича, "Риторика" профессора Виленской католической академии В.В. Кояловича. Как писал И.Н. Голенищев-Кутузов: "Комплекс польско-украинско-русской культуры XVI—XVII вв. не следует разбивать, исключая взаимные влияния, охраняя призрачные границы "самобытности", гораздо важнее братская связь на Востоке славянских народов. Вспомним лучшие свободные дары на поприще школьного дела, образования, красноречия и пиитики, поступавшие на северо-восток из Украины и Белоруссии"[4].

Таким образом, традиции отечественной риторики восходят к риторикам античной и раннехристианской эпохи, средневековья и Возрождения, восходят к общеславянской грамматической и риторической традиции.

Формирование и расцвет отечественной риторики XVII — первой половины XVIII в. связаны с созданием и деятельностью ряда культурных центров. В это время возникают и функционируют четыре культур-

---

[2] См.: *Штейн А.Л.* Четыре века испанской эстетики // Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977. С. 40—44.

[3] См.: *Липатов А.В.* Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 94.

[4] *Голенищев-Кутузов И.Н.* Гуманизм у восточных славян: Украина и Белоруссия. М., 1962. С. 72.

ных центра, в которых ведется интенсивная работа по стилистике литературной речи.

1. Московский культурный центр располагается в центральной и северо-восточной России. Здесь создается одна из самых ранних русских риторик, дошедших до нас, относящаяся к началу XVII в. Предполагаемый ее автор митрополит Новгородский и Великолуцкий Макарий, который во время своего пребывания в Вологде занимался преподаванием риторики и составил учебник для занятий со своими слушателями. Последние исследования "Риторики" (в частности анализ сведений историко-культурного характера, содержащихся в ранних списках, и терминологии) показали, что этот памятник исходит из Москвы. "Риторика" была создана до марта 1620 г., скорее всего в 1617—1619 гг. В пользу московского происхождения первой русской "Риторики" свидетельствует и тот факт, что ее списки получили широкое распространение к западу, северу и востоку от Москвы.

В последнюю четверть XVII в. получили распространение сочинения по риторике и по поэтике литературы барокко Николая Спафария. Он автор компилятивных сочинений по истории России и по теологии. Но самую важную группу его сочинений составляют труды по риторике и поэтике: "Книга избранная вкратце о девяти мусах и о седмих свободных художествах" (1672), "Книга о сивиллах" (1672—1673) — трактат о поэтическом искусстве, "Арифмология" — справочное руководство по "седми свободным художествам", по античной мифологии, культуре и истории древнего мира. Сочинения Николая Спафария появились как результат его педагогической и культурно-просветительской деятельности в царской семье, в домах московских вельмож, в государственных службах.

Симеон Полоцкий — крупный поэт, драматург и проповедник XVII в. — преподает "свободные художества" молодым подьячим тайного приказа в Москве, "в Спасском монастыре за Иконным рядом". Для них он пишет риторику на латинском языке.

Деятели русского просвещения конца XVII — начала XVIII в. профессоры Московской Славяно-греко-латинской академии братья Лихуды создают для своих слушателей два риторических курса. Софроний Лихуд пишет по-гречески "Риторику", которую в 1698 г. монах Чудова монастыря в Москве Косьма переводит на русский язык. К 1710 г. относится написание Косьмой самостоятельной "Риторики". Иоанникий Лихуд пишет свою "Риторику" на латинском и греческом языках.

В конце XVII — начале XVIII в. становятся широко известными сочинения по общей теории красноречия и по ораторскому искусству А.Х. Белобоцкого — переводчика Посольского приказа и поэта барокко. Он автор трактата "Великая наука Раймунда Люллия" — перевода с латинского сочинения испанского философа Раймунда Люллия "Ars brevis", пространной "Риторики" и "Книги философской" — краткой риторики.

В 1705 г. Ф.П. Поликарпов переводит с латинского языка на русский сочинение "Риторическая рука" Стефана Яворского — место-

блюстителя патриаршего престола и профессора Московской Славяно-греко-латинской академии.

К московскому культурному центру относится деятельность И.Ф. Копиевского (ум. после 1710 г.) — грамматиста, лексикографа и издателя. Он печатает в походной типографии за границей по распоряжению Петра I кириллические книги для нужд "славяно-русского народа". Среди изданных им словарей, учебников, "Руковедения в грамматику во славяно-российскую, или Московскую ко употреблению учащихся языка московского" (Данциг, Штольценберг, 1706) следует назвать "Кратчайшее руководение риторики и одновременно ораторское искусство" (Амстердам, между 1700—1702), которое, к сожалению, не сохранилось[5].

Порфирий Крайский (ум. в 1768 г.), профессор Московской Славяно-греко-латинской академии, в течение ряда лет читал курсы риторики и пиитики. В 1733—1734 учебном году он прочитал курс риторики своим слушателям, среди которых был молодой М.В. Ломоносов. М.В. Ломоносов записал этот курс, который носит название: "Artis Rhetorica Praecepta tres in libros divisa atque ad instruendum Oratorum selectioribus Eloquentiae Fundamentis ad elegantiam styli omni genere dicendi Tradita Moscoviae. Ex anno 1733, in Annu 1734. Octobrs 17". (ГБЛ, фонд 183 Муз. (Зап.-европ.), N 279)[6].

2. Юго-западный культурный центр. Активная деятельность по созданию риторик проводилась православными братскими школами, созданными на Украине и в Белоруссии (входивших в XV—XVII вв. в состав Польско-Литовского государства). В братских школах изучались грамматика, риторика, поэтика, диалектика, другие "свободные искусства", древние языки. Наибольшей известностью пользовались братские школы во Львове, в Вильне, Киеве, Полоцке. Все они были основаны в конце XVI — начале XVII в. Главным центром науки и образования на Украине и в Белоруссии являлась Киево-Могилянская академия, созданная в 1632 г.

В киевских архивах сохранилось 127 учебников риторики, составленных на латинском языке и прочитанных на занятиях в Киево-Могилянской академии. 32 учебника относятся к XVII в., остальные — к XVIII в. Наиболее важные риторики XVII — начала XVIII в.: Иосиф Конович-Горбацкий "Orator Mohileanus..." ("Оратор Могилянский..." (1635—1636), Иоасаф Кроковский "Penarium Tullianae eloquentiae..." ("Кладовая Туллианского красноречия...") (1683), Силуан Озерский "Orator..." ("Оратор...") (1687), Иоанникий Валявский "Rhetor roxolanus..." ("Ритор украинский...") (1689), Прокопий Калачинский "Promptuarium artis oratoriae..." ("Кладовая ораторского искусства..." (1691), Михаил Оникимовский "Triumphus..." ("Триумф..." (1696—1697), Ин-

---

[5] См.: *Булахов М.Г.* Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Минск, 1976. Т. 1. С. 123. *Быкова Т.А., Гуревич М.М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей (1689 — январь 1725 г.). М.; Л., 1958. С. 318—342.

[6] Об истории рукописи П. Крайского и роли молодого М.В. Ломоносова в ее переписке существует исследование: *Воскресенский Г.* Ломоносов и Московская Славено-греко-латинская академия. М., 1891.

нокентий Поповский "Concha..." ("Раковина...") (1698), Иосиф Туробойский "Cornucopiae..." ("Рог изобилия...") (1700), Игнатий Мишталь-ский "Rostra Tulliana..." ("Туллианская ростра...") (1701), Иларион Ярошевицкий "Arbor Tulliana..." ("Древо Туллианское...") (1703), Феофан Прокопович "De arte Rhetorica..." ("Об искусстве риторики...") (1706).

В этом культурном ареале появляются первые печатные руководства по риторике. Для просвещения Украины и Белоруссии, для развития украинского и белорусского литературных языков большое значение имело сочинение ректора Киево-Могилянской академии Иоанникия Галятовского "Наука короткая альбо способ зложеня казаня", в котором впервые на "природном" литературном языке Юго-Западной Руси были изложены основные понятия стилистики, риторики и гомилетики. В составе сборника "Ключ разумения" это сочинение было напечатано в Киеве в 1659 г. и во Львове в 1663 г. и 1665 г.

Для нужд Слуцкого лицея в печатном дворе Петра Бласта Кмиты в Любче над Неманом, в Белоруссии, было напечатано на латинском языке "Compendium rhetoricum..." (Краткое пособие по риторике...) (1629—1631).

По заказу князя Б.А. Голицына для обучения своих сыновей учитель риторики и справщик типографии Троицко-Ильинского монастыря в Чернигове Лаврентий Крщонович печатает в 1698 г. учебник "Ilias oratoria..." ("Ораторская Иллиада...").

3. Северо-западный центр. Основная деятельность его связана с переработкой первой русской "Риторики" 1617—1619 г. В конце XVII в. М.И. Усачевым создается новая пространная "Риторика" (1699). "Риторика" сохранилась в многочисленных списках, сделанных на северо-западе и севере России.

Деятельность этого ареала проходила в Новгороде Великом, во Пскове и в монастырях, расположенных около этих городов. В Иверском и Александро-Свирском монастырях были сделаны переводы на "славено-русский язык" сочинения Иоанникия Галятовского "Наука короткая альбо способ зложеня казаня".

Не позднее 1720 г. учитель риторики Александро-Невского монастыря в Санкт-Петербурге Георгий Данииловский создает для своих слушателей "Риторику", которая получает распространение как учебное руководство в училищах и семинариях северо-запада России.

4. Северный культурный центр. Его создают старообрядцы в Выгорецком общежительстве. Глава Выгорецкой общины расколоучитель Андрей Денисов (1674—1730) преподавал в созданной им школе (после основания общежительства в 1694 г.), которую он хотел преобразовать в старообрядческую академию наподобие Московской и Киевской академий. Для этой цели он, его брат Семен Денисов (1682—1740) и их ученики переписывают весь им известный корпус риторик XVII начала XVIII в.: первую русскую "Риторику" начала XVII в., приписываемую Макарию, "Риторику" М.И. Усачева, "Риторику" Софрония Лихуда, "Гомилетику" Иоанникия Галятовского", "Риторику" Косьмы, риторические сочинения А.Х. Белобоцкого, "Риторическую руку" Стефана Яворского, а "Риторику" Феофана Прокоповича переводят

с латинского языка и перерабатывают в соответствии со своими идейно-философскими и религиозными воззрениями. В науке эта риторика известна как "Поморская риторика" (ГИМ, Собр. Барсова N 2284; БАН. Собр. Дружинина, N 155; ГПБ. Q. XУ. 14 (Богд. 116). В 30-е годы XVIII в. на их основе Семен Денисов вместе с Мануилом Петровым создал оригинальную выговскую "Риторику" — свод[7].

Дальнейшая судьба культурных центров и риторики как одного из "свободных художеств" связана с процессами, происходившими в среде научного и практического знания в эпоху Просвещения. Появление прозаических жанров (романа, повести, рассказа), занявших центральное место в литературе нового времени, приводит к тому, что старое античное разделение поэтики и риторики, основанное на том, что поэзия имеет дело с вымышленным материалом, а проза (ораторская, философская, историческая) — с реальным, оказывается смещенным. Граница между риторикой и поэзией стирается. Центральная часть риторики — учение о словесном выражении получает название стилистики и становится частью новой филологии (в литературоведении и в языкознании). Разделы старой риторики, связанные с жанрами судебной и проповеднической речи, получают отдельный коммуникативный статус.

К 40-м годам XVIII в. деятельность отдельных культурных центров прекращается. Юго-западный и северо-западный культурные центры постепенно включаются в деятельность московского культурного центра, который приобретает общегосударственное значение и в теоретическом и в практическом отношении удовлетворяет запросам трех братских славянских культур — русской, украинской и белорусской. Деятельность северного (старообрядческого) культурного центра как замкнутой в себе идеологической системы с уходом из жизни основателей старообрядчества постепенно затухает.

Пример М.В. Ломоносова, создавшего две "Риторики" на родном языке — рукописную и печатную, не нашел своего продолжения в деятельности старых украинских и белорусских филологов XVIII в. Дальнейшая судьба риторики, ее трансформация связана с деятельностью М.В. Ломоносова — основоположника отечественного языкознания, лингвиста, положившего начало описательному и сравнительно-историческому изучению языка, создателю стилистики как науки, создателю риторики как учения о речевой деятельности.

---

[7] Из новых работ об Андрее и Семене Денисовых как теоретиках старообрядческой риторики: *Зубов В.П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII первой половины XVIII в.: Русская люллианская литература и ее назначение // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 288–303; *Понырко Н.В.* Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 274–283; *Она же.* Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154–162.

Глава 2

ПЕРВАЯ РУССКАЯ "РИТОРИКА" НАЧАЛА XVII в. (1617—1619)

Самая ранняя из дошедших до нашего времени риторик Древней Руси относится к началу XVII в. Предполагаемый ее автор митрополит новгородский и великолуцкий Макарий (ум. 12 сентября 1626 г.) начал свою деятельность в Тихвинском Успенском монастыре (1614—1617). Затем он был поставлен в архиепископы вологодские и великопермские (1617—1619) и, наконец, в митрополиты новгородские и великолуцкие (1619—1626)[1]. Во время своего пребывания в Вологде Макарий занимался преподаванием риторики. В результате педагогической работы появилась самая ранняя из дошедших до нашего времени русская риторика.

Макарию приписывается первый русский трактат по риторике ("Книги суть риторики двои потонку в вопросах списаны...") на основании записи в одном из наиболее ранних списков памятника: "Написася в лето 7131-го февраля в 8 день с книги преосвященаго митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук" (ГБЛ, 310, собр. Ундольского, N 874, л. 45 об.). Но аргументы, высказанные Д.С. Бабкиным в пользу авторства Макария, оказываются не вполне точными и, возможно, ошибочными[2].

Как показала Т.В. Буланина, исследователь спутал новгородского и великолуцкого митрополита Макария, бывшего ранее до того митрополитом вологодским и великопермским (1617—1619), с другим Макарием, епископом вологодским и великопермским (1571—1575 гг.). Свидетельство головщика Кирилло-Белозерского монастыря Ефрема о том, что Макарий "сам статью чел и людiе учил" следует отнести к Макарию, бывшему епископом вологодским и великопермским в 1571—1575 гг., а не к другому, более позднему Макарию. Запись Ефрема следует понимать так, что в ней идет речь не о преподавании риторики, а о чтении Устава соборной службы. Ошибочно мнение Д.С. Бабкина, что самые ранние списки "Риторики" сделаны в Новгороде Великом[3].

Сейчас известны 34 списка "Риторики" Макария с 1620 г. и до петровского времени. На протяжении всего XVII в. она активно переписывалась и изучалась в общественно-речевой практике, служила основным школьным руководством по теории словесности.

Последние исследования "Риторики" (в частности, анализ сведений историко-культурного характера, содержащихся в ранних списках, и терминологии) показали, что скорее всего этот памятник исходит из Москвы. Интересны и важны обстоятельства о нали-

---

[1] О Макарии см. статью В.И. Аннушкина и Т.В. Буланиной в "Словаре книжников и книжности Древней Руси" // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 10. С. 126–128.

[2] *Бабкин Д.С.* Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 326–353.

[3] *Буланина Т.В.* Издание первой русской риторики // Русская литература. 1981. N 4. С. 234–237.

чии списков "Риторики" в Москве уже в 40-е годы XVII в. Так, один из самых ранних списков "Риторики" (ГИМ, Синодальное собр. N 933) содержит записи о том, что "сия книга Алексеевскаго девичия монастыря диаконскаго Артемия Спиридонова", который располагался вблизи Кремля, на Чертолье, т.е. на том месте, где в 1837 г. был построен храм Христа Спасителя.

Артемий Спиридонов переплел сборник, в котором находилась "Риторика", после 1640 г., записал содержание рукописи на внутренней стороне крышки и заполнил чистые листы новыми статьями. В пользу мнения о московском происхождении "Риторики" говорит и тот факт, что ее списки получили широкое распространение к западу, северу и востоку от Москвы — местами создания и бытования списков были Новгород Великий, Ярославль, Вологда, Кирилло-Белозерский монастырь, Коряжемский монастырь на Вычегде, Каргополь, Соловецкий монастырь, обе Ниловы пустыни (Нила Сорского и Нила Столобенского)[4].

О происхождении "Риторики", приписываемой Макарию, высказывались различные соображения.

А.Х. Востоков и А.Н. Филонов утверждали, что "Риторика" восходит к польскому источнику[5]. А.И. Соболевский считал ее переводом с латинского языка[6]. Д.С. Бабкин определял ее как оригинальное русское сочинение. Существует точка зрения, полагающая, что "Риторика" имела предполагаемый промежуточный рукописный польский перевод, восходящий к латинскому оригиналу. Таким образом, латинский источник имел польский перевод, с которого впоследствии был выполнен русский перевод. Возможно и другое: русский автор "Риторики" имел в руках два параллельных текста — латинский источник и его польский перевод, сверяя их между собой при работе[7].

Жанр риторики как учебного руководства отличался большой традиционностью. Все средневековые европейские риторики, в том числе и русские XVII в., в той или иной форме восходили к античной риторике, цитировали Исократа, Демосфена, Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана и других теоретиков риторики, использовали греко-латинскую терминологию. Деление всякой речи, произносимой и письменной, в процессе ее разработки на пять частей — нахождение материала, расположение, словесное выражение, запоминание и произнесение — диктовалось не автором речи, а всей традицией риторического искусства и являлось объективной истиной для оратора и слушателя, для писателя и читателя, для учителя и ученика.

Составитель "Риторики", приписываемой Макарию, прекрасно ориентировался в теории античного красноречия. Он неоднократно

---

[4] См.: *Антюшин В.И.* Редакции "Риторики" начала XVII века // Древнерусская литература. Источниковедение. Л., 1984. С. 234—248.

[5] *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842. С. 238. *Филонов А.Н.* Русские учебники по теории прозаических сочинений // ЖМНП, 1856; апрель. С. 3.

[6] *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 119—120.

[7] *Вомперский В.П.* Русские риторики XVII в. // Рус. речь. 1969, N 2. С. 17—24. См. также: *Он же.* Стилистическая теория М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970.

ссылается на сочинения Демосфена, Квинтилиана и Цицерона, других авторов и теоретиков риторики. Сложная природа текста русской "Риторики" начала XVII в. отражается на ее языке. В ней встречается много греческих, латинских и польских слов.

Обильно представлены термины латинской поэтики и риторики, которые составитель переводит с помощью греческих слов и соответствующих русских калек. Так, латинское *транслацiо* (в "Риторике" еще встречается вариант *трантланцо*), которому соответствует греческое *метафора*, автор разъясняет как "перенесенiе слова" (л. 28 об.)[8].

К латинскому термину *трантунцiо* приводится греческий *металепсис* с соответствующими русскими кальками *представленiе* или *преложенiе* (л. 29), к латинскому *пермутацiо* (л. 30) — греческий *антономасiя* и русская калька *премененiе* (л. 30).

Трантноминацiо переводится как "имени-прозвѣще" (л. 30) и т.д.

В "Риторике" много полонизмов: *выображенiе* (л. 29), т.е. 'манера, способ речи; род речи', *каркагиненчикъ* (л. 29), *господарства* (л. 2) и т.д. Латинские собственные имена на *-us*, которые переводятся по-русски с формантом *-ий*, часто приводятся по-польски с формантом *-уш* (польское *-usz*): *Тулиуша* (л. 2), *Ливиушъ* (л. 27 об.), *Овидиушъ* (л. 45) и т.д. Но: *Теренцыус* (л. 27 об).

Автор "Риторики" хорошо знал по-гречески. Ср., например, такие написания, как *Кикерона* (л. 2), *Кикерь* (л. 28 об.), *Димостена* (л. 2), в которых отражается греческое произношение и современные написания *Цицерон, Демосфен*, в которых закреплено латинское произношение.

Составитель "Риторики" отдельные части своего сочинения называет "возслѣдованиями ритора", которым соответствуют 5 традиционных частей риторики. Удалось установить латинский источник русской "Риторики" начала XVII в. Это новолатинское сочинение немецкого ученого Ф. Меланхтона (1497—1560), "Elementorum rhetorices libri duo" (1531), неоднократно издававшееся в XVII в. Ф. Меланхтон, как его называли современники, "учитель Германии" (Praeceptor Germaniae), был автором двух риторик, краткой в двух книгах, широко использовавшейся в школьном преподавании, и пространной в пяти книгах.

"Риторика" Макария представляет собой вольный перевод краткой "Риторики" Ф. Меланхтона, приспособленный к русским условиям и соответственно переработанный. Русская "Риторика" повторяет все основные определения, композицию и терминологию "Риторики" Ф. Меланхтона. Возможность существования предполагаемого промежуточного текста рукописной польской риторики, восходящей к "Риторике" Меланхтона, очевидна, но необходимо продолжить поиски этого текста.

Русская "Риторика" была создана до марта 1620 г., скорее всего в 1617—1619 гг. Начальная редакция "Риторики", приписывае-

---

[8] Все цитаты из "Риторики" приводятся по списку 1623 г., одному из самых ранних и хорошо сохранившхся, который находится в ГБЛ, в собрании Ундольского, N 874.

мой Макарию, существует в единственном списке от 1620 г. (ГИМ, Синодальное собр., N 933). 1-я стилистическая редакция была сделана до мая 1620 г. 2-я пространная редакция создавалась в январе 1622 г. (ГИМ, собр. Щукина, N 941; ГПБ, Соловецкое собр., N 110). Более полные списки этой редакции (ГБЛ, собр. Ундольского, д. 310, N 875; БАН, Архангельское собр., N 526 (Древлехранилище)).

Русская "Риторика" состоит из двух книг: "О изобретенiи дѣл" и "О украшенiи слова".

В первой книге содержится пять глав: 1. "Описанiе, или ознаменованiе риторики"; 2. "Четыре роды дѣл"; 3. "Шесть частей или статей речи или слова"; 4. "Мѣста общiе"; 5. "Возбуженiе или воскуренiе сердца слышателей".

Первая глава начата определениями риторики и ритора. "Риторика есть яже научает пути праваго и житiя полезнаго добрословiя. Сiю же науку сладкогласiем или краснословiем нарицает. Понеже красовито и удобно глаголати и писати научает" (л. 1 об). Из этого определения следует, что, по представлению автора, риторика в жизни общества выполняет большие социально-культурные и просветительские задачи. Наряду с грамматикой она не только излагает правила построения речи, но и дает советы по топике и аргументации. Риторика рекомендует образцы житейского поведения.

Высокие требования предъявляются и к автору. "Риторика" видит три источника авторского красноречия (дарование, обучение, упражнение) и три цели красноречия (убедить, усладить и взволновать слушателей). Чтобы стать ритором, необходимо много учиться, быть образованным человеком. Ритор, пишет автор, должен быть "в науцѣ реченiя хитр" (л. 2). Содержание речей, или, по терминологии автора, "слов", должно носить общественный характер. "А существо ритора таково есть, чтоб ему о таковых вещах говорити мощно, которые в дѣлах, и на градцких судах по обычаю и по закону господства того гдѣ родился, бывают пригодные и похвалные" (л. 2).

Ритор должен быть честным и отзывчивым человеком. Он должен откликаться на любое жизненное событие, на любой человеческий поступок, на все, что представляет общественный интерес: "Будет бо что ни есть бесчестнаго или пакы славы достойнаго, богатаго или убогаго, праведнаго или нечестиваго. Был бы чтоб умел рассуждать и ко всякому дѣлу подобающие слова прилагати" (л. 2).

Вслед за определениями риторики и ритора следуют 5 "возслѣдованiй ритора" или пять традиционных частей риторики: "изобретенiе дѣла", "чиновное возслѣдованiе или розряд дѣла", "соединенiе слов", "память", "гласомѣрное и вежливое слово". Эти "возслѣдованiя" соответствуют традиционному делению риторики на пять частей, разработанному в античной риторике: нахождение материала, расположение, словесное выражение, запоминание, произнесение.

Вторая глава "Четыре роды дѣл" — самая большая в 1-й книге "Риторики". В ней описываются четыре разновидности литератур-

ной речи ("роды научающій, судебный, разсуждающій, показующій") и определяются разные виды силлогизмов[9].

"Род научающій" ("наука или писмо науки, которой учит діалектика") представляет собой речь логически аргументированную, доказательную и терминологически точную. Жанры "научающего рода" — "ученіе, проповеданіе дѣла, роспрос, даваніе ответа, толкованіе всякаго писма".

"Род судебный есть же описует брани, или съпротивныя двух суперников на судѣ реченія" (л. 4). Он относится как к речи, произносимой на суде, так и к самой способности суждения ритора. Жанры судебного красноречия — "обвиновленіе, возбраненіе, умиленіе, крещеніе, обличеніе, покореніе, или вины упрошеніе".

"Род разсуждающій иже учит радѣти, и совѣтовати кому ни есть в дѣлах своих". Он "шествует в совѣтованіи и в несовѣтованіи, в наказаніи или в воспоминаніи, в прошеніи или в моленіи, во утѣшеніи, и в прочих и тѣм подобных дѣлах" (л. 4).

"Род показующій" содержит "похваленіе дѣла, или похуленіе". В нем могут быть представлены три объекта похвалы: 1) "лица, сице есть цесарь", 2) "действа, как то есть действо или ученіе цесарское, что марцелюса римленина вознеси", 3) "вещи, как то есть крепость и философия, врачевская наука, покой и сладость словесная". Так, говоря о "похвалении" философии, автор замечает, что "философия показует обороны живота, науку о нравах градцких и домовныхъ... которые вещи в том нашем житіи наипаче потребны суть".

В третьей главе "Шесть частей или статей речи или слова" рассматривается учение о композиции жанров "родов дѣл". Эти шесть частей композиции таковы: 1) "предисловіе", 2) "сказаніе дѣл или считаніе", 3) "предложеніе или объявленіе дѣла", 4) "укрепленіе", 5) "розвязаніе или толкованіе дѣла", 6) "докончаніе".

Называя в четвертой главе "общими мѣстами" "не токмо добродетелства и злобы, но и во всяком роду науки наилучшія и болшія главизны, которыя есть ключ или все естество наилучшее науки содержит", автор "Риторики" говорит, что они бывают "познаны, егда те науки, в которых пребывает, совершенно познаны будут"[10].

Пятая глава посвящена "возбужденію или воскуренію" страстей. "Возбуждение" автор определяет как изобретение должного содержания речи ("показаніе окруженных дѣл") с порождением у слушателей эмоции. В "Риторике" описываются два вида возбуждений: "любовныя", которые любимыми словами выговариваются, и "силнейшие, острыя — в тѣх требовати надобно страшных слов, как то есть

[9] Система силлогизмов "Риторики" начала XVII в. соответствует системе силлогизмов, через которые описываются роды речей у Цицерона и у Квинтилиана (См. : *Цицерон.* Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972. С. 18; *Квинтилиан Марк Фабий.* Двенадцать книг риторических наставлений. СПб., 1834. С. 190).

[10] См. также описание "общих мест" в "Кратком руководстве к красноречию" (§ 23—32) М.В. Ломоносова в кн.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч., М.; Л., 1952. Т. 7. С. 109—116. Анализ "общих мест" дан в исследовании Р. Лахманн при факсимильном воспроизведении "Риторики", приписываемой Макарию, в кн.: *Lachmann R.* Die Makarie-Rhetoric // Rhetorica slavica. Köln, 1980.

в том стиху виргилиушовом: волокл его до самаго престола трепещущаго и во многой крови сыновней шатающагося".

Вторая книга "Риторики" посвящена изложению учения о словесном выражении произведений литературы. Понятие литературы понимается автором в духе эстетических идей своего времени. Это произведения конфессиональных жанров, произведения ораторской, философской и исторической прозы, высокой поэзии.

Во второй книге четыре главы: 1. "Образец, или выображеніе, или цвѣточцы" (учение об украшении речи, тропах и аллегории); 2. "Чин и урядство выображенію трегубый" (учение о фигурах речи); 3. "Послѣдование" (учение о подражании образцовым риторам); 4. "Трегубые роды дѣл" (учение о трех стилях).

В первой главе в соответствии с филологической традицией, восходящей к античным, средневековым и ренессансным риторикам и поэтикам, автор выделяет в литературной речи две разновидности: речь простую, естественную и речь художественную.

Отличие украшенной, риторической речи от речи простой, деловой, терминологически точной заключается в том, что "диалектика простые дѣла показует, сирѣчь голые. Риторика же к тѣм дѣлам придает и прибавливает силы словесные, кабы что ризу честну или нѣкую одежю" (л. 2 об.). Таким образом, риторически украшенная речь противопоставляется диалектике.

Тот, "кто мыслит и помышляет", — говорится в предисловии к "Риторике", — или мудрит или умудряет, или умничает и доумничает, или славит или прославляет, или речет и прорицает, или молит и молитствует, или вѣдает и повѣдает, или беседует и советует, или ино таковых подобнем речет и действует", — тот пользуется диалектикой, иначе говоря, "словесницей", в основе которой должны лежать нормы литературной речи. Это же требование соответствия нормам образцового, "истинного", как пишет автор, литературного языка предъявляется и к произведениям украшенной художественной речи. "Сицево есть, которое есть содержится на словах потребных и объявляющих, которым словам по науцѣ, и по приказанію грамматическому, прямым образцом и мѣрою, соединенным подобает быти" (л. 27 об.).

О грамматических нормах автор ничего не говорит в "Риторике", отсылая своих читателей к существующим грамматикам, в которых они могли найти необходимые сведения.

Кроме требования соблюдать образцовые грамматические нормы, при создании стиля произведения литературы автор рекомендует принять во внимание еще две рекомендации.

Во-первых, в основу произведения следует положить "умноженіе вещей и дѣл", то есть языковые средства, используемые в нем, должны соответствовать теме рассуждения или предмету изложения.

Во-вторых, произведение литературы должно быть украшено тропами и фигурами, т.е. "вымыслами", по терминологии "Риторики". "Украшеніе слова есть, — пишет автор, — которое ясно и явно и сладкою речію или глаголаніем дѣла и вещи объявляет и показует" (л. 27 об.).

Автор "Риторики" описывает "виды вымыслов" и "виды риторических слов".

"Что есть выображеніе (вымысел)"? — спрашивает он и отвечает: "Выображеніие есть, якож о том описует Квинтилианус, некоторое новою наукою и смышленіем, выображеніе глаголанія" (л. 27).

Видами "выображенія" являются "тропосы" и "схемы". В состав тропов входят: метафора (пренесеніе слова им краткое подобіе), металепсис (преложеніе от силы), синекдоха (премѣны словес), метонимия (проимѣнованіе или прозваніе), антономасия (премѣненіе от различія имен), катахресис (злое требованіе), ономатопея (имѣнотвореніе, новоимѣніе), перефразис (изъясненіе изъявленія).

"Что есть тропос?" — спрашивает автор и отвечает: "Сій речь слова премѣненіе. То есть егда глас или слово от истиннаго свойственнаго естества и описанія перемѣняется, или обращает к подобной вещи или ко ближней". Пример, иллюстрирующий это определение, очень выразителен: "Филипп царь македоньскій величествомъ и высотою вещи и дѣл, сдѣланных и совершенных, пьяным былъ. Здѣ объявляет, что не имѣет истиннаго объявленія пьяньства" (л. 28).

Основным методом, с помощью которого разъясняется семантика тропов, является способ синонимического сближения и противопоставления слов, фразеологических единиц, словосочетаний, конструкций, близких по смыслу, но различающихся понятийными или экспрессивно-стилистическими качествами. Так, вместо глагола *разумѣти* Макарий предлагает использовать три различные метафоры *держати, имѣти, видѣти* (л. 28 об.), к словам *царство, назнаменованіе* он приводит их метонимии *скипетр, знамя* (л. 29 об.), глагол *обвиняти* синонимизируется с *лаяти* (л. 28 об.), имя существительное *философ* — с "перифразисом" *печалникъ* (л. 30 об.) и т.д.

В ряде случаев автор дает реальный комментарий. Говоря о метонимии *долгое портище* (ее значение 'длинное платье, одежда') и ее эквиваленте слове *покой* (его семантика 'отдых') и чувствуя, что читатель не может понять смысл этой замены, Макарий сопровождает эту параллель следующим разъяснением: "У римлян был таков обычай, что долгое платіе во время покою носили. А на службу, или когда война начинается, тогда платіе складывали, нарицали его тога" (л. 29 об.).

Тропы разделены в "Риторике" на два вида: первые относятся к одному слову (*лаяти — обвиняти, печальник — философ*), второй вид тропов относится к целому повествованию. Поэтому первый вид тропа носит название троп словесный, второй — троп речения или фигура речения, троп "сказательный".

К фигурам относится аллегория.

" — Что есть аллегорія?

— Аллегорія есть вѣчная и постоянная метафора. Не во едином словѣ, но в повести. Егда которая вещь описуется и объявляется нѣкоторымъ подобіемъ. Яко же давити кого, вмѣсто того глаголется, что есть виною до безголовнаго дѣла" (л. 30 об.).

Автор описывает четыре "образа" аллегории. "Енигма — хит-

рое некоторое подобіе или загаданіе. Парамія, которая есть повесть славная, некоторым новым дѣлом честная. Иронія есть некоторое хитрое молчаніе. Егда что самим дѣлом объявляем широко. Саркасмус блиско есть ироній, сій рѣчь насмѣяніе, или поруганія воображеніе" (л. 31).

Но автор "Риторики" не советует увлекаться красивыми вымыслами, так как произведение литературы должно соизмеряться с добрым делом. "Самое украшеніе и честь добродетелей не возбуждает людей, егда не было бы мзды дѣлом добрым. Ибо прискорбное и жалостное есть без мзды быти благим" (л. 32).

Вторая глава излагает учение о фигурах речи "чин и урядство выображенію". Риторическую фигуру автор "Риторики" называет "схемой или начертаніем". "Схема есть дѣйство некоторое реченія, в котором потребно премѣняти ознамѣнованіе слова или гласа" (л. 31 об.). Существуют три "чина схем". "Начальный чин", "виды" которого разделяются на "грамматические" и "риторические".

"Грамматические виды" изменений слова — это система версификационных вариантов, облегчавших труд литератора и поэта. В стилистике и поэтике эта версификационная система известна под названием учения о поэтических вольностях.

Далее в "Риторике" излагается учение о поэтических вольностях. Это учение перешло по традиции из греческих и латинских грамматик и риторик XV—XVI вв.

Как известно, ритмическое строение русских виршевых стихов XVII — начала XVIII в. было основано на равном количестве слогов в стихе, а не на количестве ударений, как это было определено впоследствии реформой В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова.

В виршевой поэзии поэту было важно учесть все многообразие параллельных вариантов, чтобы, заменяя их, укладываться в нужный размер по числу слогов. Например, слова *город* и *град, болото* и *блато, или* и *иль, однако* и *однак* различались числом слогов: первый вариант имеет на один слог больше, а второй — на один слог меньше. Таким образом, различия между вариантами устанавливались формально по числу слогов. Часто версификационные варианты представляли собою искусственно созданные слова, которые использовались только в виршах. Общелитературная речь их не знала.

Состав поэтических вольностей автор "Риторики" иллюстрирует следующими параллельными примерами: *уроженый — роженый* (л. 32 об.), *вопроси — спроси* (л. 32 об.), *отдавши — отдав* (л. 33), *вопіющи — вопія* (л. 33), *вложи — вложил* (л. 33), *продать — продати* (л. 33), *малую — малу* (л. 33 об.), *іордан — ордан* (л. 33 об.), *господарь — госъдарь* (л. 33) и т.д.

Риторические виды схем — это фигуры речи, образованные комбинациями слов в предложении и в сложных синтаксических целях. Их всего 12. Среди них "повтореніе, соединеніе, асиндетон, гомеоптон" и др.

"Вторый чин и урядство выображенію" составляют фигуры мыс-

ли "вопрошеніе, подивленіе, непо̀длинная надежда" и т.д. Всего таких фигур 10.

Наконец, к "третьему чину и урядству выображенію" относятся фигуры речи "от описанія, от раздѣленія, от дѣл или от вин" и т.д. Всего таких фигур 31.

В третьей главе говорится о подражании образцовым авторам ("послѣдованіі и достойным творцам"). "Послѣдованіе" бывает "общее и свойственное".

"Общее послѣдованіе" осуществляется в "вещах и словах". Подражание в "вещах" основывается на способах изобретения речи, ее распространении, возбуждении страстей и т.д. Подражание в "словах" заключается в заимствовании "слов и разговоров от тѣх творцов, которые прямо и чисто глаголют, яцыи суть Кикеро. Цесарь, Теренцыус, Ливиуш".

"Свойственное послѣдованіе" основывается на учении Цицерона о правилах построения периодической речи ("первая наука — прямой и истинный повести чин..."), о делении периода на части, составлении колонов и комм ("вторая наука — ... чтобы повести были связаны раздѣленіем") и об употреблении слов в периоде ("третия наука — ... чтобы повести украшены были словами").

Завершается "Риторика" главой, излагающей учение о трех стилях речи ("трегубые роды дѣл").

В эпоху становления европейских национальных литературных языков античный принцип выделения трех стилей используется для характеристики формирующихся языковых стилей в русском, немецком, французском, итальянском, польском и в других языках. Сложные процессы взаимоотношения между системами книжнославянского и русского языков, начавшиеся со второй половины XVI — начала XVII в., приводят к выделению в литературном языке общеупотребительного грамматического фонда и к формированию языковых стилей (высокого, среднего и низкого). В структуре развивающейся национальной речи появляется стилистическая дифференциация между языковыми средствами, которые закрепляются за каждым из стилей. Первая русская "Риторика" отразила эти языковые процессы и представила их описание.

"Колико есть родов глаголанія?" — спрашивает автор "Риторики" и отвечает: "Трие суть роды смиренный, высокій, и мѣрный". "Род высокий глаголания" соответствует "высокому штилю" в системе стилей русского литературного языка XVIII в., "род мѣрный" — "среднему штилю", "род смиренный" — "низкому штилю".

"Род смиренныи есть, — пишет автор, — которыи не востает над обычаем повседневнаго глаголанія". Комментируя это определение, В.В. Виноградов правильно замечает: «"Смиренный род" — это речь, которою пользуется народ в повседневной жизни»[11].

"Род высокий глаголания" — это риторическая украшенная речь,

[11] *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // *Виноградов В.В.* История русского литературного языка: Избранные труды. М., 1978. С. 141.

далекая от повседневного языка народа. "Род высокіи есть, — говорится в "Риторике", — которыи, хотя болшею частію содержится, свойственным гласом. И потом паки еще части имѣет метафорый и от далных вещей пріятных, достаточну размножает; и придав всяких видов, что от разума своего объявляет, и показует украшеніе глагола".

"Род мѣрный, которыи хот и есть послѣдніи, имѣет, участок видов, но во умноженіи ничтоже составляется пропинаючи род" (лл. 44 об. — 45).

Послания, грамоты, стихотворные жанры, публицистические произведения — вот перечень форм литературно-письменной речи, который Макарий прикрепляет к "мѣрному роду глаголания". "А таков есть, — замечает он, — Овидиуш, и писма грамоты, и глаголы кикероновы", т.е. "Слова" Цицерона.

Таким образом, "Риторика" отмечает важное явление в истории становления русского литературного языка национального периода, как расширение его социальных функций. Показательно в этом отношении и указание "Риторики" на расширение функций литературного языка в жанрах деловой письменности и в жанрах публицистики.

"Эта глава "Риторики" Макария, — пишет В.В. Виноградов, — свидетельствует о том, что в русском литературном языке второй половины XVI — начала XVII в. уже обозначились общие контуры системы трех стилей, трех "родов глаголания"[12].

Глава 3

СЛУЦКИЙ "КОМПЕНДИУМ ПО РИТОРИКЕ" (1629—1631)

В конце XVII в. была написана и напечатана на латинском языке в Любче над Неманом в печатном дворе Петра Бласта Кмиты самая ранняя из известных на территории Белоруссии риторик. Это "Compendium rhetoricum... in usum Scholae Slucensis" ("Краткое пособие по риторике... для пользования в Слуцком лицее") — учебное руководство, написанное специально для нужд преподавания риторики в Слуцком лицее. Автор "Компендиума" Адам Рейнгольд — один из ректоров лицея. Предположительное время издания книги — 1629—1631 гг.[1].

---

[12] Там же. С. 140.

[1] Книга эта неизвестна в русской и славянской библиографии. Она разделила судьбу многих старых учебных руководств: книга, вероятно, существует в единственном экземпляре. Она найдена белорусской исследовательницей Ю.И. Пренской в Краковской библиотеке им. Чарторысских. Обстоятельства обнаружения "Риторики" Рейнгольда, ее описание и перевод на русский язык сообщены в статье Я.И. Порецкого "Слуцкий компендиум по риторике", опубликованный в кн.: Республиканские межведомственные научные сборники. Педагогика и психология. Вып. IX. Вопросы истории школы и педагогики в БССР. Минск. 1976. В настоящей главе используются материалы этой статьи, в скобках в тексте указываются страницы "Риторики" Рейнгольда.

В начале XVII в. на землях Белоруссии существовали четыре типа учебных заведений: братские, иезуитские, униатские и протестантские. Слуцкий лицей был основан в 1617 г. "Особые условия возникновения Слуцкого лицея заключались в том, что в стране, где свирепствовала католическая реакция, под гнетом которой страдало в большинстве православное население Белоруссии, материальная помощь для строительства школы поступала от верующих протестантов, в первую очередь князя Христофора Радзивила, во главе же школы стояли люди высокообразованные и известные своим свободомыслием"[2].

В противоположность ортодоксальной ограниченности Слуцкий лицей отмежевался от богословской замкнутости и пропагандировал в первую очередь обогащение учащихся знаниями. Об истинных намерениях организаторов лицея и характера воспитания свидетельствуют такие слова из "Обращения к читателю" в "Уставе Слуцкого лицея", напечатанного по-латыни в 1628 г. / "ordo Scholae Slucensis. ubecae ad Chronum. 1628" /: "... приходите же все, кому дорога родина, кто правильно осознает целеустремленность своих поступков, ни перед кем не закрыт этот путь! Раскрыта дверь, ведущая к нашим грациям и музам, для всех честных и искренних людей. Возраст, положение, вероисповедание не представляют для нас никакой помехи. Место на этих школьных скамьях предоставлено бедняку не меньше, чем Крезу, католику не меньше, чем стороннику Реформации. И наконец... пусть никого не оттолкнет от нашего порога расхождение в религии, не отторгнет от обладания доступным счастьем из-за беспочвенного и вредного страха... Боязливым покажется эта мысль страшной и отталкивающей. Но тот, кто ближе узнает наши цели, будет искренне смеяться над своими надуманными опасениями. У нашего заведения задача: не властвовать над сознанием, а воспитывать нравы и приобщать молодежь к науке"[3].

В слуцком пособии 71 страница, содержание его разделено на четыре основные части. В первой представлены "Метод, вопросы и каноны". Вторая часть содержит "Определения всего искусства красноречия". Третья — "Специальная риторика" — знакомит с применением риторических приемов. Четвертая часть имеет три подраздела, в которых рассматриваются примеры риторического подражания, изменения, анализа. Эта часть не окончена. Изложение материала дается в системе вопросов и ответов.

Начинается "Компендиум" с определения риторики: "Риторика есть искусство, обучающее красноречию". Ссылаясь на выводы Платона из "Горгия", автор различает настоящую, истинную, плодотворную риторику и подкрашенную, бесполезную, ложную риторику: "У одной цель благо, у другой — развлекательность. Первую Платон рекомендует и восхваляет как искренность, вторую — отметает как манерность" (с. 20).

Автор проводит границу между риторикой и логикой. " Чем отли-

---

[2] *Порецкий Я.И.* Устав Слуцкого лицея // Республиканские межведомственные сборники. Методы обучения иноязычной речи. Минск, 1972. Вып. 2. С. 186.
[3] Там же. С. 191.

чаются риторические определения, рассуждения, классификации от логических?" — ставится вопрос и дается ответ: "Эти приемы употребляются в риторике для украшения, усиления, а в логике для обучения" (20).

В первой части "Компендиума" автор рассматривает тропы. Определение тропа: "Троп — это преобразование слова, а не фальсификация вещи". В тропе, говорит автор, изменяется природное значение слова на другое. В "Компендиуме" выделяются четыре вида тропов: метафора, метонимия, ирония и синекдоха.

"Метафора — это троп, посредством которого слово переносится от собственного значения к другому путем сходства. Например: "гром" вместо "свирепый". "Метафорой, — говорится в пособии, — является высказывание поэта о весне: "Все сейчас смеется, сейчас прекрасная пора". Этот пример поясняется следующим образом: "В собственном смысле говорится о смехе человека, в несходственном это переносится на луга в весеннюю пору. Сходство заключается в том, что как смеющийся человек весел, так и луг пленителен, когда убран цветами и зеленью" (с. 25).

"Метонимия — это троп, в котором причина ставится вместо следствия или предмет вместо свойства, предшествующее вместо последующего, одно из сочетающихся слов вместо другого". Например: "Марс" вместо "война", "корзины с дарами Цереры", т.е. "с плодами урожая". Рассмотрены оттенки метонимии: "тростник" вместо "дудки", "железо" вместо "меча" — метонимия материи; "бледная смерть" (Гораций) вместо "беспощадная смерть" — метонимия эффекта" (с. 25).

"Синекдоха" — это троп, в котором часть принимается за целое или наоборот" ("рубить лес" вместо "рубить дрова")" (с. 25).

"Ирония — это способ выражения данной вещи посредством слова, обозначающего противное". Пример приводится из Теренция: "Слушай, добрый человек, здорово действуешь" вместо "Негодник, бессовестно ты поступаешь" (с. 25). Автор обращает внимание читателей на то, что ирония должна выражаться особым произношением, интонацией и жестами.

Во второй части "Компендиума" приведено толкование более 70 видов тропов и фигур. Даются определения около сотни риторических терминов и понятий, начиная с риторического "звучания" и "порядка" и кончая "поведением оратора".

В слуцком пособии отмечены три черты тропа: причина, свойство, вид. Изменения значения в слове могут быть мотивированы внешними причинами (действие и цель) и внутренними причинами (материя и форма). Действия как причина тропа — это необходимость, наслаждение, взаимное влечение (affectio) вещей, согласие и обыденная речь говорящего.

"Целью тропа, — пишет автор "Компендиума", — является украшение и разъяснение недостатков собственных названий; отдельные языки обманчивы во многих собственных словах. Отсюда становится необходимым использование перенесения значений слов. Говорят: "светятся гроздья, жаждут посевы, страдают плоды". Нас вынуждает к этому необходимость, когда в языке нет других слов. Отсюда по-

являются выражения: "поток красноречия", "ясность речи", "источник славы", "к столу богача". Таково основание тропа. Итак, Плавт не мог бы сказать: "прожигать день", если бы не было соотношения между "прожигать" и "терять" (с. 22—23).

Автор учебника приводит такие слова Цицерона о причине возникновения тропов: "Как именно одежда была изобретена сначала для защиты от холода, а лишь впоследствии стала применяться как украшение тела, так изменение слова установилось по причине скудости языка, а затем для увеселения" (с. 23).

Свойства тропов бывают общими, т.е. присущими всякому тропу: применимость (aptitudo) и пристойность, приличие (verecundia). Применимость и пристойность осмысливаются автором как стилистические категории. Но могут быть и специальные свойства, присущие отдельным тропам. Это свойства — эмфазис, катахрезис, аллегория, гипербола, последовательность и непоследовательность.

Применимость тропа согласно компендиуму — это свойство, благодаря которому троп становится острым, ясным, гармоничным, близким, нежным. "Если ты назовешь ум мудреца солнцем над горизонтом, — говорится в пособии, — или человека, испытавшего разные невзгоды мячом судьбы, то скажешь остроумно. Ясно скажешь, говоря "море бесится", "холм от грома содрагается..." (с. 23).

Останавливаясь на пристойности тропа автор замечает, что не все перенесения бывают удачными: "Смешными кажутся такие выражения, как "восхищаюсь другом до центра сердца", "подсвечник героических и негероических достоинств. Порочным будет, если скажешь... "кастрированная республика" вместо "обессиленная". Эти все выражения весьма непристойны и не подходят для целомудренных ушей" (с. 23).

Эмфазис — свойство, которое делает троп более значительным по сравнению с любым словом в собственном значении. Эмфатически звучат слова Виргилия: "Летит наподобие черного вихря дротик, несущий зловещий исход" или "Вторгаются в город, погребенный во сне и вине" (с. 24).

В термине "катахрезис" заключена семантика, связанная с отклонением от смысла обыденной речи. Например, "меч, свободный от ножен", т.е. "обнаженный".

В гиперболе троп "более смел в преувеличении или преуменьшении": "Цицерон рассказывает о Мумии — человеке, длиннющем до того, что голова стучится в ворота феба". Или у Виргилия: "более светлый, чем лебеда", "более красив, чем белый плющ".

На аллегорию приведены примеры из "Сатир" Ювенала: "Бежать хочется отсюда за Сарматию и Ледовитый океан" со следующим пояснением: "Здесь наблюдается синекдохическая аллегория, так как ставится Ледовитый океан и Сарматия вместо очень далеких стран" (с. 24).

Выразительный пример на аллегорию автор компендиума заимствует из книги Цицерона об ораторском искусстве: "Оратор Коракс выпускает птенцов из насиженного гнезда, чтобы вылетели крикливые вороны". Не менее выразительно и толкование слов Цицерона: выпу-

скает — это то же, что готовит, птенцы — ученики, из гнезда — из школы, вылетать — направляться на форум, крикливые вороны, т.е. болтливые крикуны. Вывод автора компендиума: "Следовательно, это метафорическая аллегория" (с. 24).

Завершает вторую часть "Компендиума" глава о фигурах. Автор подчиняет фигуры тропам и приводит обоснование того, что можно понимать под фигурой: "Фигура является высказыванием, в котором характер речи изменяется по сравнению с привычным простым украшением или по причине движения" (с. 26).

Возникновение в речи фигур преподносится в такой образной картине: "Слова "фигура", или "схема", говорящие об одеянии и жестах танцовщиков, кажется, перешли из театра в риторические школы. Подобно тому, как в театрах актеры или танцовщики сцены облачались в разные наряды и подражали житейской жестикуляции, следуя за разнообразием представляемых лиц, так и язык из-за многогранности явлений, о которых идет речь, как бы облачается в подобранную одежду и оживлен жестами" (с. 26).

Рассматривая вопрос о происхождении фигур в речи, автор "Компендиума" приходит к выводу, что подражание является тем творческим методом, с помощью которого создаются новые эстетические и стилистические ценности на основе усвоения лучших образцов предшествующей культурной традиции. Так, автор предлагает своим ученикам прилежно читать классиков, видя в них руководителей в достижении своих эстетических и стилистических целей. Особенно он подчеркивает необходимость внимательного изучения и чтения произведений Цицерона и Демосфена[4].

Третья часть, которая носит название "Компендиум риторический, представляющий специальную риторику, в которой речь идет об употреблении риторических приемов", говорит о риторическом порождении и анализе. Под термином "порождение" (genesis) автор понимает сочинение нового произведения согласно предписаниям. Сочинение может рассматриваться в трех аспектах: как подражание, изменение и анализ. Подражание (imitatio) определяется как умение перенимать искусство других авторов и преобразовывать его в своем. Риторический анализ — это умение показывать риторическое искусство другого автора.

Оригинальны примеры, собранные в последних трех разделах. Здесь приводятся выдержки из классических авторов: из Цицерона, Цезаря, Виргилия, Ювенала, Марциала. Автор показывает, как можно этим писателям подражать, изменять и разбирать их высказывания. Приводится много примеров на тропы и фигуры.

Вот некоторые из них. Цезарь в "Войне с галлами" (кн. 4) писал: "Свевы не часто хлебом, а большей частью питаются молоком". Автор "Компендиума" предлагает такое подражание: "Белорусы не часто вином, а большей частью медом и дрожжами смачивают уста" (с. 27).

---

[4] Поучительны также суждения, высказанные в Слуцком уставе о значении приема подражания: "... художник — Вулкан, подражатель Ахил, первый кует, второй — поражает; у первого меч в ножнах, другой же клинок обнажил" (См.: *Порецкий Я.И.* Указ. соч. С. 194).

Автор относит свой пример к метонимическому подражанию посредством метаболы (превращения).

Приводится пример из Виргилия: "Неподвижный холод там обитает, бледность и страх". Назвав этот пример метонимией эффекта, автор дает подражание посредством метаболы: "Неподвижный холод в школах обитает, бледность и страх, то есть невежество, которое готовит равнодушных..." (с. 28).

Книга, изданная в начале XVII в. в Любче над Неманом, является первым печатным трудом по риторике в Восточной Европе. "Компендиум по риторике" представляет собой первую книгу, с которой начинается мощная традиция печатных риторик позднейшего времени.

Глава 4

"НАУКА КОРОТКАЯ АЛЬБО СПОСОБ ЗЛОЖЕНЯ КАЗАНЯ" ИОАННИКИЯ ГАЛЯТОВСКОГО (1659)

К XVII в. христианское красноречие на Руси располагало тремя видами риторических произведений: 1) проповеди и экзегические произведения, толковавшие тексты священного писания; 2) назидательная, наставительная проповедь; 3) богословская проповедь. Это разделение речей было установлено в Византии в IV в. столпом ортодоксального православия Василием Великим и стало основным содержанием гомилетической деятельности восточной христианской церкви. Одновременно в конфессиональном обиходе трансформируются ораторские жанры, связанные с античной риторической традицией: увещательные и утешительные речи, эпитафии, панегирики богам и героям, торжественные речи[1].

Искусству составления проповедей обучали в духовных семинариях и академиях. Существовали рукописные руководства по гомилетике — теории церковного проповедничества. Первое печатное руководство по гомилетике было издано в 1659 г. Известный юго-западный проповедник, ректор Киево-Могилянской академии Иоанникий Галятовский (ум. 1688 г.) опубликовал в Киеве сборник проповедей под названием "Ключ разумения". В приложении к этому сборнику он поместил трактат по гомилетике "Наука короткая альбо способ зложеня казаня".

Эта книга пользовалась большой популярностью на Украине, в Белоруссии и России как практическое руководство для составления проповедей и как учебное руководство в академиях и в семинариях. "Ключ разумения" издавался еще два раза во Львове в 1663 г. и

---

[1] См.: *Курбатов Г.А.* Риторика // Культура Византии. IV — первая половина VII в. М., 1984. С. 342—346.

в 1665 г. "друкарней Михайла Сльозки"[2]. В издании 1665 г. трактат Иоанникия Галятовского, переработанный автором, носит название "Наука альбо способ зложеня казаня".

В соответствии с традицией, которая была установлена Василием Великим, Иоанном Златоустом и другими отцами церкви, Иоанникий Галятовский выделяет в гомилетике две части: правила выбора предмета описания и правила изложения. Предмет описания он видит прежде всего в священном писании и в церковной литературе. "Кто хочет казанье учынити, найперше мает положити з письма святого фему, которая есть фундаментом всего казаня" (л. ФГ).

Но в то же время Иоанникий Галятовский советует изучать исторические, философские, естественнонаучные сочинения, произведения светской тематики. "Треба читати, — пишет он, — гисторіи кройники о розмаитых панствах и сторонах, щося в них дѣяло и теперъ щося дѣет, треба читати книги о звѣрох, птахах, гадах, рыбах, деревах, зѣлах, кымѣнях и розмаитых водах, которыи в морю, в рѣках, в студнях и на инших мѣстцах знайдуются, и уважати их натуру, власности и скутки, и тое собѣ нотовати, и апплѣктовати до своей речи, которую повѣдати хочешъ, до того читай казаня розмаитых казнодѣов теперешнего веку и их наслѣдуй; если тыи книги и казаня будешъ читати, знайдешъ в них достатечную матерію з которой можешъ зложити казанье" (л. ФД об.). В таком раскрытии содержания предмета описания чувствуется новая традиция, сложившаяся после эпохи Возрождения, подчинившая христианское проповедничество правилам светской риторики.

Далее Иоанникий Галятовский говорит о правилах изложения и о структуре гомилии. Всякое "казанье" состоит из трех частей: из эксордиума (вступления, введения), наррации (рассказа, повествования) и конклюзии (конца, завершения).

Эксордиум — это "початок, в котором казнодѣя приступ чынит до самой рѣчы, которую мает повѣдати и ознаймует людям пропозицію свою, постановленье умыслу своего, що постановил и умыслил на казанью, мовити и показати, о чым хочет казанье мѣти". Наррация — "повѣсть, бо в той части, повѣдает юж казнодѣя тое людям, що обѣцал повѣдати, юж показует тую речъ, которую обѣцал показати, тая часть есть наибольшая, бо в ней все казанье замыкаемая, и до ней иншыи части стягаются". Конклюзия — это "конец казаня, в той части казнодѣя припоминает тую речь, которую повѣдал в наррацыи и напоминает людей, жебы они в такой ся речы кохали, если будет тая речъ добрая, если засъ злая" (л. ФДІ).

Образец трехчастной композиции проповеди Иоанникий Галятовский находит в воскресных проповедях польского писателя и ритора Симона Старовольского (1588—1656). Об этом он делает соответствующее примечание. Одновременно Иоанникий Галятовский указывает на примеры подобного построения "казанья" в своих сочинениях и в

---

[2] Об истории изданий см.: *Огиенко И.* Издания "Ключа разумения" Иоанникия Галятовского // РФВ. 1910. N 2. С. 267—307. В дальнейшем цитируется львовское издание 1665 г.

произведениях отцов церкви. Но аргументация автора носит светский характер: "Бо як з малого жродла выходит великая рѣка, еднак вода в рѣцѣ згожается, з тоею водою, которая есть в жродлѣ, так з малой фемы великое походит казанье". Те части, из которых состоит казание, "повинныся з фемою згажати, — советует Иоанникий Галятовский, — жебы щося в фемѣ знайдует, тое в эксордіум, и в наррацыи, и в конклюзіи ся знайдовало. И найбардзѣй его наррация згажалася, жебы що обѣцал в пропозыцыи мовити: тое в наррацыи мовил, и от речы не отступовал" (л. ФГІ об.).

Далее Иоанникий Галятовский описывает правила изложения проповеднических жанров. Он подробно характеризует содержание гомилий, которые читаются по праздникам, в воскресные и будничные дни. Особо он говорит о том, как писать "казанья на погребѣ", проповеди "господскіи и богородничныи", дает советы об амплификации, сообщает сведения о тропах и фигурах, сентенциях и аргументах, которые должны выбираться "з писма святого, з учителей церковных".

Завершается руководство изложением стилистических требований, которые предъявляются к любому ораторскому жанру. "Казанье" необходимо написать и произнести ясным и понятным языком, выразительно и просто. "Старайся, жебы все люде зрозумѣли тое, що ты мовишъ на казаню", нужно "ясне, выразне и просто до зрозумѣня людзкого казанье повѣдати". "Если будешъ слово божое проповѣдати, а нѣкто его не зрозумѣет, себе самого будешъ проповѣдати и выславляти, не слово божіе" (л. ФЗІ об.).

Книга "Ключ разумения" была написана на юго-западном литературном языке, содержавшем большое число латинизмов, полонизмов, народных простых украинских слов. Язык ее был мало "вразумителен" русским читателям, которые использовали в конфессиональном обиходе тексты на церковнославянском языке. Возникает необходимость ее перевода на книжнославянский язык московской редакции. Во второй половине XVII в. было сделано несколько переводов книги Иоанникия Галятовского. Один из них был сделан по распоряжению Новгородского и Великолукского митрополита Питирима в Иверском монастыре в 1669 г[3]. Второй был выполнен на "словено-русский язык" в Александро-Свирском монастыре Лаврентием Сназиным[4]. В это же время были сделаны и другие переводы популярного сочинения Иоанникия Галятовского.

---

[3] См.: *Шляпкин И.А.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1981. С. 132; БАН, Сборная рукопись слов и поучений, составленная из пяти рукописей последней четверти XVII в. Шифр 33.11.4; Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в рукописное отделение Библиотеки императорской Академии наук в 1904 г. СПб., 1907. С. 46.

[4] См.: *Галятовский Иоанникий.* Ключ разумения. Рукопись, в лист; 399 лл., писана полууставом Петровского времени // БАН, Собр. Александро-Свирского монастыря, N 26 (75); *Викторов А.Е.* Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. С. 181.

Глава 5

КИЕВСКИЕ РИТОРИКИ XVII — НАЧАЛА XVIII в.

В братских православных школах, созданных в конце XVI — начале XVII в. на Украине и в Белоруссии (входивших в состав Польско-Литовского государства), активно изучались древние языки, грамматика, риторика, поэтика, диалектика, другие "свободные науки". Наибольшей известностью пользовались братские школы во Львове (основана в 1586 г.), в Вильне (основана в 1585 г.), Киеве (основана в 1615 г.). В 1632 г. школа Киево-Богоявленского братства и Высшая коллегия при Киево-Печерской лавре были объединены и преобразованы в Киево-Могилянскую коллегию (с 1701 г. — Киево-Могилянская академия).

Киево-Могилянская академия являлась главным центром науки и образования на Украине и в Белоруссии. Выпускники академии сыграли большую роль в развитии культуры, просвещения, литературы и литературного языка в России. Выработанную в этом учебном заведении на основе творческого переосмысления и развития идей античности, патристики, схоластики, гуманизма и Реформации философскую систему взглядов по типу философского мышления и особенностям изложения концепции следует отнести к позднесредневековой или проторенессансной системе, а некоторые учения начала XVIII в. можно назвать даже просветительскими.

Сильное влияние на развитие теории риторики в Киево-Могилянской академии сыграла теория риторики в Польше. Исходным пунктом развития польской риторико-поэтической системы была ренессансная латинская поэтика испанского иезуита С. Суареса "Об искусстве риторики" (De arte rhetorica libri III, 1560). Отсюда берут начало две тенденции — античная, опирающаяся на традиции "золотого века" (З. Ломен, М. Радо и др.), и барочная, в которой получает дальнейшую разработку восходящий еще к средневековой концепции принцип rhetorica verba colorat (красноречие придает словам окраску), превращающийся теперь в ведущий мотив теоретических изысканий, например, у Яна Кваткевича в "Фениксе риторов" и "Красноречии глубокомыслия" (Phoenix rhetorum, 1672; Eloquentia reconditior, 1689). Для этой последней тенденции характерно стремление к максимальному насыщению поэтической ткани ораторскими эффектами. Большую роль в развитии риторики в Польше сыграла теория риторики, сложившаяся в эпоху Возрождения в итальянских университетах и академиях[1].

"Новая школьная "ученость" шла в Россию либо прямо из Польши, либо при посредничестве украинских и белорусских книжников, прошедших польскую школу поэтики и риторики...

Идейно-политическая и философско-религиозная несовместимость восточнославянских и польских национальных, государственных и

---

[1] См.: *Липатов А.В.* Литературный облик польского барокко и проблемы изучения древнерусской литературы // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 57.

теологических доктрин отнюдь не означала несовместимость эстетическую, художественную. Характерный пример: имевшая столь громадное значение для судеб науки, культуры, литературы и искусства восточных славян в XVII в. Киево-Могилянская академия, противопоставляясь в своей идейно-философской теории и практике католицизму польских веяний, в то же время использовала поэтику и риторику своих противников. Или — если речь идет не об институте, а личности — пример Симеона Полоцкого, крупнейшего и влиятельнейшего восточнославянского писателя XVII в., который творил в духе теоретических предписаний польской поэтики и риторики, а также писал по-польски и по-латыни ибо эти языки были не только более совершенны в отношении литературной культуры, художественной экспрессии, но и являлись средством межславянского (польский) и общеевропейского (латынь) общения и приобщения к западноевропейскому типу культуры...

Польская трансформация западноевропейских мотивов и стилей, проникая на Украину и в Белоруссию, подвергалась здесь новой очередной адаптации в соответствии с местными национальными традициями и актуальными общественными потребностями. В этом преобразованном своем облике они попадали на земли Московского государства (наряду с аналогичными веяниями, шедшими сюда и непосредственно из Польши), где опять подвергались местной адаптации или корректировке"[2].

Все риторики, созданные в Киево-Могилянской академии, делились на общую и частную или прикладную.

Общая риторика состояла из введения и самой риторики. Во введении решались общие вопросы о том, что такое риторика, о происхождении, достоинстве, пользе, необходимости риторики, о предмете и частях ее, об обязанностях и цели автора, об учебных руководствах и т.п. Сюда же вносились иногда разделы о распространении и периодах, о достоинствах и недостатках стиля, учение о трех стилях — высоком, среднем и низком.

Сама риторика состояла из пяти частей: 1) изобретение; 2) расположение; 3) выражение; 4) память; 5) произношение. Последние две части иногда соединялись воедино, а в ряде случаев не излагались вовсе. Как определялись риториками изобретение, расположение и выражение?

1. Изобретение. В изобретении выделялись доказательства научающие и убеждающие. Изобретение доказательств научающих или умственных есть "вымышление причин, подтверждающих предложение". Причины эти бывают трех родов — изъяснительного, совещательного и судебного (Иннокентий Поповский. Риторика "Раковина" ("Concha") 1698)[3].

Изобретение убеждающих доказательств состоит в распространении мыслей и слов. Часто киевские риторики заменяли его разделом о возбуждении страстей.

---

[2] Там же. С. 90—92.

[3] См.: *Петров Н.И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала ее до преобразования в 1819 году // Труды КДА, 1868. N 3.

2. Расположение. "Расположение, по Цицерону и другим риторам, есть упорядоченное размещение изобретенных предметов..." "Расположение бывает двоякого рода: одно, по которому располагаются и пишутся короткие речи, другое, по которому — длинные" (Анонимная риторика "Корабль Туллианский" ("Classis Tulliana"), 1699).

Расположение кратких речей бывает "через силлогизм, энтимему, эпихорему, сорит, дилемму, индукцию и пример", через повышение и понижение, через положение и приложение (Силуан Озерский. Риторика "Оратор" ("Orator"), 1688); (Иннокентий Поповский. Риторика "Раковина" ("Concha"), 1698)[4].

Большие речи располагаются четырьмя способами: 1) через expolitio (отделка, усовершенствование), 2) через аллегорию, 3) через общие части, 4) через хрию (хрия — риторический прием, распространяющий слово и мысли в целом сочинении).

3. "Выражение есть обработанное и изящное изложение через тропы и фигуры изобретенных и хорошо расположенных предметов". Качества выражения три: изящество, достоинство, композиция (Иннокентий Поповский. Риторика "Раковина" ("Concha"), 1698)[5].

Частная или прикладная риторика не имела определенных и постоянных частей, как общая риторика. Состав их менялся. В старых риториках киевского цикла говорится только об эпидиктических речах, содержащих в себе похвалу или порицание. Но к началу XVIII в. из них выделяются особые краткие речи, получающие конфессиональное употребление: речь священника при благословении новобрачных и надгробные речи. Эпидиктические речи раздваиваются: одни из них удерживают прежний светский характер, другие переходят к церковным проповедям.

Издавна существовала традиция излагать учение о эпистолярных жанрах в поэтике. Так, например, поступали римские теоретики стиля. Феофан Прокопович перемещает учение о эпистолярных жанрах как стихотворных, так и прозаических, из поэтики в риторику. Киевские риторики говорят и о судебных речах, которые бывают двоякого рода — обвинительные и защитительные.

Рассмотрим теперь наиболее важные в теоретическом и практическом отношении риторики Киево-Могилянской академии.

В киевских архивах сохранились 183 рукописных риторических курса, прочитанных по-латыни в XVII—XVIII вв. в Киево-Могилянской академии или привезенных из других стран. 117 учебников риторики составлены и прочитаны в Киево-Могилянской академии на протяжении XVII—XVIII вв. Из них к XVII в. относятся 32 риторики, к XVIII в. — 85 риторик[6]. Расцвет теории риторики в Киево-Могилянской академии приходится на конец XVII — начало XVIII в. и связан с деятельностью Феофана Прокоповича. "Однако, как справедливо

[4] Там же. С. 475—476.

[5] Там же. С. 479.

[6] Сведения и библиографическое описание курсов риторики в Киево-Могилянской академии см.: *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А.* Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев, 1982. В дальнейшем указывается в тексте страница этого издания.

отмечают авторы "Описания курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии", начиная с 50-х годов XVIII в., прежде всего вследствие постоянного вмешательства синода в учебные процессы академии, курсы риторики, как и философии, теряют свою оригинальность, уменьшается рассмотрение общественно-политических проблем, т.е. они все меньше и меньше могут удовлетворять запросы общественной жизни" (с. 4).

Среди профессоров, прочитавших курсы риторики, следует прежде всего назвать Иосифа Кононовича-Горбацкого (ум. в 1650 или 1653 г.). Он получил образование в Замойской академии. Приехал в Киев по просьбе Петра Могилы из Львова. Кроме риторики прочитал в Киево-Могилянской академии диалектику и логику (1639—1642 гг.). Позднее был епископом Витебским, Мстиславским, Оршанским и Могилевским.

Его курс "Оратор Могилянский, украшенный совершеннейшими ораторскими разделениями Марка Туллия Цицерона" ("Orator Mohileanus Marci Tullii Ciceronis apparatissimus partitionibas excultus") (1635—1636) — самая ранняя из дошедших риторик киево-могилянского цикла[7].

Риторика состоит из вступления и трех трактатов. Во вступлении обсуждаются три вопроса: 1. Необходимо ли искусство ("художество") для усовершенствования врожденного дарования оратора? 2. Является ли риторика искусством ("художеством")? 3. В чем состоит долг оратора? В первом трактате "О силе красноречия" излагается пятичастная структура риторики. Во втором трактате "Об ораторской речи" рассматривается природа ораторской речи: амплификация, тропы, фигуры, чувства, возбуждаемые ораторской речью. Третий трактат содержит характеристику темы и предмета ораторского выступления, учение о трех стилях — высоком, среднем, низшем, о функциональных родах речи — совещательный, торжественный и судебный роды красноречия.

Автор обнаруживает отличную осведомленность в античных теориях риторики. Об этом свидетельствуют ссылки на "Риторику к Гереннию", произведения Цицерона, Квинтилиана и др. Среди дисциплин, формирующих личность оратора, автор отдает предпочтение истории и философии. Здесь сказывается влияние гуманистов эпохи Возрождения, тесно соединивших риторику с логикой и считавших последнюю наукой как о понятии (разум), так и о знаке (речь). В риторике цитируются известные гуманисты: Джакомо Забарелла, Эразм Роттердамский, Станислав Ориховский и др.

Важнейшим качеством в речи совершенного оратора, говорит

---

[7] В киевских архивах сохранились рукописи риторик по времени своего возникновения старше, чем риторики "Otator Mohileanus" Иосифа Кононовича-Горбацкого (1635—1636). Это, например, "Риторика" Адама Ромерия (Rhetorica Adami Romerii) (1633) ЦНБ АН УССР, N 873 (Муз. 542). См.: *Лебедев А.* Рукописи церковно-археологичекого музея при имп. Киевской духовной академии. Саратов, 1916. Т. I. С. 435; *Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А.* Указ. соч. С. 137; *Кадлубовский А.П.* Об источниках ломоносовского учения о трех стилях // Сборник историко-филологического общества при Харьковском университете в честь проф. М.С. Дринова. Харьков. 1908. Т. 15. С. 87. Но эта риторика была написана не в Киево-Могилянской академии, а привезена из-за границы.

И. Кононович-Горбацкий, является ее действенность, умение откликнуться на события дня, вопросы, волнующие слушателя. Он восхваляет в риторике Петра Могилу, других деятелей украинской культуры, дает практические советы студентам по составлению прощальной речи при отъезде на учебу за границу и приветственной речи при возвращении на родину (см. с. 11—13).

Риторика Иоасафа Кроковского (ум. в 1718 г.) "Кладовая Туллианского красноречия к политическому употреблению украинской молодежи в коллегии Киево-Могилянской..." ("Penarium Tullianae eloquentiae ad usus politicos Roxolanae iuventuti in collegio Kiiovomohylaeano...") (1683 г.).

Риторика состоит из вступления "К кандидатам красноречия" и трех частей "кладовых Туллианского красноречия". Первая часть определяет сущность риторики и говорит о средствах, служащих расширению речи. Во второй части излагаются практические советы по составлению приветственных слов (по случаю дня рождения, по случаю рождества, "о похвалах за содеянное в молодости"), сообщаются "различные аффекты, необходимые для выражения похвал согласно званию и должности". В третьей части рассматриваются: виды и способы аргументации, композиция кратких речей и эпитафий, "память" оратора и произнесение речей. В риторике приводятся образцы благодарственных и хвалебных речей Петру Могиле, Сильвестру Коссову, Иннокентию Гизелю, гетману Ивану Самойловичу и др. (см. с. 14—15).

Риторика Силуана Озерского "Оратор на Туллианских образцах в Киево-Могилянской коллегии к любому виду красноречия тщательно обученный в (1687) году" ("Orator e mente Tulliana ad ubique exacte dicendum instructus in collegio Kiiovomohilaeano anno (1687)").

Автор курса верен античной риторической традиции, в первую очередь Марку Туллию Цицерону. Из пяти частей риторической теории он излагает только три: 1) нахождение материала и логическое его оформление; 2) расположение; 3) риторическое изложение. Вместо памяти и произнесения Силуан Озерский кратко сообщает сведения по диалектике, чтобы подготовить студентов к слушанию лекций по философии. Подобным методом пользовались гуманисты эпохи Возрождения (см. с. 17—18).

Риторика Иоанникия Валявского "Ритор украинский согласно обычаю своей отчизны обученный и для пользы благородного юношества в коллегии Киевской взращенный..." ("Rhetor roxolanus ad mentem suae patriae eruditus nobilique iuventuti in collegio Kiioviensi ad usum productus...") (1689).

Риторика состоит из вступления и двух глав. Во вступлении обсуждается предмет риторики и специфика мышления ритора. В первой главе рассматривается теория амплификации и различные ее виды (ученая амплификация, свидетельствующая об эрудиции ритора, способы амплификации, создаваемые с помощью внутренних риторических мест, внешние формы красноречия, основанные на остроумии (acumen)). Во второй главе излагаются виды ораторских выступлений и способы их построения (поздравительные, судебные, благодарственные, брачные, погребальные речи).

3. Зак. 868

Источниками для риторики Иоанникия Валявского служат сочинения Марка Туллия Цицерона, Казимира Ржевуцкого, Мартина Полония, Яна Кваткевича.

Профессору Прокопию Калачинскому принадлежат две риторики "Кладовая ораторского искусства кандидатам красноречия в коллегии Могилянской предложенная в 1691 г." ("Promptuarium artis oratoriae candidatis eloquentiae in collegio Mohilaeane oblatum anno 1691") и "Учебник риторики для украинского ритора..." ("Subsidium rhetoricum variis refertum notatus roxolano rhetori..." (1692). Риторики различаются своим построением и внутренним содержанием.

Первая риторика состоит из вступления (предмет риторики) и двух трактатов. В первом трактате излагаются логические основы речи, даются советы о том, что должен знать оратор церковный и светский, собираются сведения о композиции ораторского произведения. Второй трактат содержит учение о трех стилях речи. Автор разъясняет существо и назначение торжественного красноречия, перечисляет языковые средства, необходимые для построения хвалебных речей (прощальные, приветственные, поздравительные, свадебные речи).

Риторика Михаила Оникимовского "Триумф в честь победы в годичном труде на благодатной арене Могилянской палестры, благодаря туллианскому начинанию происходящий" ("Triumphus cum annui laboris victoria in facunda Mohilaeane palestrae arena Tulliano Tirocino trimphandus" (1696—1697).

Риторика состоит из вступления "прелюдии к триумфу" и трех частей ("ораций"). Первую часть автор посвящает изложению правил членения речи на части, выделяя при этом следующие: вступление, изложение, определение темы, доказательство, опровержение и заключение. Во второй части автор говорит о дефиниции, роде и форме, сходном и несходном, о противоположении и противоречии, о предыдущем и последующем. Третья часть посвящена учению об украшении речи. Среди тропов и фигур рассматриваются метафоры, метонимии, сравнения, символы, эмблемы, иероглифы, сентенции, крылатые слова и т.д.

В риторике отражен интерес автора к современным историческим событиям. В тематическом отношении весь учебник посвящен взятию Азова Петром I в 1696 г. К учебнику прилагается также латинская поэма под названием "О взятии Азова". В риторике помещены панегирики Варлааму Ясинскому, Лазарю Барановичу — церковным деятелям и писателям конца XVII в. (см. с. 24—25).

Риторика Иннокентия Поповского "Раковина, содержащая новые и дополненные гением нашего века перлы ораторского искусства возле берегов Борисфена рожденная и для украшения голов талантливых" ("Conha novas easque praesentis aevi genio accommodatas artis oratoriae gemmas continens ad litus Borysthenis nata ad exornandos igeniorum vertices Kiiovomohilaeanis rhetoribus collata, anno 1698").

Риторика состоит из вступления и двух частей, каждая из которых состоит из "перлов красноречия". Вступление излагает предмет риторики и обязанности оратора, выясняет сущность красноречия как "художества". В первой части рассматриваются логические основы

речи, принципы определения и нахождения аргументов, способы расположения посылки и аргументов с помощью силлогизмов и энтимем, экспозиции, тезиса и гипотезиса. Эта часть завершается изложением учения о трех стилях, их качествах, о способах украшения стиля с помощью накоплений, аффектов, переходов от одной части речи к другой. Вторая часть риторики рассматривает виды речей. Здесь сообщаются способы составления поздравительных речей по тематическому признаку: по случаю рождества, Нового года, именин, пасхи, рождения ребенка, победы, получения звания, речей прощальных, евхаристических, заздравных, свадебных, похоронных, панегирических и священных.

"Раковина" Иннокентия Поповского — одна из самых значительных по глубине и широте изложенного материала киевских риторик конца XVII в. Она оказала большое влияние на формирование теории риторики на Украине и в Белоруссии, и это влияние было значительным вплоть до создания "Риторики" и "Поэтики" Феофана Прокоповича в начале XVIII в. "Раковина" Иннокентия Поповского построена на внимательном освоении античной и позднесредневековой риторической традиции (см. с. 26—28).

Риторика Иосифа Туробойского "Рог изобилия ораторского искусства, наслаждение всякому гению красноречия, к гению и таланту украинского народа удобнообильный в кладовой Киево-Могилянской академии новому ритору представленный в году 1700" ("Cornucopiae artis oratoriae omni genio eloquentiae fructus ad genium et ingenium gentis roxolanae accommodo fecundae in Kiiovo Mohilaeani Athenei promtuario neo rhetori oblatae anno 1700").

Риторика состоит из вступления и двух частей. Первая часть, теоретическая, излагает понятие риторики и ее частей, сообщает логические основы нахождения материала в речи, способы нахождения и расположения материала. Вторая часть, практическая, посвящена способам и приемам составления политических и школьных речей. Завершается "Рог изобилия ораторского искусства" рассмотрением природы украшенной речи. Здесь говорится о понятии тропа, о фигурах, сентенциях, символах на всевозможные темы. Автор особенно внимательно описывает стиль научного изложения, слова научного стиля и явление антономазии. Иосиф Туробойский дает образцы речей в честь разных светских и церковных лиц и образцы диспутов на актуальные темы: "Мир украинцам надо любить", "Примирение с турками для украинцев лучше, чем война" (см. с. 31—32).

Риторика Игнатия Миштальского "Туллианская ростра к воспитанию на всяком поприще козаков и новичков русских под щитом Паллады Киево-Могилянской воюющих на чудотворных и божественных основах защитников наших Варлаама Ясинского и Иоасафа Кроковского построена, риторическими наставлениями и разными практическими занятиями к восхвалению и вечной славе весьма трудолюбиво укреплена и украшена в 1701-м году в коллегии Киево-Могилянской ("Rostra Tulliana ad formandos in omni arena equites et neotyrones Rossiacos, sub Palladis Kiiovo-Mohylaeanae scuto militantes in taumaturgis nempe divinissimis tutelarium nostrorum Barlami

et Ioasaphi fundamentis erecta, praeceptic rhetoricis et variis ad plausum ac illustrata anno 1701 in collegio Kiiovo-Mohylaeano").

"Туллианская ростра" состоит из вступления и трех частей. Первая часть содержит наставления о названии в риторике, о происхождении, предмете и частях риторики, методе нахождения аргументов. Здесь же излагается теория амплификации вещей: поиски обилия субстанциональных способов нахождения и обилия прилагательных и глаголов. Во второй части описывается расположение материала диалектическое и риторическое. Среди диалектических силлогизмов автор рассматривает энтимему, индукцию, сориты, дилеммы и т.п. Риторическое расположение включает в себя вступление, определение темы, стиль, его разнообразие и употребление, в частности в эпистолярных и исторических жанрах, в устном воспроизведении. Главный вопрос, на который отвечает автор в этой части книги: что такое большая речь и как она становится таковой. Третья часть рассматривает природу ораторского стиля и способы составления речей (гороскопические, поздравительные, приветственные, свадебные, похоронные речи и т.д.) (см. с. 45—47).

Профессор Иларион Ярошевицкий прочитал два курса риторики в 1702 г. и в 1703 г. В изложении теории риторики они близки друг другу. Наибольшей разработанностью отличается курс 1703 г.: "Древо Туллианское, ярчайшими звездами благосклонностей из Ясинскианского неба освещенное и орошенное, возле жемчужных волн Борисфена прославленное, одухотворенной водой Иордана..." ("Arbor Tulliana Iasinsciano de caelo illustrissimis gratiarum syderibus collustrata et inundata ad gemmeas Borysthenis undas ampliata mystico Iordanis...").

Риторика состоит из вступления и трех частей. Первая часть излагает предмет риторики. Вторая часть рассматривает расположение и нахождение материала. Автор подробно говорит о методе нахождения аргументов или веры, о внутренних и внешних местах, о расположении диалектическом и риторическом. Центральное место в этой части курса занимают вопросы стиля. Вот названия глав, они достаточно выразительны: "О стиле речи вообще, что такое стиль, в чем состоит, почему льнет к красоте и чего в ней нужно бояться"; "Об ораторском стиле"; "О недостатках и преимуществах стиля"; "О выразительности или тонкости стиля". Заканчивается эта часть рассмотрением видов речей (поздравительные, евхаристические, свадебные, похоронные, порицательные речи и т.д.). В третьей части предлагаются практические советы по составлению приветствий разного содержания.

Оба риторических курса построены на античных образцах, в первую очередь на произведениях Аристотеля, Марка Фабия Квинтилиана и Марка Туллия Цицерона. Автор широко использует наследие гуманистов Возрождения. Образцом написания учебников послужила "Риторика" Ф.Суареса (см. с. 50—55).

Наконец, "Риторика" Феофана Прокоповича — выдающееся явление не только в истории красноречия на Украине, но и в отечественной риторике XVIII в. Появление "Риторики" Феофана Прокоповича —

переломный момент в развитии ораторского искусства в Киево-Могилянской академии.

В XVII в. в академиях поэтики и риторики не были так строго разделены одна от другой, как это сложилось впоследствии в XVIII в.[8] Местом соединения этих "свободных художеств" служат риторические образцы и отрывки из сочинений риторов, которые, с одной стороны, являются предметом занятий по поэтике, а с другой, изучая их, слушатели готовятся к занятиям по риторике.

В средние века достоинство всех "свободных художеств" измеряется их практической пользой. И в этом отношении поэтика значительно уступает риторике. В академиях изучение поэтики занимает место ниже риторики и предшествует ей. Без помощи риторики поэтика не может научить стихотворному искусству. Для этого необходима известная гибкость ума и владение словом, чего не может дать сама поэтика. Поэтому риторические правила и отрывки, помещавшиеся в поэтиках, содействуют развитию стихотворного искусства.

С начала XVIII в. риторические прибавления к поэтике начинают сокращаться, а в конце "Поэтики" Феофана Прокоповича их вовсе нет. Но много риторических прибавлений входит у него в основной текст "Поэтики". Феофан Прокопович разрабатывает понятие о том, что поэтика не многим отличается от риторики и почти равна с нею. Приведя слова Цицерона о родстве оратора с поэтом, Феофан Прокопович пишет: "Отсюда открывается, что предмет поэзии составляет все то, о чем можно писать стихи, т.е. все те предметы, которые составляют содержание и науки ораторской"[9].

Начиная с Феофана Прокоповича, "поэтика более и более стала терять свой характер изолированности в отношении к риторике более и более проникаясь риторическими правилами и таким образом мало-помалу стала подходить под одно общее с риторикой понятие литературы"[10]. Риторика в понимании Феофана превращается из учения о красноречии в общую теорию словесности. Ее культурное, эстетическое и лингвистическое воздействие перерастает границы того культурного (юго-западного) ареала, в котором она была создана. Феофаново понимание риторики как общей теории словесности становится национальным культурным достоянием всех восточнославянских народов — русских, украинцев и белоруссов. Феофан Прокопович резко порвал с традициями школьной риторики, стилю барокко противопоставил четкость, понятность, ясность, логичность при составлении речи.

Название "Риторики" Феофана Прокоповича: "Десять книг о риторическом искусстве для обучающейся украинской молодежи и изучающей оба вида красноречия, для блага религии и отчизны преосвя-

---

[8] Самая ранняя из сохранившихся киевских поэтик "Поэтика 1637 года" недавно опубликована: *Крекотень В.І.* Київська поетика 1637 року // Літературна спадщина Київської Русі і українська література XVI—XVIII ст. Київ, 1981. С. 118—159.

[9] *Прокопович Феофан.* Про риторичне мистецтво // Філософські твори. Київ, 1979. Т. 1. С. 112.

[10] См.: *Петров Н.И.* Указ. соч. С. 469.

щенным отцом Феофаном Прокоповичем преподанные в Киеве, в славной и православной академии Могилянской в году 1706" (De arte rhetorica libri X pro informanda Poxolana iuventute utriusque eloquentiae studiosa, bono religionis et patriae a reverendo p. Theophane Procopovicz traditi Kiioviae in celebri et orthodoxa academia Mohylaeana, anno 1706). Подробное рассмотрение значения "Риторики" и "Поэтики" Феофана Прокоповича в истории отечественных стилистических теорий см. в главе "Стилистическая теория Феофана Прокоповича".

Глава 6

РИТОРИКИ А.Х. БЕЛОБОЦКОГО

В истории русской риторики конца XVII—XVIII вв. важное место принадлежит Андрею Христофоровичу Белобоцкому — исследователю литературного языка, теоретику ораторского искусства, филологу, полиглоту, поэту. Его имя в истории отечественной лингвистической науки почти совсем не известно, хотя сочинения Белобоцкого по общей теории словесности и по ораторскому искусству пользовались большой популярностью и были широко распространены в России в конце XVII — в первой половине XVIII в.

Известны только некоторые факты биографии Белобоцкого. По происхождению он польский шляхтич, родился в Перемышле, с 1665 по 1679 г. учился в университетах Франции, Италии и Испании. Затем жил в Риге и в Смоленске, а с февраля 1681 г. в Москве. В 1682 г. в Посольском приказе выдержал экзамен в знании иностранных языков. Среди тех, кто "свидетельствовали" Белобоцкого в знании иностранных языков, был Н. Спафарий. В 1686 г. в составе великого посольства Ф.И. Головина направился в Китай.

Белобоцкий перевел трактат Фомы Кемпийского "О последовании Христу", сочинение испанского философа Раймунда Люллия "Ars brevis" под названием "Краткая наука", был автором весьма популярного оригинального сочинения "Великая наука Раймунда Люллия", "Риторики" и "Книги философской".

Его "Краткая беседа милости со истиною" была напечатана в числе первых книг Петербургской типографии[1], а поэма "Пентатеугум" ("Пятикнижие"), как отмечают исследователи, "пожалуй, наиболее значительный памятник русской поэзии в период от Симеона Полоцкого до Кантемира"[2].

Методологическую основу философских и лингвистических взглядов Белобоцкого составляет люллианство. Родоначальник люллианства — средневековый философ, поэт, теоретик ораторского искусства,

[1] *Горфункель А.Х.* Неизвестное издание петровской эпохи // Книга. М., 1962. Вып. 6. С. 123—131.

[2] *Горфункель А.Х.* "Пентатеугум" Андрея Белобоцкого (Из истории польско-русских литературных связей) // ТОРДЛ. Т. 21. "Новонайденные и неопубликованные произведения древнерусской литературы", М.: Л., 1965. С. 39—64.

участник Крестовых походов и рыцарь Раймунд Люллий (1235—1315). Он создал философскую теорию, в которой изложил учение об универсальном методе познания (он определяет его как ars universalis, ars generalis, ars magna). Посредством этого метода, считает Люллий, можно с разумной необходимостью вывести любые истины из общих понятий.

Первые философские размышления над сущностью именования связаны с именем Платона. Для философии языка Платона характерны две основные черты: 1) взгляд на учение об имени как на учение о сущности, 2) иерархия.

В его концепции предполагается, что имя связано с сущностью вещи, ее идеей — "эйдосом" (ειδος) и в силу этого имя, будучи всегда чем-то общим, способно именовать отдельные проявления сущности — отдельные вещи, "соименные" с данной сущностью[3].

Эти взгляды Платона резюмированы Аристотелем в "Метафизике" (1, 6): "...Платон, усвоив взгляд Сократа, доказывал, что такие определения относятся не к чувственно воспринимаемому, а к чему-то другому, ибо, считал он, нельзя дать общего определения чего-либо из чувственно воспринимаемого, поскольку оно постоянно изменяется. И вот это другое из сущего он назвал идеями, а все чувственно воспринимаемое, говорил он, существует помимо них и именуется сообразно с ними, ибо через причастность к эйдосам существует все множество одноименных с ними вещей"[4].

Эта платоновская философия выражена в диалоге "Кратил" (386е—387d): "С о к р а т. ...Ясно, что сами вещи имеют некую собственную устойчивую сущность, безотносительно к нам и независимо от нас... И давать имена нужно так, как в соответствии с природой следует давать и получать имена, и с помощью того, что для этого природою предназначено"[5]. Анализируя взгляды Платона, Ю.С. Степанов пишет: "Ясно, что в контексте этого рассуждения Сократа-Платона "в соответствии с природой" значит "в соответствии с сущностью вещи". Платон прекрасно понимает, что слова разных языков — греческого или варварских (эллины называли "варварскими" все языки, кроме своего собственного) все равно будут "даны правильно", несмотря на различные звуки, если они правильно относятся к сущности вещи.

Язык, который в своих словах имеет именно такое отношение к сущностям вещей, тем самым, по выражению Платона, "подражает" вещам (Платон использует термин μιμησις 'подражание'). И такой язык является "полностью правильным" или, лучше сказать, был бы таковым, если бы был вполне возможен (после "Кратила" Платон все более скептически смотрел на эту возможность)"[6].

Именно в таком виде платоновская идея совершенного языка

---

[3] Критическое изложение концепции Платона дается в кн.: *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985. С. 15, 24.

[4] *Аристотель.* Соч. М., 1976. Т. 1. С. 79.

[5] *Платон.* Соч. М., 1968. Т. 1. С. 418.

[6] *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка... С. 24—25.

получила развитие в средневековой схоластике, в "великом искусстве" Раймунда Люллия.

Люллий стоит на почве средневекового универсализма, согласно которому общие понятия (universalia) обладают самостоятельным бытием. Мир логический, мир общих понятий отождествляется с миром действительности, и действительность выглядит как некая система упорядоченных, определенным образом организованных понятий. Поэтому, чтобы познать действительность, необходимо комбинировать понятия по определенным правилам, в определенной последовательности, и тогда можно вскрыть подлинную природу вещей материального и духовного мира, природу самой действительности.

Целям познания мира и служит "великое искусство" Раймунда Люллия, в основе которого лежит учение о полном и совершенном совпадении вещей и понятий. Само "искусство" механических комбинаций понятий выступает как универсальный метод познания, содержащий в себе начала и принципы всех наук, существовавших в средневековую эпоху. Раймунд Люллий — один из средневековых "реалистов", который довел эту точку зрения до панлогизма.

В Западной Европе на протяжении XVI—XVIII вв. и в России в конце XVII — первой половине XVIII в. постоянно проявляется интерес к наследию Люллия. В основе этого интереса лежит стремление выработать новый научный метод познания, противостоящий схоластической логике. Выдающиеся европейские ученые, изучавшие наследие Люллия, не копировали его идеи, они критически относились к оценке "великого искусства" каталонского философа.

В позднем люллианстве ясно выделяются три направления, которые постоянно переплетаются друг с другом.

Интересы такого выдающегося мыслителя, как Г.В. Лейбниц (1646—1716), направлены на решение проблемы гносеологии с помощью категорий логики, т.е. тех вопросов, которые позднее стали разрабатываться математической логикой. Так, в письме ганноверскому герцогу Иоганну-Фридриху Лейбниц писал 13 февраля 1671 г., что он "нашел средство во всех знаниях посредством искусства комбинаций осуществить то, что благодаря алгебре и анализу Декарт и другие сделали в арифметике и геометрии. Этим искусством занимались Люллий и Кирхнер", но они "были далеки от того, чтобы видеть его глубину". Свое открытие Лейбниц считал "матерью всех открытий", "одним из самых важных"[7].

Другие исследователи пытались приложить принципы "изобразительной логики" Люллия к конкретным областям естествознания. Джордано Бруно (1548—1600), неудовлетворенный эмпиричностью традиционной медицины, которая покоилась на схоластических принципах средневековых комментаторов Аристотеля, формирует новые методы диагностики на основе системы отвлеченных логических люллианских комбинаций.

---

[7] См.: *Зубов В.П.* Рукописное наследие Джордано Бруно. "Московский кодекс" Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1950. Вып. 11. С. 169.

В эпоху становления национальных литературных языков ряд французских, испанских и русских филологов широко используют логические идеи люллианства для характеристики стилистических систем складывающегося литературного языка и жанров новой литературной традиции. Популярность люллианства в России в конце XVII в. объясняется и идейными причинами. Люллианство как идеология и схоластический метод познания ближе к русскому православию, чем картезианство, распространенное в то же время в Европе, с его культом опыта и естествознания как орудия исследования действительности, культуры и языка.

Старая наука судила о сочинениях Белобоцкого поверхностно и однобоко. Историки культуры и естествознания обращали внимание только на естественнонаучный иллюстративный материал его сочинений, на его космологические и биологические представления и считали, что все эти сведения носят устаревший характер, так как относятся целиком к средневековью и не отражают состояния ни западноевропейской, ни русской науки и образованности конца XVII — начала XVIII в. Они не могли объяснить факты широкой популярности сочинений Белобоцкого в русской читательской аудитории, о чем свидетельствует многочисленность списков его сочинений. Этими вопросами они даже и не интересовались[8].

Попытки дореволюционных исследователей объяснить идейный смысл сочинений Белобоцкого, исходя из религиозных воззрений автора и из характера цитирования патристической литературы, и квалифицировать их как руководства по гомилетике, тоже были малопродуктивными и по своему существу неточными[9].

Идейный смысл сочинений Белобоцкого и то значение, которое они имели в истории отечественного образования и просвещения, в истории развития языкознания в России, шире и глубже тех узкоконфессиональных целей и задач, которые видели в них дореволюционные исследователи.

Белобоцкий создает свои сочинения в ту эпоху, когда в связи с расширением функций литературного языка, с развитием литературы барокко и формированием новых жанров ее, старые риторики как руководства по ораторскому искусству изменяют свое социальное назначение и содержание и воспринимаются в обществе как руководства по общей теории словесности. Они играют роль стилистических руководств по культуре складывающейся общенациональной письменной речи. Люллианское учение о полном и совершенном совпадении вещей и понятий, вся техника люллианского круговерчения были

---

[8] См.: *Райков Б.Е.* Очерки истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947. С. 53—65; *Райнов Т.* Наука в России XI—XVII вв. М.; Л., 1940. Ч. I—III. С. 434, 466.

[9] См.: *Безобразова М.В.* О "Великой науке" Раймунда Люллия в русских рукописях XVII в. // ЖМНП. 1896. N 2. С. 383—399; *Архимандрит Никанор.* "Великая наука" Раймунда Люллия в сокращении Андрея Денисова // ИОРЯС. 1913. Т. 18, кн. 2. С. 10—36; *Дружинин В.Г.* К вопросу об авторе сокращения "Великой науки" Раймунда Люллия // ИОРЯС. 1914. Т. 19, кн. 1. С. 342—344; *Совицкий Д.* Русский гомилет начала XVIII в. Иоаким Богомолевский. Киев, 1902.

восприняты в России в конце XVII в. как универсальная теория, применимая к характеристике складывающегося национального литературного языка, как общая теория словесности.

Все сочинения Белобоцкого посвящены распространению общих вопросов теории словесности, проблемам стилистической дифференциации литературного языка, выбору языковых средств, синтаксическому строению жанров литературы. Неслучайно Белобоцкий называет свои руководства "мирской риторикой". В "Посвящении" к "Книге философской" он пишет: "Вельможный господине! Друже мой по премногу пречестнѣйшiй! В новая ведет ум от риторики мирскiя и небесной тебѣ руководствуя. Ибо всегда от несовершенных к совершеннѣйшим коеждо естество ретится. Крѣпка и храбра убо рука есть мирскаго ветийства"[10].

Белобоцкий посвящает "Великую науку Раймунда Люллия", "Риторику" и "Книгу философскую рассмотрению общей теории словесности.

Опишем кратко содержание и композицию каждого из сочинений Белобоцкого.

"Великая наука Раймунда Люллия" (1698—1699) раскрывает проблемы "люллиева искусства" как универсального метода познания, охватывающего все виды человеческого знания. Белобоцкий рассматривает свое сочинение как учебное руководство, а поэтому и излагает люллианскую логику и философию в вопросо-ответной форме. Он пишет: "Аще убо высокую необычно есть простым сочинением полагати, но аз, пользу паче учеников, нежели сочинение высокое почитаючи, науку сiю разговором или бесѣдою учителя со учеником предложу, бо же оную удобнѣйше вняти и помнити искателем сея науки"[11].

"Великая наука Раймунда Люллия" открывается "Предисловием". Затем следуют вводные разделы "О начертании таблицы" и "Увещание о вопросах", в которых рассказывается о жизни Раймунда Люллия и его "науке".

Сочинение Белобоцкого состоит из восьми частей. Первая часть объясняет основные философские понятия, необходимые для усвоения "люллиевой науки". Вторая часть "О прилагаемых соборных" посвящена характеристике терминов "доброта, величество, качество, пребывание, власть, разум, воля, истина и слава", т.е. по терминологии философии Аристотеля абсолютных предикатов. Третья часть — описанию "разсмотрительных или разборных прилагаемых", по терминологии Аристотеля относительных предикатов: "разнство, согласие, противность, начало, средина, конец, большество, равенство и меньшество". Четвертая часть — характеристике "вопросов" ("вопросы сiи не токмо вопросами, но и правилами нарицаются, понеже в них

[10] Книга философская, сложенная Андреем Христофоровичем: Изд. ОЛДП. СПб., 1878. Вып. 33, С. 129. Многими переписчиками "Книги философской" отчество Андрея Христофоровича Белобоцкого воспринималось как фамилия Христофорович, а поэтому это произведение в списках имеет процитированный выше заголовок.

[11] *Белобоцкий А.Х.* Великая наука Раймунда Люллия. Рукописное отделение ГПБ. F III. 1. лл. 4 об. — 5.

правила полагаются, яко на всякой вопрос отвѣщати"). В пятой части говорится "о существах". В шестой части — "о случаях" (т.е. об акциденциях, категориях "количества, качества, отношения, деяния, страдания, имения, положения, времени и места"). В эту часть сочинения включена особая "бесѣда о второй формѣ философской", которая представляет собой риторическое руководство по составлению проповеди. В качестве примера приводится сочиненное Белобоцким "Слово о постѣ", построенное по правилам, изложенным им в "Бесѣдѣ о второй форме философской". Справедливо отмечается, композиция и изложение содержания "Великой науки Раймунда Люллия" не является копией схемы "изобретательной логики" Люллия, а представляет собой продукт оригинального творчества Белобоцкого[12].

Содержание текста "Великой науки" сложно и отражает большую культурную традицию изучения и толкования "искусства Раймунда Люллия" в западноевропейской науке. В тексте сочинения можно найти имена и ссылки на сочинения средневековых толкователей люллианского искусства, таких, как Лефевр д'Этапль (около 1455—1537), Агриппа Неттесгеймский (1486—1535), Афанасий Кирхнер (1602—1680).

В "Великой науке Раймунда Люллия" достаточно полно представлены и разъяснены русские реалии и понятия. Так, описываются государственное устройство Русского государства, сущность абсолютной власти монарха и православной религии, даются исторические сведения о происхождении русского народа.

Автор ссылается на произведения древнерусской литературы: прологи, жития святых, патериковые легенды, различного рода поучения. Текст "Великой науки Раймунда Люллия", написанный на книжнославянском языке московской редакции, содержит русские слова, пословицы и поговорки. Автор пишет: "Доброта счастія паче всѣх доброт в сем мирѣ почитается, по обыкновенной пословицѣ в мирѣ: не родился мудрый, ни богат, но счастлив, обаче простаго народа простое слово"[13]. В сочинениях Белобоцкого есть многочисленные полонизмы.

Белобоцкий хорошо знает философскую литературу русского средневековья, философскую литературу на латинском и греческом языках, постоянно разъясняет русские философские термины и толкует их латинские и греческие соответствия. "Но кто от мудрых, — пишет он, — инако претолкует сія словеса убикацыо, локалитас, хекцеитас, яже значит три словеса положенныя гдѣчество, мѣсточество, тоечество, яже в Логицѣ Дамаскина святаго искусный нѣкто в философіи толковник русский написал"[14].

"Великая наука Раймунда Люллия" и "Риторика" почти дословно совпадают друг с другом. Разница между ними заключается в том, что "Великая наука Раймунда Люллия" отличается большей полно-

---

[12] См.: *Горфункель А.Х.* "Великая наука Раймунда Люллия" и ее читатели // XVIII век. Л., 1962. Вып. 5. С. 339.

[13] *Белобоцкий А.Х.* Великая наука Раймонда Люллия, л. 308 об.

[14] Там же, л. 16.

той сведений по философии, логике, чем в "Риторике", так как задача автора заключалась в том, чтобы дать в руки просвещенного читателя универсальный и легко доступный метод усвоения всех наук и связать этот метод с его языковым описанием.

О значении "люллианского искусства" в просвещении и образовании говорится в "Предисловии", в котором приводятся примеры превращения простых, неграмотных людей, детей и стариков, во всесторонне образованных мудрецов, умеющих правильно и содержательно выражать свои мысли и грамотно и образно излагать их на письме благодаря обучению по методу "Великой науки Раймунда Люллия". Поэтому Белобоцкий пишет, что он стремится сделать свое сочинение "внятным не токмо ученным, но и неученным человеком" и излагает "люллианское искусство" в вопросо-ответной форме.

"Риторика" построена компактнее (она написана в начале XVIII в.), она придерживается более сжатого изложения[15]. Это сочинение Белобоцкого в большей мере носит на себе отпечаток практического руководства по общей теории словесности и стилистике литературного языка.

"Риторика" состоит из трех книг, тесно связанных между собой по своему изложению перекрестными ссылками. Первая часть носит название "О разуме письма святого", вторая часть — "О материи поучения", третья часть — "О формах поучения".

"Книга философская" содержит конспективное изложение основных идей "Риторики". Этому посвящены три трактата, образующие "Книгу философскую": 1. "Книга философская, сложенная философом Андреем Христофоровичем"; 2. "Естественные страсти животных"; 3. "Четыре чины к распространенію священнаго писанія, иже глаголется по гречески исторіа, аллегоріа, тропологіа, анагогіа".

Учение о естестве, разработанное Белобоцким, является центральной философской идеей, на которой основываются его лингвистические взгляды.

По мнению Белобоцкого, всякая вещь, материальная и духовная, обладает своим "естеством". Поэтому его интересуют "вся естества всѣх прочих наук, вся основанія их, вся существа, всѣ случаи, всѣ вины, всѣ страсти, дѣйства, начала, посредства, оконченія; кратко рекше — всѣ, яже в мирѣ малыя и великія вещи, созданныя и несозданныя, тая наука описует и бесѣдовати о них наставляет"[16]. Для изучения материальной и духовной вещи необходимо познать "природу естества" ее.

Познание "природы естества" происходит с помощью "художества".

---

[15] Название "Риторика" Белобоцкого условно, так как это произведение в списках имеет разные заголовки: "Книга, нарицаемая Раймундалюллии писанных вещей", "Книга о разумѣ письма святаго риторика Раймунда Люллия римского учителя и кавалера", "Наука проповѣдей". В некоторых списках заголовок вовсе отсутствует. Заголовки "Великой науки Раймунда Люллия" и "Книги философской" выдержаны везде (См.: *Зубов В.П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII — первой половины XVIII в. (Русская люллианская литература и ее назначение) // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 297).

[16] *Белобоцкий А.Х.* Великая наука Раймунда Люллия, л. 4 об.

"Художество, — пишет Белобоцкий, — есть дѣло искуснотворенное, природѣ естества послѣдующее, есть вещь разумом придуманная, и удами телесными довершенная"[17].

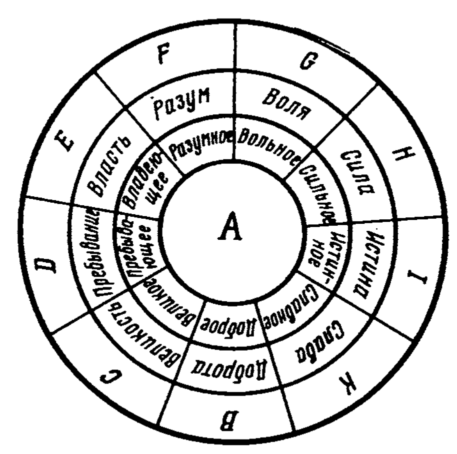
Познание "природы естества" бывает двоякое. "Иное художество есть божетворимо удами телесными по наставлению разума" (с. 26). К числу таких "художеств" Белобоцкий относит охоту, рыболовство, звероловство, кузнечное дело, рудокопное дело и т.д. "Иное художество есть по разуму идѣ же полагаются науки разумныя, или яко глаголем свободныя, например: грамматика, риторика, поэтика, философіа, феологіа, астрологія, геометрія, мафематика, арифметика" (с. 26).

По мнению Белобоцкого, понятия, а следовательно и слова, находятся в речи в постоянном движении. Чтобы постичь семантику их, необходимо определить законы их сочетаемости. Белобоцкий, вслед за Люллием, считает, что его метод познания универсален, а закономерности между миром вещей и предметов и их знаками — понятиями, открытые им, носят характер общечеловеческих логических законов, которые с одинаковым успехом могут быть применены для мыслительных операций на любых европейских языках.

Для решения этих задач Белобоцкий воспроизводит в своих сочинениях логические таблицы, заимствованные у Люллия, в которых учтены всевозможные комбинации понятий — слов. "Логика, — пишет Белобоцкий, — есть художество, с ним же логика обретает естественное случение меж подлежащего и прилагательного"[18].

Логические таблицы построены таким образом, что при работе с ними экспериментатор может сделать выводы об истинности или неистинности семантики определенных сочетаний. Разница заключается лишь в том. что у Люллия в таблицах использованы латинские наименования, а у Белобоцкого латинские и книжнославянские.

Специфика работы с таблицами такова.

[17] Книга философская, сложенная Андреем Христофоровичем. Изд. ОЛДП. СПб., 1878, вып. 20. С. 28. В дальнейшем при цитировании этого сочинения указываются только страницы.

[18] *Белобоцкий А.Х.* Риторика. Отдел рукописей ГБЛ. Собр. Егорова, N 1363, л. 165.

Из указанных в таблице слов-понятий (см. схему 1) строятся четыре фигуры.

Первая фигура (она называется фигура А) состоит из двух концентрических кругов. В первом из них, неподвижном, написаны 9 абсолютных предикатов: *доброта, великость, пребывание, власть, разум, воля, сила, истина, слава.* С их помощью конструируются субъекты суждений. Во втором круге, вращающемся, перечислены соответствующие прилагательные: *доброе, великое, пребывающее, владеющее, разумное, вольное, сильное, истинное, славное.*

Эти прилагательные выступают в суждении в роли предикатов суждений.

Если расположить сначала *доброе* против *доброта, великость* против *великое* и т.д., то в результате соединения получаются такие тавтологические сочетания, как *доброта есть доброе, великость есть великое* и т.д. Но эти сочетания в содержательном отношении ограничены и не содержат в предикате суждения ничего нового.

Поэтому главная задача экспериментатора — конструировать сочетания, в которых постоянно обновлялись бы предикаты суждений или подыскивались новые субъекты[19]. При передвижке внутреннего круга на одно деление оратор получает суждения с обновленным предикатом: *доброта есть великое, слава есть доброе* и т.д.

Характер работы с первой фигурой дает возможность ритору решить три задачи.

Во-первых, по данному субъекту он находит предикат и по данному предикату находит субъект.

Во-вторых, каждое из слов-понятий, используемых в фигуре, представляет собой стержневое слово синонимического ряда, который конструирует экспериментатор.

Отталкиваясь от семантики стержневого слова, оратор создает синонимический ряд с опорным центром — субъектом или предикатом суждения. У него есть неограниченные возможности синонимически сближать языковые единицы различного качественного уровня: слова, фразеологизмы, описательные конструкции.

Ср. несколько рядов: *слава — лавры — бессмертие; власть — владычество — бразды правления — престол — трон — корона — скипетр; истинный — истый — сущий* и т.д.

Отбирая нужное слово, фразеологизм или описательную конструкцию из синонимического ряда, ритор всякий раз изменяет в нужном направлении смысл сообщения и его экспрессивную характеристику.

В-третьих, с помощью таблиц можно конструировать и словосочетания.

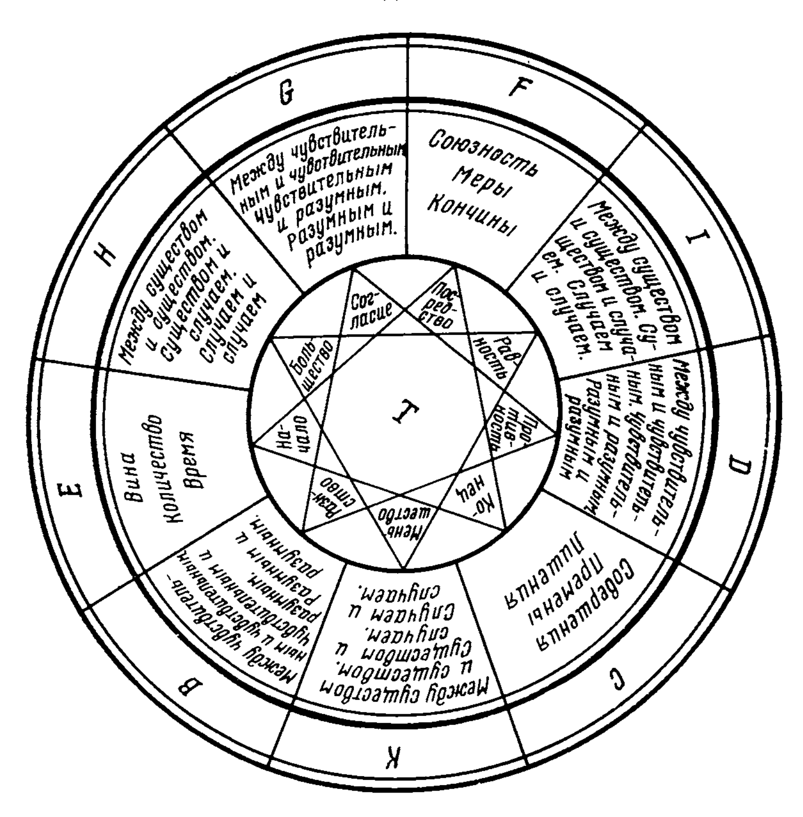
---

[19] В сочинении "De arte combinatoria" (1666) Лейбниц отмечает: "Предложение складывается из субъекта и предиката; следовательно, все предложения суть комбинации. Таким образом, изобретательная логика предложений должна решать такие задачи: 1) по данному субъекту найти предикаты и 2) по данному предикату найти субъекты, те и другие как утвердительные, так и отрицательные. Это понимал Раймунд Люллий" (См.: *Leibniz G.W.* Philosophische Schriften Hrsg. vor Gerhardt [Б.м., Б.г.] Bd. IV, S. 40. Ср.: *Ягодинский И.И.* Философия Лейбница. Казань, 1914, С. 40).

Так, например, комбинируя имена существительные в пределах одного внешнего круга фигуры А и меняя местами зависимые и опорные слова, можно создавать метафорические сочетания различной семантики. Литература XVII — начала XVIII в. широко использует метафоры такого типа, как *доброта разума* и *разум доброты, доброта воли* и *воля доброты, власть истины* и *истина власти* и т.д.

Объединяясь между собою, простые словосочетания создают сложные с одним и тем же стержневым словом. Такое словосочетание образуется на основе разных типов связей, которые исходят от опорного слова. Развитие словосочетаний стимулируется процессами взаимовлияния и уподобления, действующими внутри самой системы словосочетений.

В литературе XVII — начала XVIII в. широко представлены сложные словосочетания, основанные на аналогиях, на соединении слов противоположной семантики: *ветер прелести мира, кривое злобы распутие, адозданный многолестных козней лук, пречестнейшего художества зодчество мыслей* и т.д.[20]

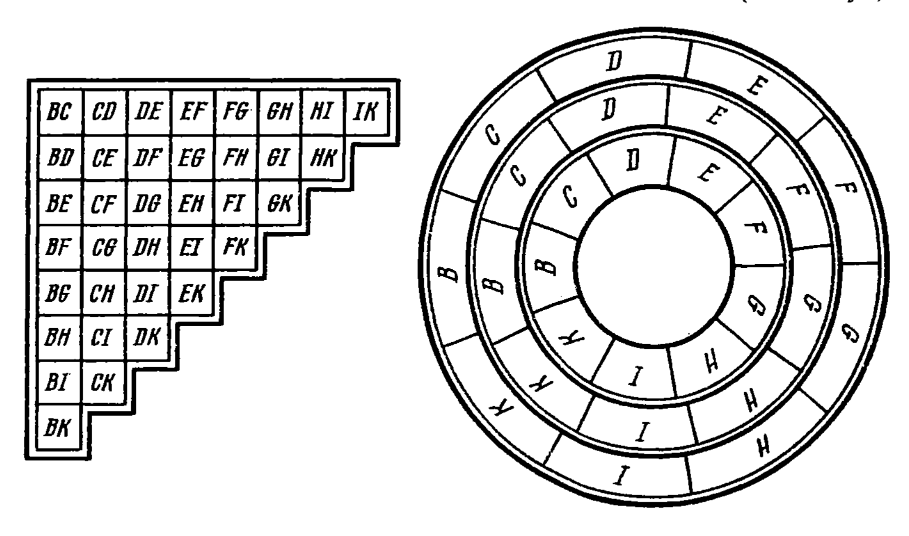

[20] *Еремин И.П.* Литература Древней Руси: Этюды и характеристики. М.; Л., 1966. С. 209.

Таким образом, используя логические таблицы, оратор мог конструировать предложения и словосочетания в соответствии с жанром, целями и задачами сообщения, которые он ставит перед собой, мог решать стилистические задачи.

Вторая фигура (она называется фигурой Т) — это схема, в которой используется 9 относительных предикатов: *разнство, согласие, противность, начало, посредство, конец, большество, равность, меньшество* (см. схему 2).

Третья фигура представляет собой схему, в которой попарно сочетаются все элементы, входящие в таблицу. Все абсолютные и относительные предикаты, кроме понятийной номинации, имеют латинские буквенные обозначения В, С, D, Е, F, G, Н, I, К, а поэтому эта таблица дает возможность исчислять словосочетания, пользуясь их буквенными обозначениями. Так, понятие, обозначенное буквой В, соединяется с последующими буквами, создает буквенные обозначения ВС, BD, BE, BF, ВН, BI, ВК, или F имеет только четыре обозначения FG, FH, FI, FK, а I лишь единственное IK (см. схему 3).

Последняя фигура, четвертая, основана на комбинации трех элементов (см. схему 4). Она состоит из трех кругов, в каждом из них находятся 9 латинских букв от В до К. Внешний круг неподвижный, а средний и внутренний подвижные. При передвижке среднего и внутреннего кругов относительно внешнего буквы комбинируются так, как это необходимо экспериментатору. Но в этом случае получаются уже трехкомпонентные словосочетания.

Как правильно отмечал В.П. Зубов: "К использованию указанными фигурами, в сущности, и сводится вся люллианская "мудрость": последовательное комбинирование элементов таблицы позволяет исчислить все их возможные комбинации и вместе с тем дает путеводную нить оратору при изложении своих мыслей. Ars inveniendi (то есть "искусство изобретения или искусство открытия", как часто

называли "люллианскую науку") — искусство одновременно и логическое и риторическое"[21].

Основное содержание лингвистической теории Белобоцкого составляет учение о литературном языке, о логико-семантических особенностях жанров литературы, о стилях языка, которые он называет "сенсами", о их языковых средствах и о жанрах литературы.

Обычны терминологические обозначения понятия литературный язык у него — "литеральное письмо", или "литеральный язык".

Понимание литературного языка ограничено рамками письменной речи, как это характерно для взглядов на природу литературной речи в то время. Для Белобоцкого литературный язык — это по преимуществу письменный язык. Для разъяснения семантики прилагательного "литеральный" регулярно дается глосса "письменный".

Письменный язык в теории Белобоцкого обладает рядом признаков. Это — речь обработанная, речь регламентированная, развивающаяся в русле московских книжнославянских традиций, в которую не допускаются элементы народно-разговорного языка, но для которой характерны слова и формы книжной украинской и белорусской речи как обычная примета языка литературы барокко. Это решение проблемы литературного языка как языка письменного.

В теории Белобоцкого прилагательное "литеральный" используется еще в терминологических сочетаниях "литеральный разум" или "литеральный сенс", семантика которых выясняется из оппозиции "литеральный разум" — "духовный разум" или "литеральный сенс". "Сенс (или енс), — как говорит Белобоцкий, — существо есть чрез себѣ выницающее"[22].

Смысл этой оппозиции заключается в следующем. Понятие "разума", или "сенса" для Белобоцкого понятие одновременно и логическое (понятийное) и содержательное (семантическое). Поскольку содержание письменного текста определяется значением языковых средств, которые включаются в него, — постольку необходимо конструировать тексты по логико-понятийному принципу.

Белобоцкий устанавливает две логико-понятийные разновидности, два "разума" письменных текстов: тексты, в которых заключен "литеральный разум", и тексты, в которых заключен "таинственный разум".

Но эта оппозиция включает в себя компоненты, не равноценные по своему противопоставлению. Ведущую роль в письменном языке играет "литеральный сенс". Тексты "литерального сенса" имеют в своем составе такие слова и "речения", которые "разумеются просте яко гласят, то есть разумом по сущему письмени" (с. 120).

Поэтому тексты "литерального сенса" — это произведения с содержанием, адекватным действительности в том смысле, как это понимает Белобоцкий.

---

[21] *Зубов В.П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII — первой половины XVIII в. С. 293.

[22] *Белобоцкий А.Х.* Риторика (N 1363, л. 165). Ср. в "Лексиконе треязычном" Ф."Поликарпова (М., 1703): "Разум — sensus, intellectus; разум послания — sensum epistolae; разумение — intelligentia, sensio".

Иначе говоря, произведения "литерального сенса" лишены образно-эстетической функции, в них находит отражение только коммуникативная функция языка. По твердому убеждению Белобоцкого, "сенс литеральный один токмо собою кромѣ помощи инных сенсов быти может. Еще же познавается, яко сенс литеральный всѣм прочим сенсам основание есть, и без онаго быти не могут. Тѣм же искусность о нем тыи проповѣдником слова божія наипаче подобает, и во всяком письмѣ святом смотрити, что истинно и подлинно литеральным сенсом описается. Отнявши убо основаніе толкованіа толковным письмам, или положивши одное вмѣсто подлиннаго, неудобно есть строеніе духовное воздвигнути или воздвиженному крепку быти"[23].

Остальные "сенсы" — "аллегоричный", "тропологичный", "анагогичный", — объединенные понятием "таинственного разума", имеют в своем составе образные, метафорические языковые средства. Тексты с "таинственным разумом" — это риторическая украшенная речь.

Взаимоотношение "литерального сенса" с тремя другими разновидностями представляется следующим образом.

С одной стороны, "литеральный сенс", — как пишет Белобоцкий, — "сам по себѣ", так как он представляет собой литературно обработанную речь, существующую независимо от всяких форм риторически украшенной речи.

С другой стороны, он может выявляться во всех стилистических разновидностях и без него они не могут создаваться.

"Аллегоричный сенс" представляет собой "иносказаніе, еще есть таинство или подобіе, когда в преобразованіи глаголем гдѣ иное есть в гласѣ, а иное в разумении. Зане едино глаголется, а другое разумевается" (с. 121).

"Тропологичный сенс" — это "нравообычное или нравоучительное глаголаніе, еще ко устроенію обычаев, таинственне или откровенне зрит" (с. 124).

"Анагогичный сенс" — это "высокій разум, к вышним есть ведущее глаголаніе, еже о возданіи будущем и о тѣх, яже на небесе суть". Анагогия "откровенными или таинственными словесы бесѣдует" (с. 122).

Как видно из "Книги философской", проблема характеристики разновидностей литературного языка "сенсов" зависит от решения вопроса о семантической и стилистической природе языковых средств, входящих в эти разновидности. Белобоцкий предлагает учитывать два стилистических требования при выборе языковых средств.

Во-первых, отбор языковых средств должен производиться с помощью логических таблиц, которые дают возможность учесть семантику и стилистическую характеристику подбираемых слов.

Во-вторых, языковые средства, включаемые в тот или иной "сенс", должны иметь ту семантику и стилистическую характеристику, которая свойственна разновидности литературного языка.

---

[23] *Белобоцкий А.Х.* Риторика. Отдел рукописей ГБЛ. Собр. Ниловой пустыни, N 43, л. 72 об. — л. 73.

В последнем требовании Белобоцкий опирается на старую европейскую риторическую традицию, связанную с конфессиональным употреблением, согласно которой каждое слово или "речение" заключает в себе омонимические значения, соответствующие каждому из стилей. При таком понимании семантика слова или "речения" полностью уподобляется "сенсу", и в слове учитываются четыре его содержательных аспекта: исторический (повествовательный или буквальный), аллегорический (христологический), тропологический (индивидуально-нравоучительный), аналогический (эсхатологический)[24].

Показательно в этом отношении то, как Белобоцкий оценивает семантику слова Иерусалим: "По письмени еже есть исторически или, повѣствовательне, Іерусалим сказуется град в Палестинѣ сущ. Аллигорически, еже есть иносказательне Іерусалим знаменует душю человѣческую в жизни сей. Анагогически есть вышним разумом. Іерусалим знаменует торжествующюю горѣ церковь" (с. 151).

Иначе говоря, это название религиозного центра может означать реальный город, христианство, человеческую душу и церковь.

К разновидностям литературного языка прикрепляются соответствующие жанры литературы. Три разновидности риторически украшенной речи относятся к "таинственному разуму" и сохраняют свои наименования, а "литеральный сенс" — единственная разновидность письменно-литературной речи изменяет свое название и именуется как "историальный сенс".

К "историальному сенсу" относятся "историальные книги". Так называет Белобоцкий книги деяний апостольских. "В них же вещи дѣланныя древних повѣствуют" К "Аллегоричному сенсу" — "законные книги". В их число он включает "Пятерокнижіе Моисеево", "Евангеліе". "В них же закон и суды устами божими изречени и являются".

К "тропологичекому сенсу" — "премудростные книги". "В них же разум и истинная премудрость излагается. Таковыи суть книги притчи, еклисиаст, пѣсни пѣсней премудрости, посланія апостольские".

К "анагогичному сенсу" — "пророческие книги". Это "Псалтырь", "Апокалипсис". "В них же будущая предвозвѣщаются" (с. 140).

Как видно из изложения, Белобоцкий строит свою теорию на основе исчерпывающего анализа логических возможностей. Значение этой операции заключается в открытии фактов, которые исключают все возможности, кроме одной. Анализируя тот или иной термин стилистически с помощью правил формальной логики и используя его в различных положениях, теоретик делает заключение об истинном или ложном содержании этого термина.

Наглядным средством анализа приема логических возможностей в теории Белобоцкого является вычерчивание так называемого "дерева логических возможностей".

Логическая классификация строится следующим образом. В основе

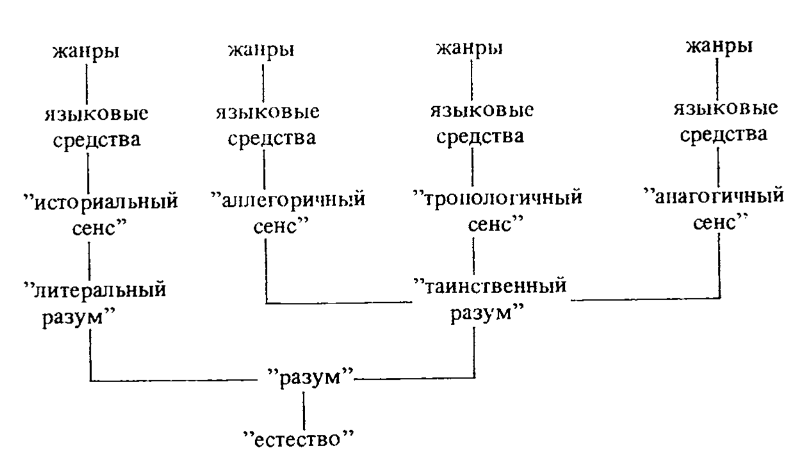
[24] *Lausberg Heinrich.* Handbuch der literarischen Rhetorik. Bd. 1. München, 1960. S. 445. См. также: *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 177—178.

классификации лежит философское понятие "естества", которому в плане речевой деятельности человека соответствует понятие "разума". Затем это понятие делится на две группы: "письменный разум" и "таинственный разум".

Первой группе соответствует "историальный сенс", вторая группа делится на три подгруппы: "аллегоричный сенс", "тропологичный сенс", "анагогичный сенс". "Сенсы" — это стили литературного языка. К каждой из четырех групп относятся соответствующие языковые средства, а к каждому из языковых средств прикрепляются жанры литературы.

Ю.С. Степанов пишет: «Каждый такой стиль—жанр Белобоцкий называет "сенсом" (иногда также "энсом", от лат. ens 'сущность'). Над "сенсами" доминируют два "разума" — "литеральный разум", или "сенс", и "таинственный разум"; и тот и другой проявляется в письменных текстах, так что одновременно это и классификация текстов. Тексты "литерального разума, или сенса", — это произведения, адекватные действительности (конечно, как это понимает Белобоцкий; но как бы он это ни понимал, само их выделение представляется нам чрезвычайно актуальным: здесь, пожалуй, впервые возникает прообраз современного понятия интенсионального мира). Иными словами, языковые выражения в таких произведениях надо понимать буквально, "литерально". (По-видимому, "разум" и "сенс" в сочетании с "литеральный" — одно и то же, потому что в этом разуме нет других "сенсов".)»[25]

Графическое изображение литературного языка можно представить в виде логической фигуры:

В истории отечественного языкознания доломоносовской поры сочинениям Болобоцкого принадлежит заметное место.

Сочинения Белобоцкого, созданные в конце XVII — начале XVIII в., в то время, когда вопросы речевой культуры и описания стилей литературного языка становятся предметом пристального внимания рус-

[25] *Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. С. 112.

ского общества, — труды ученого, несмотря на их гомилетический облик, воспринимаются как сочинения по общей теории словесности. Этому способствует сложившееся на протяжении целого столетия убеждение, что риторики — это руководства по культуре общелитературной письменной и устной речи.

В центре интересов Белобоцкого находится высокая литература и книжнославянский язык, далекие от повседневного народно-литературного языка и демократической литературы. Но стремление описать речь неукрашенную и речь украшенную, риторическую и противопоставить их друг другу выявляется у Белобоцкого четко. В этом можно видеть следование античным научным традициям в изучении литературных языков.

Античное учение о трех стилях применяется им в сфере книжнославянского языка и высокой литературы. Традиционное учение о трех стилях, своеобразно интерпретированное Белобоцким, превращается в концепцию четырех стилей.

"В настоящее время, — правильно отмечает Ю.С. Степанов, — когда язык художественной литературы семиотически изучается как язык особого рода, в котором термины и выражения имеют интенсионал (смысл), но не влекут ни к каким внеязыковым реальным объектам (денотатам или референтам), как язык "возможных миров, концепция Белобоцкого представляется едва ли не самым интересным для истории взглядов на язык учением XVII в."[26]

Широкое распространение получили сочинения Белобоцкого в демократической среде. Его книги были излюбленным чтением на протяжении всего XVIII в. у тех, кому было недоступно образование, хотя большая насыщенность сочинений Белобоцкого аллегориями, символами, богословскими и логическими терминами делает сложным и трудным знакомство с его произведениями.

Белобоцкий создает свою теорию в заключительный период развития двуязычия в России, когда живая русская речь активно вторгается во все сферы социальной и культурной жизни страны, в литературный язык. Напрасно искать в трудах Белобоцкого ответ на живые вопросы языковой политики его времени. Его лингвистические воззрения прочно связаны с люллианством, его стилистические взгляды описывают природу словоупотребления литературы барокко. Белобоцкий не мог удовлетворительно разрешить проблем описания стилистических разновидностей литературного языка. Понятие стиля, то есть "сенса" по его терминологии, описывается им в категориях логики и не имеет строго лингвистической определенности. Не имеет лингвистической характеристики и понятие языковых средств "сенсов".

Интересны логико-грамматические идеи Белобоцкого, связанные с проблемой конструирования словосочетаний и предложений и имеющие прямое отношение к современной теории универсалий.

---

[26] Там же. С. 113.

Глава 7

СОЧИНЕНИЕ НИКОЛАЯ СПАФАРИЯ "О ДЕВЯТИХ МУСАХ И О СЕДМИХ СВОБОДНЫХ ХУДОЖЕСТВАХ"

В последнюю треть XVII в. в России получают распространение сочинения по общей теории словесности, работы по риторике и поэтике литературы барокко, принадлежащие Николаю Спафарию (1636—1708).

Николай Спафарий (его полное имя Николай Георгий Милеску Спафарий) происходил из Молдавии. Он жил и трудился в России с 1671 г. Свое разностороннее образование Николай Спафарий получил в Константинополе и в университетах Италии, где приобрел обширные познания в области философии, истории, литературы, богословия и изучил несколько западноевропейских и восточных языков.

Он автор сочинений по истории России и по теологии. Но самую важную группу его сочинений составляют труды по общей теории словесности, по риторике и поэтике: "Книга избранная вкратце о девятих мусах и седми свободных художествах" (1672), "Книга о сивиллах" (1672—1673) — трактат о поэтическом искусстве, "Арифмология" — справочное руководство по античной мифологии, культуре и истории древнего мира, по "седми свободным художествам" и "Книга иероглифийская" — сочинение о происхождении письма у "египтян, еллинов и славян", о характере аллегоризма в поэзии барокко.

Труды Николая Спафария появились как результат его педагогической и культурно-просветительской деятельности в царском доме, в домах русских вельмож, в государственных службах. Все сочинения писателя содержат наряду с изложением основ каждого из свободных художеств рекомендации этического характера, руководствуясь которыми можно воспитать просвещенного человека. Трактаты Николая Спафария создавались по заказу боярина А.С. Матвеева в 1672 — 1674 гг. Именно для последней трети XVII в. характерна причастность писательской общины к педагогике: Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева, Кариона Истомина и др.[1] Среди просветительских сочинений конца XVII в. можно указать на "Привилегию" — проект академии или университета (около 1682 г.), намечавший изучение "науки гражданския и духовныя, научение от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии"[2].

В основе взглядов Николая Спафария на природу языка лежит схоластическое мировоззрение. Он, как и все философы схоласты, стремится создать такую философскую систему, в которой объединяются вопросы онтологии, эстетики, логики, теологии, языкознания, рито-

---

[1] См.: *Белоброва О.А.* К изучению "Книги избранной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах" Николая Спафария // ТОДРЛ, Л., 1976. Т. 30. С. 307—317; *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 129—140.

[2] См. текст "Привилегии" в кн.: Древняя Российская вивлиофика. Ч. VI. 2-е. изд. М., 1788. С. 406.

рики. Неотделенность лингвистических знаний от других наук и "художеств", недифференцированный характер этих знаний — типичная особенность средневековой науки о языке.

Язык, для Николая Спафария, — божественное создание. Язык является отблеском божественной идеи. Поэтому законы языка носят абсолютный характер. И для того, чтобы постичь эти законы, надо хорошо знать теологию. Средневековые схоласты обладали прекрасным знанием античной риторической традиции. Они широко включали в свои концепции многие идеи античной риторики, обильно цитировали античных авторов. Сочинения Николая Спафария опираются на античные, западноевропейские и отечественные источники. В них есть ссылки на Аристотеля, Платона, Плутарха, Тацита, Виргилия, Овидия, византийских авторов, патристическую литературу, на "Русский хронограф", древнерусские повести, "Хронику" М. Стрыйковского, "Небо новое" Иоанникия Галятовского. Он широко использует предшествующую грамматическую и риторическую традицию: сочинение "О восьми частях речи", труды Максима Грека, "Греческую грамматику" Константина Ласкариса, "Славянскую грамматику" Мелетия Смотрицкого, русскую риторику начала XVII в., предисловие Ивана Козырева "О ритории похвала и сказание" и т.д.

Литературный язык, которым пользуется Николай Спафарий, он называет "сладчайшим русским языком", "сладчайшим мирским языком". Но этот язык, конечно, следует определить как книжнославянский язык московской редакции, продолжающий традиции византийского витийства. Связь этого языка с греческим языком живо ощущается и видна во всех его сочинениях, в том числе и в трактате "Довод вкратце, яко учение и язык эллино-греческий наипаче нужно потребный, нежели латинский язык и учение и чем пользует славянскому народу" (1681 г.), приписываемом Николаю Спафарию[3].

Литературный язык представляется Николаю Спафарию категорией постоянной, лишенной исторического развития. Литературный язык отождествляется в его работах с понятием письменной речи: только она является образцом грамотности, образованности, культурности. Поэтому Николай Спафарий формулирует стилистические требования ясности и точности изложения, представляемые в книжно-письменной речи: "Яко да чиновне и не смешена будет повесть наша. Чин бо свят, по философу, всех вещей. Сего ради что нечиновно пишется, то зело темно и неудобь разумно является. Что же чиновне и во своих местах положено, удобь разумно и безтрудно есть"[4].

Всякому писателю, пишущему на книжнославянском языке, он рекомендует учитывать и стилистическое требование понятности речи, но "не пользы ради лица", а "ради речи посполитой" (с. 107). В дру-

---

[3] См.: *Михайловский И.Н.* О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII столетия // Сборник Историко-филологического общества при Институте кн. Безбородко в Нежине. 1900. Т. 3, отд. III. С. 1—38.

[4] См.: *Спафарий Н.* Эстетические трактаты / Подготовка и вступит. статья О.А. Белобровой. Л., 1978. С. 54. Ссылки на сочинения Николая Спафария далее даются в тексте в скобках. В этом издании сочинений приводится обширная научная литература о Николае Спафарии.

гом месте ученый замечает: "О речи посполитой сице попещися яко и о себе" (с. 107). Писатели не должны употреблять сверх меры заимствованные слова, "не погрешити ниже во едином речении варварием нарицается, во многих же соликием" (с. 28),. т.е. солецизмами.

Николай Спафарий не учитывает в своей теории устной речи. Устная речь живет самостоятельной жизнью, не пересекаясь с письменной. Устная речь еще не служит объектом исследования ученого. Ведь время разработки проблем синтеза норм письменной и устной речи в рамках единого национального языка еще не наступило. Что же касается норм письменной речи у Николая Спафария, то они отличались пестротой и неупорядоченностью написания.

Между риторикой, грамматикой и диалектикой, которые Николай Спафарий называет "словесными художествами", существует тесная связь. Диалектика как содержательная сторона речи, как "орудие орудиев и рука философии" (с. 34), как "художество любопрения, через ню же или благоглаголем или хулим и чрез прение вся вещь" (с. 33), вступает, как говорит он, в "союз общаго рачительства со премудрою грамматикою и со красною риторикою" (с. 143).

"Риторика, — пишет Николай Спафарий, — есть художество, яже учит слово украшати и увещевати. Риторика происходит от еро гречески, сиречь глаголю, или от рео гречески, сиречь теку". Цель риторики — "учити красно глаголити и увещевати на куюждо вещь" (с. 31). Называя риторику "начальницей хитроречия", он толкует это греческое слово как "глаголание или речение".

В литературном языке Николай Спафарий выделяет две разновидности: речь простую, практическую и речь художественную.

В его представлении понятие простой, практической речи связывается с диалектикой, "которая простые дела показует" и для которой характерны терминологическая четкость и логичность изложения, выбор слов, лишенных образности и экспрессии, так как цель диалектики, "яже и логика нарицается", — "благое от зла и ложь от истины разделяти" (с. 33).

Художественная речь строится по другим законам. Это украшенная, риторическая речь, которая все то, что пишется и говорится, может "паче елея умастити и паче червленицы украсити, и паче злачных цветов и благовонных арамат разум удивити" (с. 144). В художественной речи украшенные средства должны прилагаться к "пристойным вещам" и создавать тем самым "согласие истиннейшее" и "разуму того употреблитися". Художественная речь уподобляется образу музыканта, играющего на арфе: "Яко некий мусик, или певец, егда хощет сладкое и благоприятное пение песньствовати, или излишныя струны бряцалом биет, или излишныя струны во гусли прелагает, во еже украсити мусикию" (с. 56).

Риторические эффекты, воздействие на слушателя и читателя могут достигаться четырьмя способами: 1) содержательной стороной речи (по терминологии автора "образом", "образ есть премение доводов диалектических"), 2) "начертанием сказания", т.е. наличием украшенных средств и самим характером повествования, 3) "гласом", т.е. произ-

несением, 4) "помаванием", т.е. кинетическими сигналами (поза, мимика, жесты и т.п.), усиливающими содержательную сторону речи ритора (ср.: "Во глаголех и деяниих помаванию ничтоже будет чюждее"). Николай Спафарий допускает мысль, что не все писатели могут учитывать эти стилистические требования, а поэтому "аще неискусно сочинение будет чрез риторику, тугу слышащым сотворит" (с. 32).

Кроме тропов и фигур, составляющих основу репертуара украшенных средств риторической речи, в него входили слова, фразеологизмы, книжные цитаты, сентенции и афоризмы, заимствованные из античной мифологии и византийской и патристической литературы. Это характерная, чисто функциональная особенность стиля литературы русского барокко конца XVII — начала XVIII в., и Николай Спафарий был одним из тех теоретиков стиля (среди них, конечно, в первую очередь следует назвать Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича и А. Кантемира), которые разрабатывали приемы включения этого лексико-фразеологического и иллюстративного материала в стиль художественного произведения.

Целью этого приема, который в стилистике носит название аллюзии, заключается в том, что, используя лексико-фразеологический материал из произведений других авторов, писатель расширяет ассоциативный фон стиля своего произведения за счет содержания чужой цитаты. Ассоциации подобного характера расширяют и дополняют содержание собственного произведения.

В своих сочинениях Николай Спафарий дает систематизацию этого лексико-фразеологического материала, необходимого для создания аллюзий, описывает и разъясняет его семантику. Конечно, это описание носило научно-просветительский характер, так как оно учило читателя понимать мир античной мифологии, историю культуры и древнюю литературу, а писателя использовать эти сведения в стиле бароккальной прозы и поэзии.

В сочинениях Николая Спафария, например, описаны семь чудес света: "пирамидес, сиречь высочайший столп во Египте; столп во Фаре, во Александрии; церковь Артемиды во Ефесе; гроб Маусола; колосос, или кумир родийский; кумир Зевсов Олимбиа; лавиринф в Крите, или стена вавилонская" (с. 89); названы "сирини", "сиречь полдевицы и полрыбы" (с. 89), "Три Бакху последники Силин, Пан, Сатири" (с. 103), Афродита, Геката, Прекрасная Елена, Парис, Дедал, Икар, эриннии, мойры, гарпии; приводятся разнообразные сентенции и афоризмы: "Неучен неразумный, иже боится, да некогда свободным художеством и полезным себе учат, зело себе исполнит" (с. 94), "Вся воздает безсуетная народная слава" (с. 112), "Неизлечимую рану мечем резати подобает" (с. 115) и т.д. Подобные мифологические разъяснения были обязательны для любого школьного курса риторики и поэтики и входили в него составной частью как словарь античной древности и мифологии[5].

Одно из заключительных событий в жизни культуры России во

---

[5] См.: *Резанов В.И.* Из истории русской драмы: Школьные действа XVII—XVIII веков и театр иезуитов. М., 1910. С. 166.

второй половине XVII — начале XVIII в. становление и утверждение литературы барокко. Это литература господствующих слоев русского общества, распространившаяся под пером писателей и теоретиков стиля — выходцев с Украины и из Белоруссии, была связана с духовными школами, с филологическими традициями, культивировавшимися в них.

Все свои сочинения Николай Спафарий посвящает утверждению и разработке принципов литературы русского барокко.

По представлениям средневековых схоластов, а Николай Спафарий разделял эти убеждения, общие понятия (universalia) обладают самостоятельным бытием, они существуют вне времени и пространства, и мир действительности отождествляется с миром понятий. "Краснейшее есть мир, за еже есть образ первообразного красоты, — пишет он. Величайшее место, понеже вмещает в себе всяческая, и ничто же вне его. Скорейшее же есть ум, зане во мгновении окружает небо и землю. Мудрейшее есть время, зане временем вся научаются и открываются, и ни един совет есть, иже не временем объявитъся" (с. 125).

Поэтому познание действительности как и создание ее эстетического образа в литературе барокко заключается в том, что мир реалий приводится в соответствие с миром понятий. "И да единым словом рещи всяческое, еже есть древнее и старое человецы хвалят и яко диво смотрят. И есть то яко природное меж человеки, яко от древних или глаголаниах, или писаниах, или живописаниах, или делех, или созданиах удивляются и сладко и охотно слышат" (с. 126).

Мир реалий только форма, только знак, "иероглификон", с помощью которого воссоздается художественный образ действительности. "Иероглификон", как говорит Николай Спафарий, это "священноименованный образ", в котором осложняя общие понятия частными, можно создать эстетический образ в литературе барокко.

Литературу барокко составляют высокие формы художественного творчества: ораторская и эпистолярная проза, историческая и философская литература, в том числе и переводная, парадная поэзия как самостоятельная и ведущая отрасль словесного искусства и только что сформировавшаяся драматургия. Поэтому и специфичен репертуар жанров литературы барокко, описанный Николаем Спафарием: "баснь" как эпическое произведение, "басня" как нравоучительное повествование (ср.: "Три части басням: предложение, наляцание и надвращение" (с. 106), различные виды "сказаний": "повесть", "историческая повесть", "философская повесть", "церковная повесть", "послание", "слово" как жанр ораторской и философской прозы, "героические стихи", "притча" и т.д.

Барокко как явление культуры и литературы отличается большой сложностью. В нем причудливо сочетаются самые противоречивые эстетические идеи: высокое и низкое, аскетизм и гедонизм, оптимизм и пессимизм, трагическое и сатирическое. Именно этим объясняется то обстоятельство, что в риторике барокко получает развитие теория амплификации как учение о соединении разнородных в

стилистическом отношении речевых элементов в единую эстетическую структуру, как стилистическое учение о соединении несоединяемого. Поэтому стремление Николая Спафария описать в "Арифмологионе" принципы сатиры, принципы того, что достойны осмеяния, можно расценить как попытку представить перед читателями комические коллизии и указать на возможность создания сатирических приемов с помощью стилистически разнородных элементов.

Николай Спафарий пишет: "Шесть сия всегда суть достойная смеху: 1. Птица морская, иже мнится всю себе сокрывати, егда главу между древесы сокрывает. 2. Лыска птица, яже поглощающи пену емлется. 3. Иже огордевается быти муж крепок, и всегда на войне доблественную славу получити и ни единыя раны в себе имать. 4. Иже глаголет многое страдати во многих злых, обаче лице его всегда благий шар имеет. 5. Дева пренебрегая и ускоряя законне обрученного или обручитися хотящаго. 6. Иже плачет безпрестанно ради тех, яже прилучишася и наипаче быти уже невозможно" (с. 93). В другом месте говорится: "Три тая весьма суть смеятельная: 1. Глаголати со своим образом. 2. Борбствовати с сению своею. 3. Совет творити со безумным" (с. 98).

В сочинениях Николая Спафария находят свое отражение и другие процессы, связанные с развитием стилистической дифференциации литературного языка, которые описываются в традиции теории трех стилей. В конце XVII в. понятие языкового стиля как и понятие системы стилей русского литературного языка стало для сознания образованных людей лингвистической реальностью.

Существуют "три образа словес", пишет Николай Спафарий, понимая под этим "три рода глаголания", "три стиля": "великий, средственный и смиренный" (с. 105), т.е. высокий, средний и низкий стили.

В трудах Николая Спафария содержится оценка разновидностей литературной речи по характеру ее социального и функционального применения. Существуют, пишет он, "три роди слову риторическому: советный, судный и доводный" (с. 105). Есть и оценка разновидностей ораторской речи: "три чины риторов: родийский, асиатский и афинейский" (с. 105).

Просветительский и учебно-педагогический характер сочинений Николая Спафария по риторике и поэтике бесспорен. В его работах встречаются имена философов и ученых древности, выясняются те или иные стилистические положения, разъясняются исторические и мифологические реалии. Но не всегда положения автора достаточно ясны, понятно и убедительно изложены. Компилятивный характер его сочинений, о котором говорилось выше, не умаляет важности и значения его наследия. В трудах Николая Спафария утверждаются и разрабатываются принципы литературы русского барокко, для которого "характерны, например, стихи, сложные акростихи, нравоучительные фабулы, энциклопедичность в подборе тем произведений, соединение литературы с наукой и многое другое[6].

---

[6] *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. доп. Л., 1971. С. 88.

Введение в научный обиход стилистических взглядов Николая Спафария позволяет расширить представления о характере и специфических особенностях литературы русского барокко последней трети XVII в., об истории развития стилей русского литературного языка.

Глава 8

"РИТОРИКА" СОФРОНИЯ ЛИХУДА (1698)

Средневековое знание о действительности в зависимости от источника познания делилось на два типа: священное и светское.

Источник первого из них трансцендентный — божественное откровение, покоящееся на вере. Система знания, образуемая верой, основана на передаче "слова" (логоса) во времени. Индивид, познавший и признавший его, становится причастным к божественному откровению, воплощенному в божественной истории. Содержание священной истории раз и навсегда раскрыто в Библии. Абсолютная истинность сообщаемого Библией обусловлена ее божественным происхождением. Подобная истина не меняется с течением времени, поскольку она приподнята над ним.

Светское познание — плод деятельности человека. Содержание этого познания исторически изменчиво и зависит от места и времени. В светском познании неизбежно человеческое пристрастие в оценке событий и фактов. Но в средневековом знании священное и светское связаны друг с другом. Священное знание — это сфера провиденциальная, основанная на провидении, а светское — сама себе иррациональная, нуждавшаяся в "свете" первой[1].

Эта структура средневекового знания или принималась авторами риторик (и учебные руководства содержали двухчастный характер описания всех знаний о действительности), или изменялась на трехчастную. Поэтому существовала традиция риторического описания в виде двух или трех типов красноречия. Выделялось прежде всего божественное красноречие как аналог священному познанию. Светское же познание могло делиться на два типа красноречия: героическое и человеческое.

Так поступает Софроний Лихуд (1652—1730), профессор Московской Славяно-греко-латинской академии, который вместе со своим братом Иоанникием Лихудом (1633—1717) прибыл из Константинополя в Москву в 1685 г. Софроний и Иоанникий Лихуды были приглашены для литературных и педагогических занятий патриархом Иоакимом. Первоначально они основали школу у себя дома, затем в Богоявленном монастыре и, наконец, с 1687 г. в открытой "Еллиногреческой" академии, которая позднее получила название Славяно-греко-латинской академии. Софроний Лихуд читал "Риторику" на двух

---

[1] *Барг М.А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987. С. 190—193.

языках: греческом и латинском, а перевод на русский язык был сделан по просьбе купца Ивана Кроткого после удаления братьев Лихудов из академии, когда победила партия приверженцев "латинского" учения над "греческим", к которому они относились. Перевод был исполнен в 1698 г. монахом Чудова монастыря Косьмою[2].

По каким источникам Софроний Лихуд писал свою "Риторику"? В предисловии к ней говорится: "Сию преславную и преполезную реторику, при помощи божией мы намерены объяснить теперь; а следовать будем Аристотелю, впрочем так, что для облегчения учеников изложим кратко и сжато те трактаты, которые у онаго несравненнаго мужа изложены слишком обширно". В определении понятий и в некоторых частных правилах Софроний Лихуд следовал Аристотелю. Кроме того, он пользовался "Искусством риторики" Франкискоса Скуфоса, изданном по-гречески в Венеции в 1681 г[3].

В самом начале Софроний Лихуд представляет разделение риторического искусства на божественное, героическое и человеческое. Божественное красноречие, говорит он, содержится в священном писании, в "глаголах пророков и апостолов": "небесная реторика совсем не так дѣйствовала, как пѣснь баснословнаго Орфея; она переродила волков в агнцев и в звѣрских душах язычников воспламенила любовь к благочестию, цѣломудрию и кротости. Это краснорѣчие есть язык ангелов".

Красноречие героическое заключено в творениях отцов церкви. Образцы человеческого красноречия можно найти в сочинениях Демосфена, Цицерона и других ораторов и теоретиков риторики.

Далее Софроний Лихуд дает определение риторики, указывает на ее достоинства и пользу в обществе. Если Платон, пишет он, назвал риторику flexanimam, т.е. душеводительницей, Аристотель называл ее силою и способностью усматривать в предмете то, что способствует к убеждению, то ее можно определить так: риторика есть наука или искусство, научающее говорить хорошо, правильно и красиво.

После этого Софроний Лихуд предлагает традиционное, идущее от античных авторов описание риторики в виде пяти частей: изобретение, красноречие, расположение, соображение и произношение.

"Риторика" Софрония Лихуда состоит из четырех книг. В первую книгу входит учение о тропиических местах, которых два рода: внутренние и внешние. Первых мест 16: определение, исчисление частей, этимология, род, вид, сходство, несходство, предыдущее, последующее, причина, следствие и т.п. Внешних тоже 16: священное писание, договоры, грамоты, следственные дела, свидетельства, история, мифы,

---

[2] См.: *Сменцовский М.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899; *Смирнов С.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855 (списки "Риторики" Софрония Лихуда см. на с. 51—52).

[3] Эта книга была переведена в конце XVIII в.: Франкискос Скуфос (Frankiskos Skouphos). Златослов, или Открытие риторския науки, то есть искусство витийства, сочиненное греческим священником Филаретом Скуфою, критским уроженцем, града Кизонии, проповедником, любомудрия и священныя богословия учителем; переведена же сия книга на российский язык покойным советником Стефаном Писаревым. Спб., 1779.

притчи, законы и т.п. Во второй книге говорится о тропах, фигурах слов и мыслей, о периодах и хриях. В третьей книге описывается структура ораторской речи и ее композиция: вступление, повествование, силлогизм, наведение, эпилог и т.п. Четвертая книга о памяти и соображении в "Риторике" Софрония Лихуда́ выпущена и вместо нее поставлен трактат, в котором преподаются правила, как писать похвальные слова, панегирики, благодарственные слова на победу над врагами, на прибытие послов, коронование царей, надгробные слова.

Для объяснения правил риторики Софроний Лихуд использует многочисленные примеры из церковной литературы, иллюстрации из античных авторов он приводит меньше. Нельзя не признать в изложении начал риторики элементов самостоятельности. "Риторику" Софрония Лихуды отличает приспособление к понятиям, потребностям русских слушателей, которым он читал свой курс. Поэтому Софроний Лихуд постоянно обращается к примерам из истории России, как бы говоря, что отечественная история и культура богата предметами, достойными художественного слова.

Глава 9

"РИТОРИКА" ЛАВРЕНТИЯ КРЩОНОВИЧА (1698)

Историки книги обстоятельно воссоздали картину развития книгопечатания в России, на Украине и в Белоруссии в XVI—XVII вв., описали сохранившиеся в отечественных и зарубежных библиотеках и архивах старопечатные издания этого времени, хотя находки редких книг, особенно учебной и научной литературы, еще возможны и вероятны. Но так как описание старопечатных книг проводится по мере их обнаружения, а публикации об этих находках печатаются в изданиях, которые сами, как правило, становятся библиографической редкостью, то старопечатные книги и их описания часто остаются неизвестными для специалистов-филологов и не вводятся в научный обиход. И в этом отношении показательна судьба одной старопечатной риторики конца XVII в., сохранившейся в единственном экземпляре в ЦГИА УССР, которая была найдена историком книги С.И. Масловым в 1927 г., но до сих пор не вошла в обиход историков русского языка и историков русской литературы[1].

В 1698 г. Черниговская типография напечатала учебник риторики на латинском языке под названием "Ilias Oratoria. Sive brevissima summa Rhetoricae, in gratiam Tyronum Eloquentiae collecta. Atque Illustrissimo Domino D: Basilio Galicin, et Illustrissimo D: Domino Sergio Galicin, Germanis Fratribus Benefactoribus suis clementissimis, in pignus gratitudinis dedi-

[1] См.: *Маслов С.І.* Етюди з історії стародруків. IX—X // Зб. історично-філологічного відділу. ВУАН, N 51. Київ, 1927. С. 698—719 Исследование С.И. Маслова цитируется по отдельному оттиску из этого сборника, хранящемуся в собрании книг акад. Н.К. Гудзия в Научной библиотеке МГУ (шифр: Гудз. 2405).

cata. Anno Xristi 1698"[2]. Автор этой "Риторики" — украинский писатель, книгоиздатель и церковный деятель Лаврентий Крщонович (г. рожд. неизв. — 1704).

О ранних годах жизни Крщоновича не сохранилось никаних сведений. Впервые имя Крщоновича упоминается в печатных изданиях Черниговской типографии в 1683 г., когда он опубликовал на латинском и польском языках панегирик основателю Черниговской типографии украинскому писателю и религиозно-политическому деятелю Лазарю Барановичу (ок. 1620—1693) под названием "Redivivus Phoenix. Lazarus Baranovicz (Воскресший феникс. Лазарь Баранович).

Черниговская типография находилась в ведении Троицкого Ильинского монастыря, где прошла вся деятельность Лаврентия Крщоновича, за исключением двух лет жизни в Москве в конце 1680-х годов, когда он был домашним учителем в семьях князя Б.А. Голицына и фельдмаршала графа Б.П. Шереметева, знаменитых сподвижников Петра I.

В 1685 г. Крщонович напечатал на церковнославянском языке "Триодь цветную", в которой помещено его посвящение Лазарю Барановичу и предисловие к книге. В посвящении автор сравнивает Черниговскую типографию с садом, насаженным Барановичем, а книги — с цветами: "яко же от цветов соплетается венец, тако от чтения книжного составляется премудрость". Далее Крщонович говорит, что Баранович "весь свой труд свой и тщание обратил не на тщетную славу", а на написание и печатание книг. "Триодь цветная" — это один из цветов "зацветающей типографии в монастыре".

Имя Лаврентия Крщоновича постоянно встречается в изданиях Черниговской типографии 80—90-х годов XVII в. "Тщанием Лаврентия Крщоновича" издается в 1686 г. "Часослов" с силлабическим четверостишием, принадлежащим ему же. В 1689 г. он печатает "Часовник" со своим предисловием к читателю. В молитвословах, напечатанных в 1691, 1692 и 1697 гг., содержатся его посвящения гетману Мазепе и его племяннику И. Обидовскому. Черниговская типография печатает в 1696 г. произведение писателя Дмитрия Ростовского "Руно орошенное" с посвящением Петру I, которое подписано Крщоновичем (2-е изд. Чернигов, 1702)[3].

В 1696 г. архиепископская кафедра в Чернигове была вакантной, и Крщонович претендовал на то, чтобы занять эту кафедру. В одном служебном документе, написанном на староукраинском языке, он говорит о своих личных заслугах, выдвигая на первое место свои заслуги в развитии образования, книгопечатания и просвещения. Крщонович пишет, что почти двадцать лет своей жизни отдал книгопечатанию, "чого посвѣдчают многіе з друкарни, не только нашой, але и з великороссійской, яко то евангелія найболшіи, блаженной

---

[2] Сводный каталог изданий, напечатанных в Чернигове в 1646—1818 гг., и библиографическое описание "Риторики" Лаврентия Крщоновича см.: *Каменева Т.Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1959. Т. 3. С. 278.

[3] См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 82—84.

памяти царя Феодора Алексѣвича виходячія свидѣтельства, не вспоминаю я тут конклюзий и афикцій, тут пред тим в Малой Россіи нѣгди не бывалих, а теперь многим особам, почавшим от самого монархи, так з Коллегіума Кіевского, яко из Чернѣгова з завистію Римлянов дедикованных; що все пошло за власним моим тщаніем и початком". "А любо в школах, — продолжает он, — не училем, моглем бы учити, и хотѣлем, кгди бы мене архіерей Чернѣговскій силою не примуслил з послушанія до своего дѣла, що так разумѣю стоит за школное учение"[4].

К этому письму Крщоновича необходимо дать одно пояснение. В XVII в. обучение философии, логике было тесно связано с изучением риторики, ораторского искусства. Окончание курса, присуждение ученой степени сопровождались публичным диспутом, где демонстрировались не только знания, но и умение их показать. В академиях и в коллегиях разных стран — в Риме, Милане, Праге, Кракове, Вильне, Киеве и Москве — было много общего в организации диспутов, проходивших в торжественной обстановке с приглашением зрителей и слушателей. Программа диспутов включала в себя, кроме самих диспутов на научную тему, драматическое представление, хоровое пение, декламацию. Подготовка к диспуту сопровождалась изданием печатных программ, своего рода современных авторефератов диссертаций. Эти программы носили название конклюзий (лат. conclusiones — установления, выводы). Конклюзии гравировались и пышно оформлялись. Обязательной частью их были тезисы, объявление о публичной защите, включавшее имена участников диспута, кураторов диспута, текст посвящения. Конклюзии печатались в виде листов, вывешивались на стенах академии и раздавались важным гостям. Обычай печатать конклюзии был широко распространен в академиях Киева и Москвы, в провинциальных риторических школах. И в этом письме Крщонович пишет о том, что он был одним из первых, кто стал печатать конклюзии[5].

Лаврентий Крщонович не был выбран архиепископом, но был назначен архимандритом Троицкого Ильинского монастыря. Чтобы получить подтверждение в этом назначении, он едет в Москву, куда прибывает 4 января 1697 г. Он берет с собой для подарка печатные издания Черниговской типографии: 5 экземпляров "Руна орошенного" и 3 гравюры, изображающие взятие русскими войсками Азова в 1696 г. Он преподносит Петру I икону Троицкой Ильинской божьей матери с видом города Азова и планом Азовской крепости с двумя приветствиями, написанными на иконе, которые подписали "Игумен Лаврентий Крщонович с братиею Троицкого монастыря"[6]. В начале XVIII в. этот

---

[4] *Величко С.* Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Киев, 1855. Т. 3, С. 417—419.

[5] В искусствоведении поставлен вопрос о конклюзиях как особом жанре графированных изображений в искусстве барокко конца XVII — начала XVIII в. См.: *Алексеева М.А.* Жанр конклюзий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. // Русское искусство барокко: Материалы и исследования / Под ред. Т.В. Алексеевой. М., 1977.

[6] *Монастырский.* Сведения об иконе Черниговской — Ильинской божьей матери, поднесенной по взятии Азова в 1696 году Петру Великому // Христианское чтение. [Б. м.], 1880, N 1—2. С. 195—201.

подарок был передан в Успенский собор Московского Кремля.

Возвратившись в Чернигов, Крщонович продолжает свою издательскую деятельность: в 1700 г. он печатает произведение Дмитрия Ростовского "Апологию"; в 1703 г. — "Полуустав" со своим посвящением. В 1704 г. Лаврентий Крщонович скончался.

"Риторика" Крщоновича — самое значительное произведение, в котором проявился его талант как писателя, просветителя, теоретика литературы и литературного стиля. "Риторика" написана по заказу кн. Б.А. Голицына (1654—1714) для обучения его сыновей: старшего Василия и младшего Сергея. Б.А. Голицын — видный государственный деятель России конца XVII — начала XVIII в., сподвижник Петра I, один из правителей государства во время заграничного путешествия молодого Петра. Как писал его современник дипломат кн. Б.И. Куракин, Б.А. Голицын был "ума великого". Он знал латинский, польский языки, интересовался литературой и историей.

Создание "Русской грамматики" Генрихом Вильгельмом Лудольфом, которая была напечатана на латинском языке в Англии, в Оксфорде, в 1696 г., тесно связана с именем Б.А. Голицына, которого Лудольф хорошо знал и чьей протекцией пользовался во время своего пребывания в России. Он посвятил "Русскую грамматику" Б.А. Голицыну. В посвящении говорится, что Голицын знанием латинского языка открыл себе доступ к беседам с иноземцами, оказывая помощь и защиту прибывающим в Россию образованным иностранцам.

В 1671 г. историк Ф. Тышкевич написал для Б.А. Голицына на основе польских хроник генеалогический трактат "Ездец, в крепости своей враги своя побеждающий на коню скоро"[7]. В своем дворце Голицын имел богатую библиотеку, картинную галерею, держал музыкантов и домашних учителей для своих детей[8].

Риторика как наука, входившая в состав "семи свободных искусств" и как учебная дисциплина изучалась и преподавалась во всех средневековых европейских университетах, академиях и училищах, а также в академиях и училищах России, Украины и Белоруссии. "Ilias oratoria" Крщоновича представляет собой печатную риторику, написанную специально для преподавания в светских, а не церковных школах.

Период с XVII по XVIII в. — эпоха начального формирования русской, украинской и белорусской наций и их новых литературных языков — способствует расцвету грамматической мысли и риторики. Грамматики и риторики этого времени стремятся описать нормы традиционной книжной славянской речи и зарождающиеся нормы национальной литературной речи в России, на Украине, в Белоруссии, охарактеризовать стилистическую дифференциацию между языковыми средствами, которые закрепляются за каждым из трех стилей (высокий, средний и низкий).

---

[7] См.: Отдел рукописей ГБЛ. Собр. Погодина, N 1753.

[8] См.: *Голицын Н.Н.* Род князей Голицыных. СПб., 1892. Т. 1. С. 123, 514; *Шмурло Е.* Б.А. Голицын / Энциклопедический словарь. Изд. Ф. Брокгауза и И. Ефрона. СПб., 1893. Т. 9. С. 48.

Во второй половине XVII — начале XVIII в. в России, на Украине и в Белоруссии развивается литература барокко. В условиях многонациональных Австрийской и Османской империй, в которых большинство славянских народов было порабощено, а остальные находились под угрозой порабощения, возникает идея культурной и духовной общности славянских народов. С обращением литературы, языкознания и историографии к этой идее возникает так называемый барокковый славизм[9].

С развитием литературы барокко, высоких ее жанров, жанров исторической прозы, распространяется интерес к филологии, к правописанию, к печатной и рукописной книге, в которой графическое и художественное оформление органично связывалось с ее содержанием и назначением. Именно в это время возникают риторики, в которых интерес к проблемам стиля, к форме литературного произведения, характерный для эстетики барокко, получил свое теоретическое обоснование[10]. И "Риторика" Лаврентия Крщоновича представляет собой одно из звеньев этого эстетического и стилистического движения эпохи.

В "Риторике" 46 страниц (15 параграфов). Открывается книга кратким посвящением сыновьям Голицына и тремя гравюрами. На гравюрах изображены Василий и Сергей Голицыны с книжками в руках, герб их рода и символическое изображение руки, которая пишет на доске латинские слова"Nulla dies sine linea" (Ни одного дня без строки) — афоризм римского писателя и ученого Плиния Старшего (23—79 гг. н.э.). Над доской летают пчелы, собирающие мед, — символ учености[11], внизу нарисован урбанистический пейзаж в стиле барокко. В пейзаж вписаны муравейники и муравьи — символ терпения и неутомимого труда[12]. Далее следует текст "Риторики", изложенный в форме диалога, который ведут между собой учитель и ученик.

Книга начинается традиционным определением риторики как учения о красноречии. Риторика, по мнению Крщоновича, учит правильно и красиво писать и говорить. В риторике три части: в первой части описываются правила изобретения доказательств, необходимых для изложения темы или описания предмета, во второй — излагаются сведения о построении речи; в третьей — сообщаются правила об украшении речи.

---

[9] См.: *Георгиев Э.* Об основных этапах развития славистики в славянских странах // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 92—93.

[10] См.: *Зубов В.П.* К истории русского ораторского искусства конца XVII — первой половины XVIII в. Русская люллианская литература и ее назначение // ТОДРЛ. М., Л., 1960. Вып. 16. С. 288—303.

[11] Ср. метафорическое описание пользы учения в "Предисловии" Ф. Поликарпова к изданию "Славенской грамматики" Мелетия Смотрицкого (М., 1721): "Яко любомудрых российских отроков многи ныне различная государства пчелоподобно облетающе, да оттуду соберут себе благовонныя различных учений цветы, из них же бы могли себе и прочим оных желателем сладкий на славенском диалекте сот переводом своим от различных языков представити"(л. Б).

[12] Эта гравюра опубликована: *Запаско Я.П.* Мистецтво книги на Україні в XVI—XVIII ст. Львів, 1971. С. 268; *Каменева Т.Н.* Орнаментика и иллюстрации черниговских изданий XVII—XVIII веков // Книга: Материалы и исследования. М., 1974. Вып. 29. С. 177.

Чтобы стать ритором, пишет Крщонович в той части, которая в риторике носит название изобретение (inventio), надо много учиться, быть образованным человеком. Для достижения этой цели он рекомендует читать книги различного содержания. Важное место в образовании ритора занимают чтение и изучение книг философского, исторического, филологического содержания и произведений художественной литературы. Автор особо подчеркивает важность знакомства с такими рукописными книгами, как "Феатрон или позор нравоучительный", "Феатр или зерцало монархов", "Феатрон или позор исторический", — сочинениями, использовавшимися при обучении в риторических школах Западной Европы и России[13].

Так, книга черниговского писателя Иоанна Максимовича "Феатрон или позор нравоучительный" содержала сведения по гражданской и церковной истории, нравственные советы и поучения начальникам: принять "пречестный к житию образ", иметь верных друзей и не возноситься в благополучии. Нравоучительные рассуждения Максимович подкрепляет примерами, взятыми из народных эпосов, библейских преданий и жизнеописаний древних философов и исторических героев.

Другая популярная книга такого рода — сочинение немецкого историка Вильгельма Стратемана, вышедшее в Иене в 1656 г. под названием "Theatrum historicum exhibens Memoriae juvandae causa, per decem Exitus et per secula, omnes Reges, Imperatores, Pontifices Romanos, Viros celebres". Она была переведена в начале XVIII в. Гавриилом Бужинским. В предисловии к русскому переводу книги "Феатрон или позор исторический" он писал о том, что без знания истории тщетно изучение других наук — философского и физического учения, риторики, юриспруденции, "истории о животных и зелиях", что Петр I наукам "пространныя отверзл двери" и "отовсюду в России родишися витии, философи и богословы".

Значительное место в образовании ритора Лаврентий Крщонович отводит филологическим трудам польского лексикографа и ритора Григория Кнапского (1564—1638), указывая на необходимость хорошего знания его "Польско-латино-греческого словаря" и особенно сборника "Польские пословицы", в котором польские фразеологизмы, а отчасти и фразеологизмы из других славянских языков, сопоставлены со сходными по значению латинскими и греческими. Такие книги, пишет Крщонович, хорошо учат и образуют ритора. Поэтому всякий ритор обязан вполне обладать филологической эрудированностью. Эрудиция ритора должна отражаться на стиле его произведений.

Эстетика барокко декларирует рационалистический принцип построения стиля литературного происхождения. Произведение литературы барокко, по мнению Крщоновича, должно быть наполнено аллегория-

---

[13] Эти книги представляли собой или переводы с латинского и греческого языков, или компиляции на философские и исторические темы. Позднее они были напечатаны: "Феатрон или позор нравоучительный". Чернигов, 1708; "Феатр или зерцало монархов". Амстердам, 1710; "Феатрон или позор исторический". СПб., 1724. См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г./Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. Редакция и вступит. статья П.Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 155, 303, 268.

ми и иносказаниями, тропами, метафорами, символами, эмблемами и иероглификой. Их разнообразие создает стилистический полиморфизм, характерный для литературы барокко и воздействующий на читателя содержательной стороной текста и его графическим оформлением. "Однообразие ограничивает, разнообразие расширяет", — пишет испанский философ и один из первых теоретиков барокко Бальтазар Грациан (1601—1658). И это утверждение разделяют все последующие теоретики литературы барокко.

Важное место в эстетике барокко занимает формулирование принципа "остроумия" или "острых мыслей", отсутствующее в античной и средневековой риторике[14]. Основой для выработки острых мыслей служат у Лаврентия Крщоновича связь между далекими друг от друга противоположными понятиями, раскрытие истинного логического через алогическое[15]. Описанию принципов создания "острых мыслей" и изречений ритора Крщонович посвящает специальный параграф.

Далее он описывает правила построения речи и называет эту часть риторики традиционным термином "расположение" (dispositio). Крщонович формирует понятие расположения как соединения разных идей, пристойных описываемой теме или предмету речи, говорит о принципах сочленения простых идей, образующих суждения, и об открытых и закрытых суждениях.

В украшение как часть риторики (elocutio) Крщонович включает ряд правил, с помощью которых суждения могли быть стилистически оформлены "пристойными" словами и выражениями. Он кратко описывает различия между тремя стилями литературного языка (высокий, средний и простой), обращая главное внимание читателя на произведения высокой литературы. Качества стиля литературного произведения будут заключаться в том, что автор "должен писать ясно, прямо, украшенно и связно". Причем в ответе на вопрос "Как создается высокий стиль речи?" содержится несколько ссылок на популярные во второй половине XVII в. логические и риторические сочинения испанского философа Франциска Суареса (1548—1617), в частности, на латинский трактат "Метафизические споры" (Саламанка, 1597), на "Практику ораторского искусства" виленского профессора Казимира Кояловича (1617—1674) и на произведения других авторов.

Теоретическая часть руководства заканчивается рассмотрением памяти и произношения как частей ораторского искусства. В ней содержатся рекомендации риторам: с помощью каких правил нужно вырабатывать память, как произносить публичные речи.

Далее следует практическая часть учебника (с. 42—46), в которой помещены отрывки из "Илиады" Гомера в латинском переводе.

---

[14] Ср.: *Lachmann R.* Die Tradition der Ostroumie und das Acumen bei Simeon Polockii // Slavische Barockliteratur. München, 1970.

[15] В испанской риторике барокко термин "острые мысли" носит название agudeza, т.е. творящая концепты интуиция, и сформулирован Бальтазаром Грацианом в трактате "Остроумие, или искусство изощренного ума". См.: Испанская эстетика. Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977. С. 169—172; *Тальвет Ю.К.* Роман Матео Алемана "Гусман де Альфараче" и эстетика барокко // Филол. науки. 1982. N 1. С. 34.

Л. Крщонович пишет о том, что стиль "Илиады" является образцом искусства эпоса и содержит все сведения по риторике, которые необходимы для обучения ритора, а поэтому произведение Гомера надо внимательно изучать. Крщонович выбирает из "Илиады" для анализа четыре отрывка, которые он называет "зернами "Илиады".

На первом "зерне "Илиады" он демонстрирует природу метафоры и способ метафорического описания: рекомендует отыскать в отрывке существительные, прилагательные и глаголы, из которых должны быть выбраны части речи с метафорическими значениями.

В качестве иллюстрации на русскую тему Крщонович формулирует стилистическую задачу — создать на латинском языке метафорическую картину силы и могущества Российского государства. Он разрабатывает метафорическое описание, представляющее мощь и победу России над турками под Азовом в 1696 г., призывает Петра I водрузить русскую корону на "новый Рим — Константинополь", перефразируя старинную идеологическую формулу "Москва — третий Рим, а четвертому не быти".

На втором "зерне "Илиады" он показывает природу высокого стиля и состав его речевых средств.

На третьем "зерне "Илиады" раскрывается значение такой важной стилистической фигуры, как амплификация, и описываются ее разновидности: приращение, сравнение и нагромождение. Способы создания амплификации он заимствует из современной ему рукописной риторики Михаила Радова[16]. В качестве учебного задания в этом "зерне" берется и разрабатывается тема героизма русской конницы, взявшей Азов. Используя в качестве тематического источника цитату из грамоты Петра I патриарху о взятии Азовской крепости, Лаврентий Крщонович создает несколько амплификаций, особенно обращая внимание на описание страданий русских пленников в турецком плену.

Наконец, в четвертом "зерне "Илиады" на материале этого эпического произведения проводятся наблюдения над периодической формой речи. Заканчивается этот раздел, как и вся книга, описанием периодов в ораторской речи Цицерона.

"Риторика" Крщоновича тесно связана с практикой школьного образования. Как "искусство", "художество" она выполняет культурно-просветительские задачи и оказывает влияние на формирование духовного облика учащегося. Школьная риторика демонстрирует описание действительности, в которой живет учащийся, и учит познавать этот мир и жить в нем.

При создании своей "Риторики" Крщонович учитывает стилистический и эстетический опыт развития литературы и языка своего

---

[16] В "Поэтике" Феофана Прокоповича понятие амплификации формулируется следующим образом: "Всякая амплификация основывается преимущественно на добавочных свойствах. Свойства же эти надо собирать, очевидно, так, чтобы они усилили задание. Таким образом, получится, что предмет, который не велик, или кажется таким, тотчас представляется громадным, подобно тому как маленький поток от слияния воедино ручейков вырастает в огромную реку" (*Прокопович Феофан.* Соч. / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 376).

времени. Для его "Риторики" характерна тесная связь с литературой барокко конца XVII в. В ней получают свое отражение и описание такие явления развития литературного языка, как расширение его социальных функций, нормализующее влияние теории трех стилей в культурно-речевой практике восточнославянских народов, внимание к стилистике художественной литературы.

Глава 10

"РИТОРИКА" М.И. УСАЧЕВА (1699)

В конце XVII в. на основе первой русской риторики создается новая риторика. Риторика сохранилась в многочисленных списках, сделанных на северо-западе и севере России в конце XVII — начале XVIII в.[1], но в них не содержится никаких сведений об авторе этого сочинения.

В одном из списков указывается автор и время ее составления: "Писавый сію книгу, глаголемую ріторіку, многогрѣшный книгописец Михаил Іоаннов сын Усачев. Въ лѣто 7207 (1699) год мѣсяца в день" (л. 154 об.)[2]. Но это указание можно толковать двояко: М.И. Усачев был только переписчиком риторики, а автором ее могло быть другое лицо, или он был и автором и переписчиком этого сочинения. Последнее толкование принимается в настоящей работе. Об М.И. Усачеве известно еще, что в 1697 г. он переписал "Азбучный патерик"[3].

Схему расположения материала М.И. Усачев заимствует из "Риторики", приписываемой Макарию, но его "Риторика" более обширна по своему изложению и значительно пополнена новыми наблюдениями и выводами.

"Риторика" М.И. Учачева состоит из двух книг: "О изобретеніи дѣл" и "О украшеніи слова". В этих книгах излагается пятичастная структура риторики, сложившаяся в античной, западноевропейской и отечественной филологической традиции: изобретение, расположение, украшение, память и произнесение.

Автор определяет риторику так: "Ріторіка есть художество, еже учит слово украшати и отвещавати" (л. 1).

Особенно много наблюдений и обобщений содержится в главе о трех стилях, которая носит название "О приличном положении реченій и сказаній". На изложении понятия "трех родов глаголания" в "Риторике" М.И. Усачева следует остановиться подробнее.

"Понеже извѣстно есть, — пишет он, — трегубыя быти вещи

---

[1] См.: *Бабкин Д.С.* Русская риторика начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 352—353.

[2] В настоящей работе цитируется список: ГИМ, собр. Щукина, N 803. В скобках указывается нумерация рукописи.

[3] *Будовниц И.У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962. С. 348.

или дѣла, о них же реченія и сказанія составляются в глаголаніи. Иныя малыи, иныя среднія, иныя великія, тѣм же и сія вещи трех родов требуют, по изглаголанію своему приличных, яже суть смирное, среднее, высокое" (л. 142 об.). "Род смирный глаголания" соответствует в этом описании "низкому штилю" в системе стиля русского литературного языка XVIII в., "род средний" — "среднему штилю", "род высокий" — "высокому штилю".

Итак, в основу понимания стиля М.И. Усачев кладет принцип трехчленного деления объекта исследования. Этот прием автор "Риторики" использует на разных уровнях классификационных построений: на уровне предметов изложения — "вещей или дѣл", по его терминологии, тем повествования, языковых средств, стилей и жанров.

Каждый уровень представляет собою родовое понятие, которое делится на три видовых. Например, на уровне предметов изложения выделяются высокие предметы изложения, средние и низкие, на уровне тем повествования вычленяются высокие, средние и низкие темы повествования и т.д. Благодаря такому членению, например, высоким предметам соответствуют высокие темы повествования, выбираются определенные языковые средства, создающие нужный тип литературной речи, в данном случае высокий, прикрепляются высокие жанры.

В "Риторике" особенно наглядно прослеживается нормализирующее значение теории трех стилей, которая на русской почве служила регулятором в употреблении книжнославянских и русских форм речи в разных стилях русского литературного языка конца XVII — начала XVIII в., хотя несомненна традиционная прикрепленность книжнославянской речи к "высокому роду глаголания", а повседневной, бытовой речи к "простому, смирному роду глаголания".

"Высокій род глаголанія, — отмечает М.И. Усачев, — составляется из реченій высоких, великих, великая изъявляющих изрядных схиматами зѣло умножается" (л. 143 об). В произведениях этого стиля используются многочисленные тропы и фигуры. "Въ сем родѣ рітор всѣми речеточества украшеніи, сирѣчь всѣм красноглаголаніем прилично есть вещь свою возносити и умножити" (л. 143 об.).

"Род глаголаній смирный есть. Иже токмо простым глаголанием доволен есть, схимата же зѣло ретко к сему прилагаются, реченіи собственными, и сказаніи обычными увеселяется" (л. 142 об.). К "смирному роду" он относит послания, "эпистолы", научные сочинения и произведения деловой письменности.

Между этими родами речи находится "средний род глаголания, или мерный". Он составляется из языковых средств "от нижайшаго и смирнейшего и от высочайшаго". "Сей род среднїй, — пишет М.И. Усачев, — широк есть, яко сему роду вся речеточества украшенія надлежит". "Но, — замечает автор, — в родѣ сем схиматов приличных роду высокому употребити недостоит" (л. 143).

Классификация "родов глаголания" по принципу трехчленного деления "вещей и дѣл" дополняется классификацией по целям и задачам языкового сообщения, выполнение которых было обязательным для говорящего или пишущего. "Виждь три быти должности рітору, —

пишет автор, — возбудити, научити, усладити. Тѣм же и к сим трем глаголанія родом, сія три должности прилагаются: яко роду смиренному прилагается наученіе, среднему увеселеніе, высокому возбужденіе" (лл. 143 об. — 144).

Так, в учении о "трех родах глаголания" М.И. Усачева объединяются разные принципы выделения и описания стилей литературного языка.

Но автор понимает, что последний принцип классификации "родов глаголания", формулируемый с помощью глаголов "возбудити", "научити", "усладити", отличается внутренней противоречивостью, на практике часто приводит к различного рода несоответствиям между предметами и темами изложения и теми языковыми средствами, которые выбираются говорящим или пишущим для их описания. Поэтому его предостережения достаточно категоричны.

"Аще же філософ или мудрец каковый научает кого и трудности сія, яже в наученіи обрѣтаются развѣзати желаяй, покрывал бы красноглаголанія цвѣтами, яже высокому и среднему родом належит, вящщую трудность слушающему сотворил бы. Или еще бы в разговорѣ дружском, или во изъглаголаній каковый малыя вещи схиматов знаменитых много употребил бы истинно весма поруган был. Такожде и безумію виновен был бы, еще кто желая слушателей возбудити и каковому великому дѣлу, или кого похвалити в великом дѣлѣ, не употребил бы схиматов приличных высокому роду" (л. 144).

Понимание "трех родов глаголания", сформулированное в "Риторике" М.И. Усачева, оказало сильное воздействие на все последующие риторики, написанные на книжно-славянском языке московской редакции. Она пользовалась большой популярностью среди грамотных русских людей. О широком распространении ее свидетельствует большое число списков, дошедших до нас и хранящихся в архивах и в библиотеках Москвы, Ленинграда и других городов.

Глава 11

"РИТОРИЧЕСКАЯ РУКА" СТЕФАНА ЯВОРСКОГО

В 1705 г. известный деятель русской культуры и филолог конца XVII — начала XVIII в. Ф.П. Поликарпов перевел с латинского языка на "словенский" сочинение Стефана Яворского "Риторическая рука"[1].

Стефан Яворский (1658—1722), крупный писатель-полемист и церковный деятель, специально занимался теорией риторики и был известным ритором. Он получает образование в Киево-Могилянской академии, где изучает теорию риторики у профессоров Иоасафа Кроковского и Варлаама Ясинского. В 1684 г. он наружно принимает

[1] О Ф.П. Поликарпове см.: *Браиловский С.Н.* Федор Поликарпович Поликарпов-Орлов, директор Московской типографии // ЖМНП. 1894. N 9—11.

католичество. В те времена подобный поступок не является исключительным, так делают многие выпускники Киево-Могилянской академии, готовящиеся к занятию должности профессора: они на время принимают католичество или становятся униатами. Это дает возможность им учиться в католических академиях. Стефан Яворский (под именем Станислава Симона) учится в академиях Львова, Познани, Вильны, где занимается философией, теологией, риторикой, пиитикой, изучает древние и новые языки, пишет панегирики и слагает стихи. В 1687 г. он возвращается в Киев, приносит покаяние и вновь принимает православие. С 1687 г. Стефан Яворский преподает в Киево-Могилянской академии риторику, пиитику, философию, теологию и становится ее префектом.

Петр I, ценивший Стефана Яворского как ритора и церковного деятеля, назначает его в 1700 г. после смерти патриарха Адриана местоблюстителем патриаршего престола. Он реформирует Московскую Славяно-греко-латинскую академию и заводит в ней вместо эллинских "латинские учения", подбирает в качестве преподавателей людей с западной образованностью, хотя и не одобряет протестантизма Феофана Прокоповича и его приверженцев. Стефан Яворский преподает в Московской Славяно-греко-латинской академии "свободные художества", результатом преподавания риторики и является сочинение "Риторическая рука"[2].

Перевод "Риторической руки" открывается посвящением. Федор Поликарпов посвящает свой перевод сподвижнику Петра I А.И. Мусину-Пушкину — отцу будущего историка и археолога, издателя "Слова о полку Игореве" А.И. Мусина-Пушкина.

Если "от мягких ногтей", пишет он, знать искусство риторики и воспитать интерес к ней, то "имѣла бы Москва своего Димосфена или Аристотеля прочим народам к смотренiю" (с. 4). В духе новых поэтических воззрений на литературное творчество Федор Поликарпов рекомендует риторам обращаться за помощью к "мусам".

Во второй половине XVII в. сложилась традиция метафорического уподобления риторики как ораторского искусства изображению руки как аллегории силы и могущества, каждый из перстов которой символизирует соответствующую часть риторики: изобретение, расположение, украшение, память, произношение. С помощью этого зрительного образа Стефан Яворский описывает назначение риторики и сообщает содержание ее частей. "Быти аки пять перстов, от сих прочее пяти перстах здѣ по единому речется рука риторическая пятiю частьми или пятiю персты укрѣпленная. В шуицѣ ея богатство и слава" (с. 9—10). "Перст великой может силою. Указательныи: указует вѣденiе и путь ко звѣздам. Среднiи: златом научает средству. Перстневыи: перстнем обручает премудрость. Мизинец или ушесник ушеса отирает и отверзает ко слышанiю" (с. 11—12).

Центральное место в сочинении Стефана Яворского занимает уче-

---

[2] "Риторическая рука" Стефана Яворского цитируется по факсимильному рукописному изданию, опубликованному Обществом любителей древней письменности: *Яворский Стефан.* Риторическая рука. СПб., 1878. В дальнейшем в тексте указываются страницы в скобках.

ние о правилах построения проповеди в трех ее основных жанровых разновидностях. С середины XVII в. на Украине, в Белоруссии и в России получает широкое распространение проповедь учения, сочиненная в академии. Проповедник думает не столько о том, чтобы быть понятным каждому слушателю и действовать на жизнь, сколько о соблюдении всех правил риторики. Такая проповедь отличается большой отвлеченностью, искусственной правильностью. В ней наблюдается избыток образов, абстрактный символизм. Если исключить из проповеди обращения к слушателям, то "характер проповеди вполне исчезает, и мы получаем ученое рассуждение или риторическое упражнение на заданную тему"[3].

Возникновение такой проповеди связано с именем Симеона Полоцкого, который первым начинает читать с амвона проповеди собственного сочинения вместо творений отцов церкви. Пользуясь благосклонностью царского двора Симеон Полоцкий печатает свои проповеди в придворной (верхней) типографии в двух книгах "Обед душевный" и "Вечер душевный". К этой риторической школе принадлежит и Стефан Яворский.

Как проповедник Стефан Яворский восхищал своих современников, и даже враги отмечали его риторическое дарование, которое обеспечивало успех у слушателей. Общее построение произведений Стефановых отличается особенной изысканностью. Избравши для себя текст, он редко устремляет внимание на то, что в нем есть существенного. Обыкновенно он берет одну его сторону, останавливается на какомнибудь случайном обстоятельстве, или отыскивает вместо этого отношения отношение к другому, постороннему предмету[4].

Изобретение, пишет Стефан Яворский, "есть вымысел аргументов и доводов, во еже довести предложеніе каково" (с. 12). В этой части автор рассматривает логический аспект выступления ритора, излагает систему доказательств, которыми он должен пользоваться.

"Расположеніе — есть художественное аргументов или доводов изобрѣтенных по мѣстам положеніе" (с. 21). Расположение "слов или поучений" строится двояким путем — логически и композиционно. В композиционном отношении расположение "больших словес или поучений" он выделяет в речи ритора шесть частей: "предсловие или эксордиум", "предложение", "повествование", "утверждение", "разрушение" и "надсловие или заключение". Усиливается сила риторического выступления благодаря употреблению разных типов хрии, то есть "краткаго собранія дѣла и благодаря украшенію риторическому".

Учение о словесном выражении — "витийстве или краснословии" — наиболее подробно разработанная часть "Риторики" Стефана Яворского. "Витійство есть вещей изобрѣтенных и расположенных красное и избранное возвѣщеніе" (с. 29). Украшению "слов или поучений" служат периоды ("обтеченія или обходы"), "тропосы" ("образы краснорѣчія"), фигуры ("начертанія или отмѣны"), "аффекты" ("залози или

---

[3] *Самарин Ю.Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // *Самарин Ю.Ф.* Соч. М., 1880. Т. 5. С. 356.

[4] Там же. С. 357.

страсти или движенія"), "приличное прехожденіе", "еже есть от частнаго нѣкоего предложенія к повсемственному или общему" (с. 30). Терминология, которой пользуется переводчик, греческого и латинского происхождения: период, комма, колон, тропос, синекдоха, метонимия, метафора, репетицио, традукцио, дисколуцио и т.д., но все заимствованные термины переведены "по-словенски": обтеченіе, сѣченіе, член, образ, сообъятіе, преименованіе, преношеніе, повтореніе, преведеніе, отрешеніе и т.д.

Учение о запоминании — "память". "Елико ко имени есть сокровище разумѣніи, сію елико имать обилнѣе, толико богатѣе во глаголаніи" (с. 83).

Произношение — последняя часть "Риторической руки" Стефана Яворского. Эта глава невелика по объему и интересна по своим стилистическим рекомендациям. Она содержит также характеристику типичных недостатков в речи ритора. Приведем ее полностью:

"Произношеніе есть вещей и речей по достоинству гласа и тѣла движеніе.

В произношеніи подобает смотрити глас и дѣйство.

Елико ко гласу. Перво глас в произношеніи подобает быти различен: по разности дѣла и вещи глаголемыя. Тако в ярости глас подобает быти яр, в печали уныл и густ, во страсѣ униженныи, добрыи, унылыи. В силѣ зѣльныи, в сладости разлиянныи, гладкіи, свѣтлыи, веселыи, свободныи и прочая.

Противныи недостаток.

1. Есть частое отдохновеніе котораго велми тщателно опасатися подобает.

2. Глас в произношеніи да не будет пѣніем.

3. Да не будет выше силы.

4. Дабы частыми одышками, или кашлем не растлѣвался.

5. Дабы в ноздри не изглашался.

6. Дабы по стремнинам не шатался.

7. Дабы не вельми косно.

8. Дабы не зѣло кричливо.

9. Дабы послѣднія слогини произносилися.

Елика к дѣйству. Дѣйство в произношеніи есть при удержаніе движеніи тѣла по истязанію вещества.

1. Дѣйства подобает быти с движеніем главы, яко же есть естественѣ положеная.

2. Да измѣняется лице по различію слова, и да будет лице овогда ласково, овогда печално, овогда весело и прочая. От онуду же ритор, что либо глаголет, тое да разумѣет, иначе не увѣщает слышателя развѣ ко убѣжанію.

3. Очеса тожде да глаголют еже язык.

4. Мышци подобнѣ овогда да возвышаются.

5. Руцѣ мѣсто да показуют, на приклад: небо в высоту, землю вниз. И дѣло да изъясняет, яко прещенія прошения и прочии. Яко же матерія или вещь востребует" (с. 86—89).

Глава 12

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Стилистическая теория Феофана Прокоповича (1681—1736) изложена им в двух сочинениях "De arte rhetorica" ("Об ораторском искусстве") и "De arte poetica" ("О поэтическом искусстве"), а также в литературных произведениях. Хотя "Риторика" и "Поэтика" при жизни Феофана Прокоповича не были изданы, но благодаря многочисленным рукописным спискам они были широко известны в России, на Украине и в Белоруссии и оказали большое воздействие на формирование науки о языке и литературе братских славянских народов.

В бытность свою профессором и ректором Киево-Могилянской академии Феофан Прокопович прочитал в 1705 г. по-латыни курс лекций по поэтике. По записи лекций, которая хранилась у белорусского митрополита Георгия Конисского (1717—1795), это сочинение Феофана Прокоповича было издано на латинском языке в Могилеве в 1786 г. над названием: "De arte poetica libri III ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolanae dictati Kioviae in Ortodoxa academia mohylaeana anno Domini 1705" (Mohiloviae, 1786). Издание "Поэтики" Феофана Прокоповича давно стало библиографической редкостью. Лишь в 1961 г. Институт русской литературы АН СССР предпринял публикацию этого сочинения на латинском языке по могилевскому изданию вместе с русским переводом[1].

Сочинение "De arte rhetorica" — запись лекционного курса, прочитанного Феофаном Прокоповичем по-латыни в 1706—1707 гг. в Киево-Могилянской академии, — издано в переводе на украинский язык в Киеве в 1979 г.[2]

Теоретическая разработка поэтик и риторик Киево-Могилянской академии, в том числе "Поэтики" и "Риторики" Феофана Прокоповича, активно велась в конце XIX — начале XX в.[3] Затем исследования прекра-

---

[1] См.: *Прокопович Феофан.* De arte poetica. О поэтическом искусстве: Пер. Г.А. Стратановского / Под ред. А.Н. Егунова // *Прокопович Феофан.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л., 1961.

[2] См.: *Прокопович Феофан.* Філософські твори. Т. 1. Про риторичне мистецтво. Різні сентенції. Київ, 1979; *Prokopovič Feofan.* De arte rhetorica libri X Kijoviae 1706. Mit einer einleitenden Untersuchung und Kommentar herausgegeben nach zwei Handschriften aus den Beständen der Kiever Zentralen Akademie—Bibliothek von Renate Lachmann // Slavistische Forschungen. Bd. 27; Rhetorica slavica. Bd. 2. Böhlau Verlag. Köln; Wien, 1982.

[3] *Петров Н.И.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала до ее преобразования в 1819 году // Труды КДА. 1866. Т. 2, N 7; 1866. Т. 3, N 11; 1866. Т. 3, N 12; 1867. Т. 1, N 1; 1868. Т. 1, N 3; *Он же.* Очерки по истории украинской литературы XVII и XVIII веков. Киев, 1911; *Голубев С.Т.* Киевская академия в конце XVII и начале XVIII столетия // Труды КДА. 1901, Т. 3, N 11; *Тихонравов Н.С.* Трагедокомедия Феофана Прокоповича "Владимир" // ЖМНП. 1879. N 5; см. также: *Он же.* Сочинения. М., 1898. Т. 2; *Соболевский А.И.* Когда начался у нас ложноклассицизм? // Библиограф, 1890, N 1; *Перетц В.Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Т. 1; *Мочульский В.Н.* Отношение южно-русской схоластики XVII века к ложноклассицизму XVIII века // ЖМНП. 1904. N VIII; *Резанов В.И.* Из истории русской драмы. Школьные действа XVII—XVIII вв. и театр иезуитов. М., 1910.

тились, и только с начала 60-х годов вновь пробуждается интерес к изучению филологических трудов Прокоповича. В 1961 г. появляется русский перевод его "Поэтики" и ценные исследования Г.М. Сивоконя, А.Н. Соколова, И.К. Белодеда и Р. Лужного[4].

Стилистическая теория Феофана Прокоповича представляет собой стройную систему взглядов, сформировавшихся на основе творческого осмысления и критического анализа античной и ренессансной, западноевропейской и отечественной филологической традиции, изучения творческого опыта современной литературы, литературы предшествующих эпох. "Поэтика" и "Риторика" Аристотеля (384—321 до н.э.), сочинения Платона (428 или 427 — 348 или 347 до н.э.), "Послание к Пизонам" и стихотворения Горация Флака (65 — 8 до н.э.), сочинения Цицерона по теории ораторского искусства (106— 43 до н.э.), "Образование оратора" (Institutio oratoria) Квинтилиана (I в. н.э.), анонимная "Риторика к Гереннию" (конец 80-х гг. до н.э.), "Прогимнасматы" Гермогена из Тарса (II в. н.э.), трагедии Сенеки (ок. 4 г. н.э. — 65), комедии Плавта (ок. 250—184 до н.э.), "Скорбные элегии" и "Метаморфозы" Овидия Назона (43 до н.э. — 17 н.э.), эпические произведения Гомера (VIII в. до н.э.), Виргилия (70—19 до н.э.), Тассо (1544—1595), Барклая (1582—1621), сочинения Иоанна Златоуста (между 344 и 354—407), Василия Великого (ок. 330—379), исторические и философские произведения Плутарха (ок. 50— ок. 125 н.э.), "Поэтика" Скалигера (1484—1558), "Прогимнасматы" и "Поэтика" (Poeticarum institutionem libri III) Я. Понтана (1542—1625), поэмы и стихотворения Я. Кохановского (1530—1584) — таков далеко не полный перечень произведений художественной литературы, сочинений по философии, риторике и поэтике, которые прокомментировал и процитировал Феофан Прокопович на страницах "De arte poetica", "De arte rhetorica".

Феофан Прокопович создает свою стилистическую теорию на основе философии рационализма. Сочинения Р. Декарта (1596—1650) и Ф. Бэкона (1561—1625) как основателей картезианства ему хорошо известны и на них он постоянно ссылается[5].

Слова К. Маркса, сказанные о Ф. Бэконе, что для Ф. Бэкона "...наука есть *опытная наука* и состоит в применении *рационального метода* к чувственным данным"[6], могут в полной мере быть отнесены к Феофану Прокоповичу. Разум, понимаемый Феофаном Прокоповичем в картезианском смысле как категория вечная и неизменная, определяет все основные принципы стилистической теории ученого. Человеческий разум является незыблемым авторитетом для ученого. Категория чистого разума и абстрагирование дают возможность, по его мнению, отде-

---

[4] *Сивокінь Г.М.* Давні українські поетики. Харків, 1960; *Соколов А.Н.* О "Поэтике" Феофана Прокоповича // Проблемы современной филологии. Сборник статей к семидесятилетию академика В.В. Виноградова. М., 1965; *Лужный Р.* "Поэтика" Феофана Прокоповича и теория поэзии в Киево-Могилянской академии (первая половина XVIII века) // XVIII век. М.; Л., 1966. Вып. 7; *Білодід І.К.* Київо-Могилянська академія і розвиток східнословянских літературных мов у XVII—XVIII ст. // VII Міжнародний з'їзд славістів. Київ, 1973.

[5] См., например: *Ничик В.М.* Феофан Прокопович. М., 1977. С. 25, 47, 63.

[6] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 142.

лить случайное от необходимого, частное и несущественное от важного и существенного, выявить идеал прекрасного, идеал стиля, хотя Феофан Прокопович придает большое значение опыту.

Высшей ступенью познания, где разум полностью вступает в свои права, Феофан Прокопович считает "суждение". Он рассматривает суждение как результат познания предметов и явлений. "Истинность, — пишет он, — есть согласие суждения со своим предметом; ложность же есть несогласие с предметом"[7]. Феофан Прокопович требует соответствия мнений "повседневным экспериментам". Из соединения суждения и эксперимента рождается понятие творческой деятельности личности или человеческого коллектива. Первопричиной всех творений природы, куда входит понятие творческой деятельности личности или человеческого коллектива, Феофан Прокопович объявляет божественное провидение.

Все, что создается в результате интеллектуальной и иной деятельности людей, — в сфере ремесел и в различных практических занятиях, в архитектуре, в "свободных художествах", в литературе, живописи и т.п., писал ученый, — все должно обладать эстетическим эффектом, который создается взаимодействием формы и содержания, все развивается от простых к высшим формам. Природа является мерою того, что творится умом и руками людей, а творческая деятельность следует природе вещей.

"Риторика" Феофана Прокоповича состоит из 10-ти разделов, которые он называет "книжками". В них рассматривается общая теория словесности, ее ораторские и прозаические жанры и их языковые средства. Открывается книга определением риторики. Ученый называет ее "царицей художеств". Приведя мнения Аристотеля, Платона, Цицерона, Квинтилиана о риторике, Феофан Прокопович делает вывод, что главное назначение ее — это выработка умения правильно и хорошо говорить и писать, создавать речевые произведения, в которых бы выражалось содержание большого общественного звучания, убеждать своих читателей и слушателей в истинности сообщенного.

Феофан Прокопович подробно говорит о назначении текста в коммуникативных ситуациях (officium: movere, delectare, probare, persuadere), характеризует коммуникативный акт по месту, времени, по статусу участников, описывает предмет речи. "Риторика" Феофана Прокоповича представляет собой нормативное руководство. Нормативные правила предусматривают прямую связь между назначением текста, характеристиками коммуникативного акта и предметом речи, с одной стороны, и риторическими средствами — с другой. Нормативные правила, как полагает автор, обладают универсальной значимостью. Реализуя их, всякий пишущий или говорящий создает произведение литературы, в котором воссоздается модель определенной культуры. Риторическая речь противопоставляется повседневной речи. Границы между ними указывают на различие культуры и быта как явления не-культуры.[8]

---

[7] См.: *Самарин Ю.Ф.* Соч. М., 1880, Т. V. С. 86.

[8] См. рецензию В.М. Живова на это издание: Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1985. Т. 44. Вып. 5. С. 274—278.

Далее он пишет о том, какими качествами должен обладать хороший оратор и писатель, рассматривает природу и назначение трех стилей литературного языка — высокого, среднего и низкого, говорит о подборе доказательств и о теории амплификации, сообщает сведения о композиции произведений исторической прозы и ораторских текстов, их языковом оформлении. Завершается книга разделами о "возбуждении страстей" у оратора и у слушателей, о видах и типах публичных речей (судебный род речи, похвальный род речи и т.п.), о памяти оратора и произнесении речей.

"Поэтика" Феофана Прокоповича состоит из 3-х книг, в которых рассматривается теория поэтической речи, жанры и языковые средства поэзии. В 1-й книге ученый излагает сведения о происхождении поэтического искусства, определяет природу, предмет и назначение поэзии в обществе. Драматическая и эпическая поэзия, особенности композиции драматических и эпических произведений, природа поэтического вымысла, вопросы украшения стиля и амплификация — вот основные вопросы, которые он ставит и решает во 2-й книге "Поэтики". 3-я книга посвящена рассмотрению буколической, сатирической, элегической, лирической и эпиграмматической поэзии, ее жанрам и языковым средствам.

Основное содержание стилистической теории Феофана Прокоповича, изложенное им в "Риторике" и в "Поэтике", составляет учение о литературном языке, о подражании как эстетической категории, о стилях литературной речи, о функционально-жанровых разновидностях, об экспрессивной окраске выразительных средств, о проблеме выбора слова.

УЧЕНИЕ О ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В старой филологии, существовавщей до возникновения сравнительно-исторического взгляда на язык, считали, что общенародный язык изменяется, а литературный язык не изменяется. "Поэтому филологи средневековья, Возрождения и позже тщательно изучали именно литературный язык и его нормы. Литературный язык представлялся категорией постоянной, категорией вневременной и все силы филологов направлялись к нему: он тщательно описывался, анализировался, оценивался. Таковы, в частности, почти все трактаты о языке в европейских странах XIV—XVIII вв., начиная от сочинения Данте "О народном красноречии" и кончая эпохой, непосредственно предшествовавшей открытию сравнительно-исторического метода"[9].

Отношение Феофана Прокоповича к понятию литературный язык было достаточно сложным. Его родным языком был украинский, писал он попреимуществу на книжнославянском языке киевской и московской редакции и на латинском. В начальный период своей деятельности он писал свои произведения на книжнославянском языке киевской редакции. С переездом в Москву и в Петербург тип книжнославянского языка, которым пользовался Феофан Прокопович, сменился. Отражения родной речи весьма ощутимы во всем творчестве Феофана

[9] *Будагов Р.А.* Литературные языки и языковые стили. М., 1967. С. 23—26.

Прокоповича. Особенно многочисленны украинизмы в произведениях начального, киевского периода творчества[10].

Все свои научные сочинения он пишет на книжнославянском языке московской редакции и на латинском языке. На латинском языке написаны "Риторика" и "Поэтика", созданы сочинения по философии, логике, математике и теологии. Сказывается сила и жизненность традиций Возрождения: латынь была языком науки и рассматривалась как средство выражения "высоких мыслей".

Для теории Феофана Прокоповича характерен культ древних литературных языков, на которые должны равняться новые литературные языки. Отсюда проистекает нормативный характер лингвистических и стилистических рекомендаций его теории. Так как языки, по мнению Феофана Прокоповича, различаются лишь формами, конструкциями и звуками, а общее логическое содержание у них едино, то следует описать грамматические особенности языков, естественные основы искусства речи, принципы, общие всем языкам.

Эти принципы универсального изучения языков Феофан Прокопович заимствует у французских грамматистов Антуана Арно и Клода Лансло из их совместной книги "Всеобщая и рациональная грамматика", которая по месту своего написания в аббатстве Пор-Рояль в 1660 г. получила название "Грамматика Пор-Рояль". Принципы этой грамматики легли в основу академического нормирования всех национальных литературных языков Европы.

До опубликования исследования Антуана Арно и Клода Лансло "каждое учение о речи ведало как бы своей областью речи. Общее искусство — грамматика ведала всеми литературными текстами, но только в области употребления словаря, а частные искусства — поэтика, риторика и логика — занимались каждая своей сферой речи — поэтической, прозаической, ученой (диалектической), — но на уровне построения ценных произведений. Все искусства речи, общие и частные, стали согласованными между собой, стали исходить из одного принципа передачи мысли с помощью слова. Соответственно этому любые речевые произведения стали как бы предметом совокупного применения всех искусств речи. Сама речь приобрела единую направленность в стиле и в смысле"[11].

---

[10] Следует отметить, что произведения Феофана Прокоповича киевского периода, напечатанные в Москве, отличаются языковой правкой типографии — в них устранено большинство украинизмов. При выявлении украинизмов в языке произведений Прокоповича это обстоятельство следует учитывать, так как ряд его произведений имеет две редакции: киевскую и московскую. Например, "Панегирикос, или Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе", напечатанный в Киеве в 1709 г. в июле месяце под наблюдением Феофана Прокоповича, отличается от московского издания, вышедшего в свет в декабре того же года. Показательно также и то, что, печатая позднее "на российском языке" "Феофана Прокоповича ... слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные" (СПб., 1760—1765, Ч. 1—3), редактор С.Ф. Наковальнин и его сотрудники устранили целый ряд украинизмов: зменника — изменника (Ч. 1. С. 28), до того — к томуж (Ч. 1. С. 103), до дому — в дом (Ч. 1. С. 104), обыклое — обыкновенное (Ч. 1. С. 105), майстера — мастера (Ч. 2, С. 18), познаваймо же и исповедуймо — познаим же и исповедуим (Ч. 2. С. 91) и т.д. (См.: "Предисловие" И.П. Еремина к "Сочинениям" Ф. Прокоповича. С. 5).

[11] *Рождественский Ю.В.* Введение в общую филологию. М., 1979. С. 191.

Эти принципы Феофан Прокопович применяет в своей стилистической теории.

Литературным языком, на котором он писал свои художественные произведения, проповеди, "слова", а отчасти богословские трактаты и сочинения по юриспруденции, был церковнославянский язык.

Как крупный иерарх православной церкви, он был убежден в том, что книжнославянский язык московской редакции сохраняет из всех славянских литературных языков наибольшую близость к старославянскому первых переводов с греческого. Но со становлением новых литературных языков у славянских народов церковнославянский язык все больше отдаляется от народной речи. Поэтому необходимо, по мнению Феофана Прокоповича, приспособить его к изменившимся потребностям языковой ситуации, так как он непонятен "для необыклых". В результате такого приспособления должен быть создан такой литературный язык, который, с одной стороны, нужно тесно связать с предшествующей книжнописьменной традицией; а с другой, в его основе должна лежать живая народная речь. В связи со сказанным представляется интересной полемика Феофана Прокоповича с иезуитами в своем трактате, напечатанном в Кенигсберге в 1712–1716 гг., а позже в Москве под названием: "Christianne orthodoxae theologie in Academia Kiowiensi a Theophanae Prokopowicz... adornatae et propositae (vol. 1—5, Regiomonti 1773—1775; vol. 6—7, Mosq. 1776)", об использовании живой народной речи в культовом обиходе. В сочинении с позиций церковной реформации Феофан Прокопович критикует мнение иезуита Белармина, считавшего, что в богослужении нельзя заменить латинский язык народной речью. "Беллармин, — пишет он, — уверяет, что величие богослужения несовместимо с простонародным языком. Спрашивается: какое же это величие читать св. писание так, что никто его не понимает? Какое величие говорить о священных предметах так, что простой человек может подумать, что мы бранимся? Величие, скорее, требует полного молчания, потому что, вероятно, католические священнослужители и перешептываются друг с другом, а к народу обращаются с одними только жестами. Зачем, почему же латинский язык имеет в себе более величия, чем другие? Разве потому, что народ его не понимает? тогда еще величественнее будет язык турецкий"[12].

Вместе с Гавриилом Бужинским он переносит на русскую языковую почву украинский и белорусский опыт создания "простой мовы" — литературного языка юго-западной Руси XVI—XVII вв., возникновение которой было связано "с необходимостью перевода священного писания на доступный для народа язык (в этом проявилось влияние идей церковной реформации, проникших в середине XVI в. из Западной Европы в Литву и Польшу, куда входили и захваченные этими государствами украинские и белорусские земли"[13]. Популярный тип литературного языка юго-западной Руси украинские и белорусские

---

[12] *Морозов П.* Прокопович как писатель. СПб., 1880. С. 139.

[13] *Плющ П.П.* Русская "простая мова" на Украине в XVI—XVIII веках // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 221.

писатели называли "русскою мовою", "речью русскою", "простой мовою", "российским языком" или "языком русским", противопоставляя его литовскому и польскому, а также традиционному церковнославянскому языку.

Правда, и Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский используют юго-западный опыт только в сфере учебной литературы того времени, которая по традиции наряду с начальными сведениями о русской азбуке содержала и толкование текстов священного писания, так как проблемы перевода конфессиональных канонических текстов с книжнославянского языка московской редакции на новый русский литературный язык не существовало.

В 1720 г. Феофан Прокопович выпускает в свет свой букварь, носящий название "Первое учение отроком". В "Предисловии" он пишет, что "в России были и раньше книжицы с толкованием, но понеже славенским высоким диалектом, а не просторечием написаны, да и не учено книжицам тым отроков, того ради лишалися доселе отроцы подобающаго воспитания"[14].

В 1723 г. Гавриил Бужинский печатает "Последование о исповедании" — книжку, предназначенную для обучения низшего духовенства. Как отмечается в самом конце этого руководства, "сие написалось просторечно, дабы самое скудоумнейшее лицо могло выразуметь"[15].

П.И. Житецкий был прав, когда заметил, что в языке "Первого учения" "гораздо более словенского диалекта, чем просторечия", и что Феофан Прокопович и Гавриил Бужинский "просторечием" называют "не простонародную, а ту смешанную речь, только с меньшим количеством славянизмов, без которых, впрочем, оба они не могли обойтись в изъяснении такого важного предмета, как основные истины православной веры"[16].

Феофан Прокопович производит большие изменения в содержании и в языке церковной проповеди. Он создает новый жанр "слово" — проповедь, посвященную темам гражданским и написанную "обмирщенным славенским языком" по горячим следам политических событий современности.

"На основе церковной ораторской прозы, — справедливо пишет К.В. Пигарев, — образцы которой были выработаны в украино-белорусских духовных училищах второй половины XVII в., расцветает политическое красноречие, ярчайшие примеры которого мы находим в творчестве одного из ближайших соратников Петра I — Феофана Прокоповича. Произнесенные с амвона и внешне отмеченные некоторыми специфическими чертами проповеди "слова" Феофана были по существу полны чисто гражданским содержанием"[17].

---

[14] См.: Описание изданий, напечатанных кириллицей (1689—январь 1725 г.) / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. Редакция и вступит. статья П.Н. Беркова. М.; Л., 1958. С. 260.

[15] См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература при Петре Великом. СПб. Т. 2. С. 592.

[16] *Житецкий П.И.* К истории литературной русской речи в XVIII в. // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 2. С. 23.

[17] *Пигарев К.В.* Русская литература и изобразительное искусство (XVIII первая четверть XIX века). Очерки. М., 1966. С. 50.

Феофан Прокопович пишет трагедокомедию "Владимир" и включает в речь своих героев большое количество простонародных слов и выражений и пародически употребленных славянизмов.

ПОДРАЖАНИЕ КАК ЭСТЕТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Учение о подражании является такой эстетической категорией, с помощью которой Феофан Прокопович определяет понятие стиля в разных его значениях. Опираясь на учение Аристотеля об искусстве как учение о подражании бытию вещей (идеи, считает Аристотель, находятся в самих вещах, и потому только вещам можно подражать), он широко применяет эту эстетическую категорию в своей стилистической теории[18]. Понятие подражания он употребляет в разных его значениях. Прежде всего, ученый использует этот термин с той же семантикой, что и Аристотель 'отражение предмета, его воспроизведение в искусстве слова'. Уравнивая понятия подражания и художественного вымысла, Феофан Прокопович придает слову подражание новый смысл, вытекающий из природы поэзии как искусства слова. "Подражание, — пишет он, — является душой поэзии" (с. 347)[19]. А.Н. Соколов справедливо отмечает, что концепцию поэтического вымысла Феофана Прокоповича "нельзя не оценить как зародыш, из которого с течением времени выросло учение о поэзии и искусстве вообще как специфической форме отражения действительности, учение о художественном образе"[20].

Учение о подражании у Феофана Прокоповича определяет не только сущность искусства слова вообще, но и сущность различных видов искусства слова: поэзии, истории, т.е. жанров исторических и философских сочинений, которые по давней традиции рассматривались одновременно с литературно-художественными жанрами, "диалогизмов" — жанров художественной прозы. Все эти разновидности искусства слова отличаются друг от друга своим стилем в зависимости от того, в каких жанровых формах совершается подражание, что является объектом подражания и каким способом подражают. Таким образом Феофан Прокопович формулирует понятие стиля рода искусства слова.

Термин "подражание" ученый употребляет и в другом значении — 'следование образцам, использование стилистического опыта образцовых писателей'. Подобная семантика сказывается на осмыслении термина "стиль". Слово *стиль* получает у него значение 'литературно обработанная речь'. Эта семантика слова *стиль* вытекает из сущности учения о подражании. Можно, утверждает ученый, создать литературно-художественное произведение только в результате большого

---

[18] Развитие и формирование категории подражания в истории эстетической мысли см.: *Лосев А.Ф., Шестаков В.П.* История эстетических категорий. М., 1965.С. 204–237.

[19] Ссылки на "Поэтику" Феофана Прокоповича даются с указанием страниц в скобках по изданию: *Прокопович Феофан.* Сочинения; ссылки на "Риторику" даются в русском переводе с указанием буквы Р и страниц в скобках по изданию: *Прокопович Феофан.* Філософські твори. Т. I.

[20] *Соколов А.Н.* О "Поэтике" Феофана Прокоповича. С. 446.

труда, с помощью разнообразных упражнений, в следовании стилистическим образцам, достойным подражания.

Подражание — это метод освоения лучших образцов предшествующей литературы с целью создать свою собственную вариацию излюбленной темы, образа и т.п. При таком понимании подражание — это "прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту. Ведь следует знать, что недостаточно уменья и одного лишь упражнения — и даже того и другого — чтобы стать выдающимся поэтом, если у нас не будет руководителей, т.е. отличных и прославленных в поэтическом искусстве авторов, идя по стопам которых, мы достигнем одинаковой с ними цели" (с. 381).

Итак, подражание — важнейшая эстетическая категория, свойственная литературе того времени. Разрабатывая эстетические принципы подражания, Феофан Прокопович в то же время борется с слепой подражательностью, называя ее плагиатом и противопоставляя ее серьезному подражанию.

"Надо знать, — пишет он, — что серьезное подражание состоит не в том, чтобы развить что-нибудь совершенно одинаковым способом с Виргилием или переносить его повествование, вымыслы или что-либо иное в наше произведение. Ведь поступать так — означает или писать пародию, или, при чрезмерном заимствовании, совершать плагиат. Такие приемы допустимы только для упражнения в подражании, чтобы таким путем мы были в состоянии усвоить стиль, которому подражаем.

Подражание, следовательно, заключается в каком-то совпадении нашего мышления с мышлением какого-либо образцового автора, так что хотя бы мы и ничего не брали у него и не переносили в наше сочинение, однако оно казалось бы словно его произведением, а не нашим: до такой степени может быть похожим стиль!" (с. 383—384).

Ср. также другие формулировки: "Назначение этого упражнения не в чем ином, как только в том, чтобы выдумывать правдоподобные речи, радостные или печальные, подлинного или вымышленного лица. Таким образом можно упражнять свой стиль для героической поэмы, а в особенности для трагической" (с. 362). "Это упражнение полезно не только для выработки стиля, но также и для такого способа подражания, посредством которого можно выдать за свои переживания другого писателя" (с.354) и т.п.

УЧЕНИЕ О СТИЛЯХ

В языке, по мнению Феофана Прокоповича, выделяются две противоположные разновидности: речь художественная и речь практическая (повседневная). Это разделение совпадает с двояким разделением речи на письменную речь и речь устную у Аристотеля и с аналогичным делением речи у Теофраста на речь художественную и практическую[21].

---

[21] См.: Античные теории языка и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. М., 1936. С. 187, 190.

В теории Феофана Прокоповича художественной речи соответствует понятие речи украшенной, практической — понятие неукрашенной. Правда, при этом разграничении участвует, как пишет Феофан Прокопович, еще один элемент — вульгарная речь, но она оказывается за пределами этого противопоставления, так как ей несвойственно понятие нормированности, обработанности, изящности речи. Уровень обработанности практической речи достаточно высок и даже "низкий стиль отличается от вульгарной речи, так как он обладает своей изящностью, хотя и не такой явной. В этом стиле используются литературно обработанные слова" (Р, с. 143)[22].

Существеннейшим признаком украшенной речи является наличие в ней украшенных языковых средств, существеннейшим признаком неукрашенной речи — неукрашенных средств. Различное соотношение украшенных и неукрашенных языковых средств, определяемое предметом изложения, темой повествования, целями и задачами сообщения, создает языковые стили.

Исследовательский прием деления объекта на три части Феофан Прокопович использует на разных уровнях классификационных построений: на уровне предметов изложения, тем повествования, стилей, языковых средств и жанров.

Каждый уровень представляет собою родовое понятие, которое делится на три видовых понятия. Поэтому на уровне предметов изложения выделяются высокие предметы изложения, средние и низкие, на уровне тем повествования вычленяются высокие, средние и низкие темы повествования и т.п. Благодаря такому членению, например, высоким предметам изложения соответствуют высокие темы повествования, определенный тип литературной речи, в данном случае высокий, прикрепляются высокие жанры и соответствующие языковые средства.

Как известно, успех всякой классификации зависит от того, какие принципы выбраны в качестве основ деления, на которых должна строиться эта классификация. Поэтому важно брать не случайные, а существенные признаки, не производные, а определяющие, от которых зависят другие признаки. Что касается таких признаков, как предмет изложения, тема повествования, стиль, жанр, то они были выбраны Феофаном Прокоповичем правильно. Правильно было учтено в классификации и соотношение определяющих и производных признаков: сначала идут определяющие признаки, а затем определяемые.

Но если говорить о таком признаке, как языковые средства, о том содержании, которое вкладывалось в это понятие Феофаном Прокоповичем, то совершенно очевидно, что ученый осмыслил это понятие ошибочно. В качестве признака, который должен делиться трихотомическим путем, используется признак, который способен делиться только дихотомически. Для этой цели Феофан Прокопович использовал понятие украшенных и неукрашенных средств, которые не дают возможности выделить некую среднюю сущность, находящуюся на границе между этими понятиями.

---

[22] См. также: *Вомперский В.П.* Стилистическое учение М.В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970. Приложение 3. С. 197.

В таком понимании природы стиля сказалась сила предшествующей филологической традиции, которой следовал Феофан Прокопович. Все античные и западноевропейские риторики и поэтики поступали подобным образом: в качестве делимого понятия на уровне языковых средств они использовали антиномию украшенных и неукрашенных средств. Но в риториках и поэтиках, естественно, не указывалось такого ингредиенда, который бы нейтрализовал противопоставленность украшенных и неукрашенных средств и обладал своими присущими только ему качествами и свойствами. Поэтому единственный выход из этого положения, который предлагал ученый — разумная мера, правильное соотношение украшенных и неукрашенных средств. Но в произведениях, относящихся к среднему стилю, достичь этого было трудно, часто и просто невозможно.

Важно отметить также, что Феофан Прокопович использовал в качестве признаков (основ деления) классификации языковых стилей понятия производные, а не определяющие. В своей классификации он применил понятия, вытекающие из природы ораторской и поэтической речи, а не из сферы языковых стилей. Иными словами, с помощью понятий украшенной и неукрашенной речи нельзя было раскрыть содержание и охарактеризовать ведущие признаки такой сложной и многоаспектной единицы языка, какой являлось понятие языкового стиля формирующейся национальной литературной речи.

В сочинениях Феофана Прокоповича слово *стиль* обладает большой многозначностью. Он применяет этот термин для характеристики формирующихся разновидностей национальной литературной речи. Эти разновидности или типы литературной речи он называет стилями. Среди языковых стилей он выделяет высокий (stylus sublimis), средний (stylus medius) и низкий (stylus infimus) стили.

Высокий стиль Феофан Прокопович называет "серьезным и возвышенным родом письма" (gravi et sublimi genere scribendi) (с. 434, 315). Предметами описания в высоком стиле являются "вещи очень значительные", — пишет ученый. К числу их относятся "или чудесные, бессмертные деяния богов, или дела человеческие, но достойные удивления или вызывающие боль, сожаление, негодование, как, например, доблесть героев, суровость законов, мудрость поступков и речей, гибель государств, превратности судьбы, печальный исход событий, наконец, все самое примечательное и выдающееся в своем роде" (Р, с. 143—144).

Предмет изложения, цели и задачи сообщения определяют состав языковых средств высокого стиля. В высоком стиле ведущее место занимают украшенные средства. К украшенным средствам Феофан Прокопович относит словесные фигуры (понимая под ними также и тропы) и смысловые фигуры. Среди словесных фигур главные — метафора, синекдоха, метонимия, антономасия, металепсис, повторение, удвоение, многосоюзие и присоединение[23]. Из фигур же смыс-

[23] Антономасия — букв. 'переименование' —вид метонимии, поэтический троп, заключающийся в замене имени известного лица названием предмета, к нему относящегося или в употреблении собственного имени, ставшего нарицательным (*Квятковский А.* Поэтический словарь. М., 1966. С. 44).

ловых — аллегория, перифраза, гипербола, апострофа, этопея, гипотипоза, олицетворение, парентеза и эпифонема[24].

"Эти последние, — пишет он, — употребляются в особенности, когда поэт говорит от своего лица, а когда он выводит других лиц беседующими, то в их речи имеют место вообще фигуры, но главным образом допущение, пропуск, вопрос, апострофа, ирония, разграничение, желание, проклятие, восклицание, эмфаза, умолчание. Ведь они особенно подходят для выражения чувств; лица же, говорящие в поэме, обычно высказывают свои мысли под влиянием чувств" (с. 410)[25].

Среди языковых средств высокого стиля большое место занимают приемы, основанные на употреблении грамматических форм (с. 414—415).

Гипотипоза и краткое повествование почти всегда начинаются с применения глагола *быть* — *бывать* в разных временных формах: *есмь, есть, бывал, был* (sum, est, erat, fuit). Для иллюстрации Феофан Прокопович приводит пример из "Метаморфоз" Овидия: "Близ Киммерийцев есть свод и длинный есть ход из пещеры" (XI, 593).

Неожиданное событие предлагается вводить в текст с помощью частиц *вот* или *се* (*ecce*): "Се — мы зрим: с расплетенной косой. Приамейеву деву Тащат" (Виргилий "Энеида", II, 403).

На необычность, неожиданность, огромность, величину чего-нибудь указывает наречие *тогда* (tum vero), которое Феофан Прокопович называет частицей: "Тогда показалось мне, что весь в огне расседался Илий" (Виргилий "Энеида", II, 624).

Наречия *трижды* и *четырежды* (ter et quater), которые также называются частицами, повторенные дважды, "рассказывают о каком-либо предзнаменовании, чудесном явлении или при напрасной попытке что-либо совершить" (с. 414). Примеры, также из "Энеиды": "Четырежды конь упирался на самом пороге врат, и четырежды звон издавали брони в утробе" (II, 242); "Трижды пытался он там обвить свои руки вкруг выи, Трижды, объятый напрасно, из рук выскальзывал образ" (VI, 700).

Краткие повествования начинаются с глагола в имперфекте или плюсквамперфекте.

Эпос, героическая поэма, трагедия, различные виды ораторской речи, конклюзия — вот важнейшие жанры, относящиеся к высокому стилю, в которых могут быть воплощены "вещи очень значительные". Особого разъяснения требует термин "конклюзия". Под конклюзиями

---

[24] Апострофа — букв. 'отклонение в сторону' — фигура, заключающаяся в том, что автор обращается к лицу отсутствующему, как к присутствующему; или к умершему, как к живому; или к неодушевленному предмету, как к одушевленному (*Там же*. С. 45—46). Этопея. Назначение этой фигуры заключается в том, чтобы "выдумывать правдоподобные речи, радостные или печальные, подлинного или вымышленного лица" (с. 362). Гипотипоза — букв. 'образец, пример, приводимый оратором'. Эпифонема — букв. 'восклицание, когда оратор, говоря о чем-нибудь важном, возвышает голос'.

[25] Эмфаза — букв. 'указание, выразительность' — эмоциональное, взволнованное построение ораторской и лирической речи; эмфатическая речь сопровождается соответствующими интонационными приемами (*Квятковский А*. Указ. соч. С. 352).

в XVII—XVIII вв. понимали особый жанр высокой прозы, в котором излагалась программа научных диспутов.

В академиях разных стран в Болонье, Милане, Вильне, Киеве и Москве (такова была общеевропейская традиция высшего образования) окончание курса обучения сопровождалось публичным диспутом, где демонстрировались не только знания, но и умение их показать. Диспуты проходили чрезвычайно пышно. Кроме диспутов на философскую тему, они включали в себя драматические представления, хоровое пение, декламацию стихов.

Подготовка к диспуту сопровождалась изданием программ — своего рода авторефератов диссертаций. Эти программы гравировали как плакаты, вывешивали на стене или раздавали знатным особам. В их композицию входили основные положения диспута — "установления" или "conclusiones", сообщались имена участников диспута. Диспуты посвящались какому-нибудь важному лицу или историческому событию. Такие конклюзии были богато украшены изображениями исторических и библейских лиц, эмблемами, небесными и земными сферами, архитектурным пейзажем в стиле барокко, орнаментом. В конклюзии связь слова и изображения, литературы и искусства была органичной. Похвальное слово и гравюра служили одной цели, дополняя и поясняя друг друга[26].

Применительно к жанрам ораторского искусства Феофан Прокопович расширяет понятие украшенных средств, включающих в себя фонические и интонационные приемы в речи автора, которые усиливают воздействие на слушателей. "Это такой род речи, — пишет он в "Риторике" о высоком стиле, — в котором если и употребляются величественные амплификации[27], высокие размышления, значительные суждения, сильные и неоспоримые аргументы, веские, звучные слова, перифразы, слишком длинные и часто многословные, или паузы, делаемые как будто от волнения, метафоры и аллегории, не вульгарные и обусловленные важностью предмета повествования, сильная аффектация, слишком подчеркнутое выражение удивления, сожаления, боли и т.д., наконец, многочисленные фигуры речи, наиболее ярко передающие страстность ее, — то всё это в высшей степени служит для возбуждения духа слушателей" (Р, с. 143).

Средний стиль характеризуется как промежуточная ступень между высоким и низким стилями. Своих индивидуальных качеств он не имеет, а все его свойства раскрываются относительно высокого и низкого стилей, в сравнении с ними. Поэтому все уровни постро-

---

[26] См.: *Алексеева М.А.* Жанр конклюзий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. // Русское искусство барокко: Материалы и исследования. М., 1977. С. 7—29.

[27] В "Поэтике" понятие амплификации Феофан Прокопович формулирует следующим образом: "Всякая амплификация основывается преимущественно на добавочных свойствах. Свойства же эти надо собирать, очевидно, так, чтобы они усилили задание. Таким образом, получится, что предмет, который не велик, или кажется таким, тотчас представляется громадным, подобно тому как маленький поток от слияния воедино ручейков вырастает в огромную реку" (с. 376). Ученый выделяет три разновидности амплификации: приращение, сравнение и нагромождение (см. об этом с. 416—419 "Поэтики").

ений, расположенные в середине трихотомической классификации, характеризуются в сравнении с ее полярными понятиями.

"Средним стилем, — пишет Феофан Прокопович, — излагаются вещи средние. Они приятные и отнюдь не печальные, но менее значительные, чем все то, о чем мы сказали применительно к высокому стилю. Такими являются, например, визиты гостей, знаки внимания, выражение радости по поводу наград, побед, описание триумфов и других приятных событий, а также похвальные речи знаменитым людям, если среди их добродетелей и заслуг не окажется чего-либо более достойного удивления, что можно излагать высоким стилем" (Р, с. 144).

Так как средний стиль не располагает индивидуальными признаками, то языковые средства его бывают двух разновидностей. Во-первых, для среднего стиля наиболее типичны языковые средства смешанного характера. Меньшая часть их заимствуется из низкого стиля, большая — из высокого стиля, потому что по своим функциям и по составу языковых средств, как утверждает Феофан Прокопович, средний стиль ближе тяготеет к высокому стилю, чем к стилю низкому. Во-вторых, прямая зависимость между предметами изложения, темами повествования и стилем сказывается и на характере языковых средств среднего стиля. В языковые средства этого стиля, по мысли Феофана Прокоповича, включаются те слова и фигуры речи, которые обладают прямой соотносительностью с реалиями и понятиями среднего уровня трихотомической классификации.

"Средним стилем, — замечает Феофан Прокопович, — описываются исторические события, и в этих случаях слова и приемы среднего стиля перемешиваются со словами и приемами высокого стиля, так как в жизни исключительное соседствует с обыкновенным" (Р, с. 144). "Этот род речи (средний стиль. — *В.В.*) не должен быть ни высоким, ни низким, а потому в нем будут встречаться не слишком утонченные суждения, слова приятные, изящные, метафоры частные, но неназойливые и обусловленные соответствующим предметом речи" (Р, с. 145).

К среднему стилю Феофан Прокопович прикрепляет прозаические жанры и жанры стихотворные. Давняя традиция относила исторические и философские сочинения к прозе, а поэтому среди прозаических жанров находятся жанры исторического повествования и философского рассуждения. В этот же стиль включаются жанры ораторской прозы. "Средний стиль, — пишет он, — встречается почти у всех авторов хвалебных речей, как, например, у Цицерона в речи в защиту Марцелла, а также в речи о Манлийском законе и т.д., и у историков в повествованиях о необыкновенных событиях" (Р, с. 145).

Стихотворные лирические жанры (элегия, эклога, ода, дифирамбическая и эпиграмматическая поэзия и т.п.) относятся к среднему стилю.

В элегии, пишет Феофан Прокопович, "стиль большей частью должен быть средним между возвышенным и низким; слова должны быть ясными и метафоры естественными, мысли же не должны быть

раздуты многословием, но выражены в немногих словах, перифраза — проще и не напоказ. Это соответствует природе: ведь люди, под влиянием сильного переживания, в особенности когда оно вызвано событием печальным, не ищут словесных прикрас или чрезмерно отделанной, украшенной речи с неумеренной вычурностью" (с. 424—425).

В качестве образца жанра элегии и ее языковых средств он приводит собственный перевод из Овидия, сделанный на "славянский язык". Это несколько стихов из седьмой элегии, вошедшей в цикл "Скорбных элегий":

Ко первому отъ моря рѣки пойдут току;
Но и солнце возвратитъ бѣгъ свой ко востоку:
На земли узрим звѣзды; горѣ плуг ходящий:
Вода огнь, а огнь воду источит горящий.
Вся законам естества причинят тревогу,
Ни едина тварь свою удержит дорогу,
Вся собудутся, яже удобия мѣру
Превосходят и нужно всему дати вѣру.
Сих аз чаю, ибо той плетет на мя сѣти
В нем же чаях прискорьный страду имѣти
(Кн. I. С. 494).

В эклоге, отмечает ученый, "следует избегать всяких блестящих слов или мыслей, торжественности и периодов, так как это противоречит скромной обстановке" (с. 438).

"Низкий (infimus) стиль", "простой (familiaris) стиль" вот два основных термина, которыми называет Феофан Прокопович последний, языковой стиль в своей теории. Эти выражения не несут в себе ничего осуждающего или предосудительного. Ср., например: "Комедию следует писать в простом, деревенском, простонародном стиле, соответственно тому, какие в ней действующие лица" ("Comoedia stylo simplici, rustico, plebejo, quales habet actores, scribi debet") (с. 434, 315). Пейоративное значение слова *низкий, простой* получили позднее, в последней четверти XVIII в.

В сочинениях Феофана Прокоповича ведущим является термин "низкий стиль", так как он точнее отражает сущность трихотомического деления понятия речи.

Низкий стиль соотносится с "предметами обыкновенными, невыдающимися, незначительными". "Низкий стиль удобен для изложения вещей незначительных, — пишет он, — когда речь идет о сельских работах, о семейных делах, когда мы любезно обращаемся в письменной форме к друзьям, когда что-нибудь познаем, объясняем, высказываем, шутим и т.д." (Р, с. 144).

Среди языковых средств низкого стиля следует прежде всего отметить неукрашенные средства, хотя они не являются единственной категорией изобразительности речи. Метафоры не свойственны низкому стилю, но те, которые употребляются в нем, должны быть, как говорит Феофан Прокопович, "более обыденными". Уровень нормированности низкого стиля достаточно высок даже по сравнению с повседневной речью, так как "в этом стиле используются литературно

обработанные слова, которые употребляются по большей части в своем прямом значении" (Р, с. 144).

Наиболее распространенными жанрами низкого стиля являются письмо, диалоги, комедия. В силу давней традиции для стилистической теории Феофана Прокоповича письмо не является только жанром обиходной переписки. Оно уже давно (с III в. до н.э.)[28] превратилось в жанр художественной прозы и как литературно-художественный жанр оценивается Феофаном Прокоповичем в трактатах по риторике и поэтике. Он разрабатывает в своей "Риторике" правила построения писем и сообщает наиболее характерные их жанровые приметы. Для него письмо представляет собою удобную форму, в которую укладывается содержание трактата, посвященного разнообразной естественнонаучной проблематике. Феофан Прокопович пишет: "Примеры низкого стиля есть во всех трактатах, какие только написали различные авторы о разных ремеслах, как, например, Варрон и Колумелла о сельском хозяйстве, Витрувий об архитектуре, Вайеций о военном деле" (Р, с. 145).

Особый жанр низкого стиля представляют собою диалоги. Это жанр прозаической речи, в которой "диалогисты" воспроизводят, как говорит ученый, "человеческие действия и художественно изъясняют их для назидания в жизни" (с. 347). Феофан Прокопович находит образцовые диалоги о старости, о дружбе, о смерти у Цицерона.

Большое место у Феофана Прокоповича занимает характеристика стилей литературной речи по их экспрессивным качествам. Высокий стиль получает у него оценку торжественного, возвышенного, величественного, пышного (grandis, gravis, sublimis, magnificus), средний стиль — умеренного, цветистого, спокойного, размеренного (mediocris, floridus, temperatus, alquabilis), низкий стиль — простого, неприкрашенного, привычного (infimus, humilis, familiaris). В эти сочетаниях отражается положительная экспрессивная оценка стиля как целостной речевой организации.

С другой стороны, поиски образцов для подражания приводят к выявлению произведений искусства слова, имеющих какие-либо недостатки или неправильности в стилистической организации речи. Такие произведения он относит к стилю надутому, схоластическому, натянутому, грубому и т.п.[29] Слово *стиль* в сочетании с прилагательными, имеющими пейоративное значение, получает отрицательную экспрессивную коннотацию.

Феофан Прокопович использует слово *стиль* еще и в другом значении, в настоящее время неупотребительном. Это значение связано с предшествующей филологической традицией, которой следует ученый. Семантика слова такова: это речь, построенная с целью ока-

---

[28] Античные теории эпистолярного стиля и обзор эпистолярного наследия древности служат предметом обстоятельного изучения в кн.: Античная эпистолография. Очерки. М., 1967.

[29] См.: *Петров Н.* О словесных науках и литературных занятиях в Киевской академии от начала до ее преобразования в 1819 году // Труды КДА. 1868. Т. I, N 3. С. 481.

зать влияние на слушателей или читателей, подчинить их себе, убедить в истинности сообщенного.

Значение слова *стиль* разъясняется у него с помощью трех латинских глаголов movere, delectare, docere. Глаголу movere соответствует русский эквивалент *возбуждать*, delectare — *восхищать*, docere — *учить*. "Если в предмете описания нет ничего выдающегося в своем роде, — писал Феофан Прокопович, — ты найдешь, что учить необходимо низким стилем, восхищать — средним, возбуждать — высоким" (Р, с. 144).

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА ПРОИЗВЕДЕНИЙ СЛОВЕСНОГО ИСКУССТВА В ПОНИМАНИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Все произведения словесного искусства, по мысли Феофана Прокоповича, обладают стилистическими качествами. Одни из них инвариантны, другие вариантны. Инвариантное стилистическое качество, присущее поэзии, художественной прозе, историческому и философскому повествованию, — ясность. Природа, состав вариантных стилистических качеств меняется и зависит от жанра, структуры произведения искусства слова, от типа речевой организации художественного произведения, прозаическое ли оно или стихотворное. Так, различные виды описаний, кроме ясности (claritas), должны обладать такими стилистическими качествами, как краткость (brevitas) и наглядность предмета (res oculis). Хотя ясность и краткость, как пишет ученый, "с трудом соединимы", однако "надо одинаково заботиться и о том и о другом и писать, хотя и кратко, но так, чтобы от этого не возникало неясности, и так ясно, чтобы в описании не распространяться далее, чем это требуется предметом" (с. 360). И то и другое качество создают новое — наглядность предмета в описании.

Историческое повествование обладает тремя стилистическими качествами: краткостью, ясностью и правдоподобием. Правдоподобие (probabilitas) "делает повествование достойным доверия" (с. 361). Поэт должен выработать в эпосе два стилистических качества ясность и правдоподобие, но он не должен заботиться о таком качестве, как краткость. "Он намеренно подробно распространяется там, где историк может говорить в немногих словах, за исключением более кратких повествований, которые составляют незначительную часть в поэме. Однако и здесь поэт пространнее и более подробен, чем историк" (с. 401).

По мысли Феофана Прокоповича, ведущую роль в выработке барокальной орнаментальности эпоса играют категории амплификации, пафоса и уместности ("пристойного"). Обычно категории амплификации, пафоса и пристойного рассматривались в риториках, Феофан Прокопович расширяет применение этих категорий и переносит их в свою "Поэтику" (см. "De arte rhetorica", кн.II, гл. VIII и кн. V и "О поэтическом искусстве", кн. II, гл. VIII).

Теме, как одной из трех частей эпопеи (в состав ее входят

определение темы, призывание божества и повествование), должно быть свойственно иное соотношение стилистических категорий. Кроме ясности и краткости, определение темы должно быть скромным (modesta). "В определении темы, — пишет ученый, — надо особенно соблюдать скромность; и ничто так не вредит произведению в целом, как напыщенное начало, так как от этого возникает подозрение, что это сделано напоказ, из-за стремления к дешевой славе, и уже от самого вступления (в котором риторы советуют добиваться расположения слушателей) слушатель выносит неблагоприятное впечатление. Поэтому не следует давать длинных перифраз и чрезмерно напыщенных высокопарных слов, по выражению Горация — "длиной в полтора фута", не стоит применять тропы и фигуры, разве что в самых редких случаях" (с. 388).

Большое значение Феофан Прокопович придавал определению и характеристике различий в экспрессивной окраске выразительных средств литературной речи. Как уже говорилось выше, литературная речь представлялась ученому категорией постоянной, вневременной. Поэтому все понятия, все оценки, связанные с экспрессивной окраской выразительных средств латинского и греческого языков, использовались для характеристики произведений литературы, написанных на "славянском и польском наречиях" (Sclavonico idiomate, Polonico idiomate) (ср. с. 245 и 355, 258 и 369 и т.д.). Об этом тождестве он постоянно напоминает в "Риторике" и в "Поэтике".

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА СЛОВА

Экспрессивные качества стиля, которым пишется тот или иной жанр, зависят от свойств слов, фигур, предметов, которые выбираются автором. Поэтому проблема выбора — важнейшая часть стилистической теории Феофана Прокоповича.

По мнению ученого, весь запас слов литературной речи делится на две группы. Во-первых, выделяются слова, которые заключают в себе лишь понятийное наименование соответствующих реалий. Семантика этих слов не отягощена экспрессивными приращениями. Во-вторых, существуют слова экспрессивно окрашенные.

Характер предмета описания определяет выбор слов первой группы, нужных для его изображения. Если предмет высокий, то должны выбираться высокие слова, если предмет средний, то — средние слова и т.д. "Необходимо производить отбор предметов и слов рассматривая важность каждого в отдельности, чтобы не всякое попавшееся слово заняло место", — пишет Феофан Прокопович и продолжает: "... если описывается нечто величественное и поразительное, огромное, то следует подыскивать и слова более звучные. Но если речь будет идти о среднем между самым простым и самым высоким, то равным образом и слова нужно подбирать в таком же роде — не очень звучные и возвышенные, но и не низменные и пустые (с. 350 и 395).

Наличие среди языковых средств жанра только слов первой группы еще не решает всей проблемы выбора, так как стиль выглядит в этом случае одноцветным, однообразным. Выбор и мотивированное

соотношение слов первой и второй группы в сочетании с оправданным употреблением фигур вырабатывает в художественном произведении необходимые стилистические качества. Оно становится произведением искусства.

Так, "трагедия должна быть исполнена душевных движений, значительных мыслей, более звучных, чем обычно слов и истинно царской перифразы" (с. 435). "Стиль элегий должен быть средний или цветистый, слова отобранные, но не слишком напыщены, изречения немногословны, уподобления — кратки, примеры — подобраны в небольшом числе: либо подобные, либо противоположные, фигуры должны встречаться чаще, главным образом такие, что служат для изображения переживаний" (с. 439).

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ОБ ОТНОШЕНИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА К ПОНЯТИЯМ СТИЛЯ ЖАНРА И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ

В трактатах Феофана Прокоповича нет определения понятия стиля жанра в его современном понимании, хотя он оперирует многочисленными и разнообразными жанрами.Он употребляет термин "стиль" по отношению к жанрам только в очень конкретном, а не в общем значении, как это следовало бы делать, если говорить об абстрактном понятии.

Излюбленный способ характеристики стиля жанра у Феофана Прокоповича, если употреблять этот термин, при помощи конструкции имени существительного с предлогом *в* в предложном падеже. Вот типичный образец: "стиль в лирических стихотворениях должен быть сладостным" (stylos in lyricis debet esse suavissimus)[30].

Поэтому для Феофана Прокоповича реально существует лишь стиль языка, приметы которого должны быть в соответственных жанрах постольку, поскольку жанры прикрепляются к определенным языковым стилям.

Отсутствие таких понятий, как индивидуальный стиль и стиль жанра приводит к тому, что термин "стиль" в его недифференцированном употреблении сочетается у ученого с представлением о манере, способе письма, объединяется с понятием письменной речи и т.п.

Ср., например: "Я хочу рекомендовать моим ученикам постоянные упражнения в стиле и навыках писания" (с. 349). "Затем стиль и украшения различны" (с. 431. Здесь говорится о различных функциях украшенной речи и природе стиля в поэтическом и историческом, т.е. прозаическом, повествовании. — *В. В.*). Несовершенное произведение начинающего автора "будет далеко от стиля и оборотов речи поэтов", если ученик не читал их образцовых сочинений (с. 382).

---

[30] Кстати, переводчик Г.А. Стратановский перевел это место, употребив конструкцию "стиль лирических стихотворений" (см. с. 321 и 442), т.е. придал тексту более общую качественную характеристику и лишил выражение свойственной ему конкретности. В конструкции с предлогом *в* последний указывает на словесную композицию, в которой определяется ее качество.

Термин "стиль" не воспринимается еще как индивидуально-авторское понятие. Само упоминание Феофаном Прокоповичем тех или иных авторов указывает на то, что его интересует только стиль вообще, стиль, существующий независимо от авторской индивидуальности, который можно приобрести всякому лишь в результате подражания.

Стилистическая теория Феофана Прокоповича занимает заметное место в истории западноевропейских и отечественных стилистических учений. Взгляды ученого на природу языковых стилей, жанров, на характер экспрессии в разных видах и жанрах искусства слова оказали большое влияние на формирование стилистических вкусов первой половины XVIII в. Все риторики и поэтики XVIII в., созданные учеными Киево-Могилянской и Московской Славяно-греко-латинской академий Митрофаном Довгалевским, Лаврентием Горкой, Порфирием Крайским, Георгием Конисским и другими профессорами, в той или иной мере основаны на филологических трудах Феофана Прокоповича, развивают его стилистические идеи.

По какому пути следует развиваться новой литературе, каким должен быть новый литературный язык, как открыть доступ живой русской речи в сферу государственно-правовых отношений, в литературу, в просвещение и ограничить распространение устаревших элементов "славянской" книжной традиции — все эти вопросы, волновавшие передовое русское общество в конце XVII — начале XVIII в., нашли свое отражение и решение в сочинениях Феофана Прокоповича.

Но дать исчерпывающие ответы на поставленные вопросы Феофану Прокоповичу не удалось.

Существовали объективные причины, которые не могли содействовать решению важнейшей проблемы национально-языкового развития. Это объясняется, во-первых, методологической ограниченностью языкознания того времени, которое не было ни сравнительно-историческим, ни нормативно-описательным, и, во-вторых, состоянием нового литературного языка, который переживал переходный период своего становления.

К.В. Пигарев справедливо пишет: "Читая различные канты — на взятие Шлиссельбурга, на падение Нарвы, на победу под Калишем — или такие образцы панегирического стиля, как "Епиникион, или песнь победную на преславную победу полтавскую" Феофана Прокоповича, невольно ощущаешь несоответствие между косноязычной виршевой поэзией и исключительными по своему историческому значению событиями, на которые она была призвана отозваться. Как бы ни были порою искренни и по-своему даровиты авторы этих произведений, их творческие возможности оставались скованными крайней неупорядоченностью тогдашнего литературного языка и правилами чуждого национальным языковым особенностям силлабического стихосложения"[31].

И, действительно, языковые средства, которыми располагала литературная речь того времени, были несовершенными, состав их отличался текучестью, в них отсутствовала четко выраженная стили-

[31] *Пигарев К.В.* Указ. соч. С. 50.

стическая дифференциация. Наблюдается противоречие между языковой формой и новым содержанием, рожденным самой действительностью, которая находила отражение в литературе Петровской эпохи. Понадобилось время, чтобы передовые люди своего времени — писатели, ученые, общественные деятели — научились устранять это противоречие, но ликвидация его была связана с научной и литературной деятельностью М.В. Ломоносова и его современников.

Глава 13

ПЕТЕРБУРГСКАЯ "РИТОРИКА" НАЧАЛА XVIII в. ГЕОРГИЯ ДАНИИЛОВСКОГО (до 1720 г.)

В 1710 г. в Санкт-Петербурге по распоряжению Петра I в воспоминание побед Александра Невского над шведами в 1240 г. закладывается Александро-Невский монастырь, а в 1721 г. в нем учреждается школа, в которой молодых людей начали обучать грамоте, грамматике, риторике, пиитике, латинскому и греческому языкам, логике, арифметике, геометрии. Но еще до официального открытия школы для целей самообразования и просвещения в монастыре стали создаваться учебные руководства. К числу их относится и "Риторика" Георгия Данииловского — первая риторика, написанная в Петербурге не позднее 1720 г.

Георгий Данииловский, автор первой петербургской риторики начала XVIII в., получил образование в Москве, в Славяно-греко-латинской академии. В дальнейшем его жизнь протекала в Петербурге и в Новгороде. В Петербурге он был иеромонахом Александро-Невского монастыря и преподавал там риторику, рукописный курс которой он посвятил Феодосию Яновскому — настоятелю монастыря[1].

В жизни Георгия Данииловского Феодосий Яновский сыграл заметную роль. Он был образованным, просвещенным человеком, владельцем одной из лучших в начале XVIII в. частных библиотек[2]. После учреждения Синода Феодосий Яновский стал фактическим главой русской церкви, хотя был еще жив местоблюститель патриаршего престола Стефан Яворский.

---

[1] См. описание "Риторики" Георгия Данииловского в кн.: *Родосский А.* Описание 432-х рукописей, принадлежащих Санктпетербургской духовной академии и составляющих ее первое по времени собрание. СПб., 1894. С. 230. В настоящее время рукопись "Риторики" Георгия Данииловского находится в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, текст которой лег в основу настоящей работы. Всего в "Риторике" 119 листов и 5 листов введения.

[2] У Феодосия Яновского были две библиотеки: "в архимандрической келье" в Александро-Невском монастыре и домашняя "на Невском подворье, что против Адмиралтейства". В его библиотеках было 408 книг на разных языках. Здесь были книги юридического содержания (Феодосий Яновский был крупным юристом своего времени), книги по истории, философии, художественная литература. См.: *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 252—257, 267.

13 декабря 1719 г. в соответствии с указом Петра I была учреждена типография Александро-Невского монастыря. Она печатала книги кириллицей и выпускала учебники, книги для чтения, а также "Духовный регламент".

Особое значение имело печатание букварей. Петр I был обеспокоен тем, что церковнославянские книги, по которым русские люди обучались грамоте, были непонятны "для необыклых", а поэтому он распорядился, чтобы Феофан Прокопович написал букварь. Феофан Прокопович пишет букварь под названием "Первое учение отроком", который по традиции наряду с начальными сведениями о русской азбуке содержит и толкование текстов священного писания. Как отмечает автор в предисловии к букварю, его книга написана не "славенским высоким диалектом", а "просторечием", Феодосий Яновский печатает три издания этого букваря. В издании этого букваря принял участие и Георгий Данииловский.

В 1721 г. Феодосий Яновский был поставлен архиепископом Новгородским. За короткое время он основал 15 школ. Новгородская греко-славянская школа превратилась при нем в крупный центр по подготовке учителей для всей России. Преподаватель этой школы Федор Максимов пишет "Славенскую грамматику". Эту грамматику Феодосий Яновский представляет в Петербург, и в 1723 г. она печатается в типографии Александро-Невского монастыря под названием "Грамматiка славенская в кратцѣ собранная в греко-славенской школѣ яже в Великом Новѣ градѣ"[3].

В таком культурном окружении жил и работал автор первой петербургской риторики. Можно добавить к этому, что он написал и напечатал в 1722 г. в типографии Александро-Невского монастыря книгу "Христовы о блажествах проповѣди толкованiе" с предисловием, в котором он объяснял принципы этого издания[4]. Они заключаются в том, что книги на церковнославянском языке "неудобно разумеваемы" и нуждаются в специальном разъяснении. Это разъяснение должно быть сделано "просторѣчно". Обращаясь к читателям своей книги, он говорит: "Того ради, ежели в сем толкованiи найдется что тебѣ неудобь разумѣваемое, не облѣнися и не стыдися вопросити вѣдующих, точiю на твоем неосновательном мнѣнии не остановися"[5].

"Риторика" Георгия Данииловского построена по принципам традиционной классической риторики. Она делится на пять частей: 1. "Изобретенiе"; 2. "Расположенiе"; 3. "Изглаголанiе"; 4. "Память"; 5. "Произношенiе". Но содержание ее частей переработано автором в расчете на использование "Риторики" применительно к соответ-

---

[3] Описание "Грамматики славенской" см.: Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 — январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич. М.; Л., 1958. С. 261—264. См. также: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. М., 1962. Т. 2. Проблемы славянского языкознания. С. 290.

[4] См.: *Пекарский П.П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 551. Поводом к изданию книги Георгия Данииловского послужило распоряжение Петра I и Синода дать к букварю Феофана Прокоповича "Первое учение отроком" специальное приложение с толкованием конфессиональных текстов.

[5] Там же. С. 553.

ствующим социально-речевым и историческим условиям России начала XVIII в.

Каждая из частей содержит дефиниции, которые имеют соответствия с терминологией латинской риторики.

"Изобретеніе" — это выработка системы аргументации. Поэтому для правильного "изобретенія дѣл", т.е. предмета описания, важно выработать систему силлогизмов, необходимых ритору. Издавна на Руси под воздействием Аристотеля говорилось: "Логика, диалектика простые дѣла показует, сирѣчь голые. Риторика же к тѣм дѣлам придает и прибавляет силы словесные, кабы что ризу честну или нѣкую одежю"[6].

Риторика Георгия Данииловского представляет собой руководство для "сочинения великого слова церковного и гражданского, такожде и слов политичных, како-то: привѣтствовательных, поздравительных и благодарственных и прочих сим подобных во употребленіи добраго гражданства бываемых" (л.4). Риторика, как видно из предисловия и из дальнейшего ее наложения, предназначалась не только духовным, но и светским деятелям бурной Петровской эпохи, когда острые идейные споры и столкновения по политическим, философским, теологическим вопросам требовали умения отстаивать свои взгляды, логически убедительно строить свое устное или письменное выступление, владеть богатствами родной речи.

Часть риторики "Изобретеніе" Георгий Данииловский определяет как "вымышленіе вещей истинных, или истинѣ подобных, яже предложеніе творят утвержденное" (л. 24).

Чтобы стать ритором, надо много учиться, быть образованным человеком. Для этой цели Георгий Данииловский рекомендует много читать. В образовании ритора большое значение имеет чтение и изучение книг философского, логического, исторического, филологического содержания, произведений художественной литературы. Поэтому в тексте "Риторики" постоянны ссылки на сочинения Марка Фабия Квинтилиана "Об образовании оратора", Марка Туллия Цицерона "Об ораторе", Плиния Младшего "Панегирик императору Траяну" и т.д.

Выражение "истинная вещь" имеет значение "мысль или мысли", оно соответствует материи, теме сообщения, или, как говорит автор, "феме". В слове, церковном и гражданском, пишет Георгий Данииловский, "подобает первое изобрѣтати фему, сирѣчь положеніе, с которым вся части слова соглашатися долженствуют" (л. 1).

Далее, он описывает систему логической аргументации для выработки тем и силлогизмов. Ритору, говорит автор руководства, необходимо постоянно помнить о том, что тема должна быть убедительно доказана и аргументирована "пристойными и приличными" речевыми средствами. Ритор обязан волю слушателей "к себѣ приклонити-подвинути же и привести к тому, о нем же утверждая намѣрен есть совѣтовать. Сіе бо есть конец всего риторіческаго художества" (л. 2 об.).

---

6 "Риторика" Макария 1617—1619 гг. / ГБЛ. Собр. Ундольского, N 874, л. 2 об.

В этой же части риторики Георгий Данииловский дает подробное описание функциональных разновидностей литературной речи, "родов речей": "род показательный", "род разсудительный", "род судебный".

"В роде показательном, — пишет автор, — в нем же хвалим кого, или хулим, превеликое дает изобиліе мѣсто окрестностей. Подобает бо разсуждати время преждежития, в житии, и после житія бывшие (л. 14 об.). "Показательный же род не надлежит до риторов церковных, но приказных" (л. 11 об.).

К "роду показательному" относятся жанры "словеса похвальныя, поносительная, благодарственная, историческая, превѣтственная, плачевная, надгробная, поздравительная, вручительная, празнственная, торжественная и сим подобная" (л. 17).

"В роде разсудительном", — отмечает Георгий Данииловский, — или совѣтуем что, или отсовѣтуем. Аще совѣтуем, тогда должно показати двое: первое, яко вещь оная, оже совѣтуем нуждна, или поне зѣло потребна, и прибыльна есть; второе яко оная вешь может быти получена не без нѣкоего удобства" (л. 15)."До рода разсудительнаго надлежат слова совѣтовательная, отсовѣтовательная, увѣщательная, отводительная, наказовательная, обличительная, просительная, молительная, ходатайственная, утѣшительная, завѣщательная, наставительная, и сим подобная" (л. 17).

"Род судебный, — пишет Георгий Данииловский, — относится до обвинения чиего, или защищенія и оправдания", и замечает: "... ритору церковному рѣдко употребляемый бывает" (л. 15 об.). "До рода судебного относятся: доношенія, обвиненія, защищенія, извиненія, примиренія, челобиться, и жалобы, и сим подобная" (л. 17).

Часть риторики "расположеніе" — "это изобретенных вещей раздѣленіе, еже показует где что имѣет полагатися" (л. 24).

Эта часть руководства посвящена композиции риторических выступлений, описанию их структуры. Выбрав материи ("вещи") и силлогизмы ("доводы"), ритор, по мысли Георгия Данииловского, должен "имѣти и избраніе в рѣченіях с разсужденіем, то есть иное удерживати, иное же откинути, сіе пространно расположати, иному легко коснутися, иноя вкупѣ сносити" (л. 25).

Автор описывает два типа композиции риторических слов. Первый тип он называет "естественным", т.е. таким, в котором выражается "естество" ритора, "егда оратор церковное или политічное слово разделяет на части, а извѣстныя некоторыя главы предлагает, к ним же все свое слово приводит" (л. 26). Этот же тип композиции у Георгия Данииловского получает и другое название — "плинианов", по имени римского ритора Плиния Младшего. Георгия Данииловский видит образец этой композиции в "Слове похвальном Траяну, цесарю римскому" Плиния Младшего (100 г. н.э.) — в произведении высокого гражданского, общественного звучания, популярном у русских читателей в начале XVIII в., на которое он ссылается[7].

---

[7] См.: Панегирик императору Траяну // Письма Плиния Младшего. М., 1983. С. 212–272.

Второй тип композиции риторического выступления Георгий Данииловский определяет, исходя из принципа последовательности логического следования его частей. Этот тип композиции носит у автора описательное название "от меньших частей части слова восходят к большим". "Сии убо чины или способы части слова изящныя, — пишет он, — сі есть начало, предложеніе, повѣсть, утвержденіе, отраженіе и заключеніе" (л. 27).

Третья часть "Изглаголаніе" содержит учение об отборе слов, о сочетании слов, о тропах и риторических фигурах, учение о качествах речи и о стилях речи.

Георгий Данииловский исходит из того, что в литературном языке существует "три глаголанія роды" — "вышній", "средній" и "нижній". В своем руководстве он обращает внимание на произведения высокой литературы. Термину "род глаголания" у него соответствует термин "штиль" или "штыль". "Штиль", как он разъясняет, — это или "образ глаголанія" (л. 38), или "образ писанія" (л. 34).

Все произведения высокой литературы, независимо от того, существуют ли они в письменном виде или произносятся ритором, должны обладать общим стилистическим качеством: каждое из произведений литературы "не должно быть постное, сі есть тонкое, краткое, сухое, простое и общенародное, но изобильно текущее, различное, общаго слова вышнее" (л. 32). Всем произведениям высокой литературы, кроме того, должны быть присущи такие стилистические качества, как "чистота", "ясность", "украшение" и "пристойность".

Стилистическим качеством "чистоты", как это понимает Георгий Данииловский, обладают те произведения литературы, в которых находит отражение грамматически правильная, нормированная литературная речь, стилистически организованная и лишенная устаревших слов и оборотов. "Чисто и исправно будет слово, не имущее погрѣшностей, — пишет он, — тако противу сочиненія грамматическаго синтаксисом именнованного, яко и против етимологіи еще и старорѣчія образы нынешними вѣки не употребляемыя отвергающе. Храняще же свойство и сочиненіе собственного диалекта, словес же и образов глаголанія различіе имуще" (л. 32 об.).

Для Георгия Данииловского "ясность" — это стилистическая категория понятности речи. Поэтому в произведениях литературы должны использоваться слова и обороты речи, находящиеся во всеобщем употреблении, которые не вызывают трудностей в их понимании. Эти слова и обороты речи относятся к разряду общеупотребительной лексики.

"Украшеніе" — это придание с помощью тропов и фигур произведениям литературы качеств образности, приятности, занимательности. Тропы и фигуры создают в произведениях литературы "вси глаголанія образы". Украшенная речь противопоставляется "от общія рѣчи и простыя", хотя "вси глаголанія образы, иже различны суть, и вышшіи от рѣчей и словес общенародных и простых" (л. 37 об.).

"Тропы и фігуры по своим мѣстам расположенны, — пишет Георгий Данииловский, — творят слово не точія украшенно и честно, но и раз-

лично, обильно, живо, цвѣтуще, крѣпко, возбуждательно, и протчая" (л. 37 об.). Понимание тропов и фигур в "Риторике" Георгия Данииловского основано на предшествующей традиции. Троп — это "рѣчь от свойственнаго знаменованія преносит на несвойственное" (л. 34). Среди тропов отмечаются "метафора или преложеніе, аллегорія — иносказаніе, синекдоха или объятие, метонімія или проименованіе, антономасіа — возименованіе, ипербола — излишнее превозношеніе во умноженіи или во умаленіи, перифрасис — окрестіе или окруженіе и т.д. (л. 34 об.). Фигуры "в составе словес и в красном, и согласном оных положении и состоятся, иначе же измѣняется, или престает быть фигура" (л. 35).

Автор приводит большой перечень фигур речи, среди которых "анафора, славенски повтореніе (глосса на полях — возношеніе), антістрофа — возвращеніе (глосса на полях — противовозвращеніе), синонима — тождеименитство, градацыа — поступленіе, епитетон — приложеніе, компар — уравненіе, ироніа — глумность или насмѣваніе, інверсіс — навращеніе, парадокс — нечаянное и чюдесное сказане, плеонасмус — словес преизлишество" и т.д. (л. 35—37).

Стилистическое качество "пристойности" произведений литературы — это соответствие "речений", "вещам", теме повествования, "роду глаголанія, нижнему и среднему". Каждое "реченіе", которое ритор предполагает употребить, должно обладать стилистическим качеством "пристойности" "в словѣ или в казаніи".

Часть риторики "память", запоминание — это "крѣпкое в мысль вещей и словес восприятіе, и разположеніе" (л. 42).

И, наконец, заключительная часть риторики — "произглашеніе, или изрѣчение вѣтийственное". "Произглашеніе, — пишет Георгий Данииловский, — есть умѣреніе гласа, и движенія тѣлеснаго дѣйствіе" (л. 42). Он пишет о том, какие существуют правила для произнесения публичных слов и как при этом должен держаться ритор, говорит о роли и значении кинетики в публичном выступлении и дает советы оратору, как нужно держаться на кафедре. Вот несколько его рекомендаций: "Ритор церковный в обычное время да произносит гласом, и действием поважным, чистым, различным и живость нѣкую показующим, явственным. И вещем, о них же глаголет приличным, кромѣ всякія шутовства и смехотворцев легкости. И ничто же кроме гласа от друженія беседы да отменяет елико возможно. Он кашленія же, харканія, и прочіих неприличных действ да воздержится" (л. 34). "Чесого требует натура от части тѣла?" — спрашивает Георгий Данииловский и отвечает: "Персей крѣпких, громогласія, языка свободнаго, устен и всего тѣла пріустроенія" (л. 43).

Георгий Данииловский создает свою "Риторику" в Петровскую эпоху, когда живая речь активно вторгается в литературный язык, во все сферы социальной и культурной жизни. Именно в это время вопросы речевой культуры, описание стилей литературного языка и их языковых средств становятся предметом пристального внимания общества. А риторики, несмотря на их гомилетическую направленность, осмысливаются как руководства по общей теории словесности. Этим обстоятельством объясняется то, что "Риторика" Георгия Дани-

иловского применяет традиционное учение о трех стилях для характеристики стилей литературного языка, содержит сведения о гражданском, "политичном" красноречии, описывает функциональные разновидности литературной речи — "роды речей", обращая особое внимание на деловую речь. "Риторика" Георгия Данииловского является важным источником сведений по истории русского литературного языка и русской литературы начала XVIII в.

Глава 14

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ А.Д. КАНТЕМИРА

В истории стилистической мысли доломоносовской поры важное место принадлежит А.Д. Кантемиру (1708—1744) — "первому светскому поэту на Руси" (В.Г. Белинский). Заметные успехи в исследовании творческого наследия А.Д. Кантемира все еще недостаточны по сравнению с тем значением, которое имела его деятельность в разных областях русской культуры и просвещения XVIII в.[1]. Изучение творчества А.Д. Кантемира затруднено тем, что его наследие полностью до сих пор не издано. Сложны текстологические вопросы издания его произведений. Некоторые его сочинения известны только в списках, относящихся к позднему времени. Ряд сочинений А.Д. Кантемира не разыскан, в частности его французско-русский словарь.

В истории литературы А.Д. Кантемир обычно рассматривается как поэт, работавший в жанре сатиры. Между тем он создал множество стихотворных произведений других жанров. Это эпическая поэма "Петрида" о последнем годе жизни Петра I, которую поэт не успел окончить, философские "Песни" (оды), прославляющие силу разума, басни, эпиграммы. Широко известны стихотворные переводы А.Д. Кантемира с древнегреческого — лирики Анакреонта, с латинского — посланий ("Писем") Горация (СПб., 1744).

Из прозаических сочинений следует отметить перевод книги французского натуралиста Б. Фонтенеля "Разговоры о множестве миров", посвященной актуальным вопросам естествознания и философии (перевод выполнен в 1730 г., издан в СПб., в 1740 г.), перевод в 1726 г. "Некоего итальянского письма" — анонимного произведения, высмеивающего дворянские и буржуазные нравы во Франции начала XVIII в. К философской прозе А.Д. Кантемира относятся его "Письма о природе и человеке". Он перевел в 1725 г. с латинского хронику византийского историка XII в. К. Манассии "Синопсис историческая". Образцом деловой прозы А.Д. Кантемира служат его дипломатические реляции.

---

[1] Сводку сделанного учеными в исследовании творчества А.Д. Кантемира см. в сб.: Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII века.М.; Л., 1961. С. 190—270.

А.Д. Кантемир — автор ряда сочинений по филологии. Среди них словарь "Симфония на псалтырь" (СПб., 1727), описывающий лексику памятников церковнославянского языка, упоминавшийся ранее французско-русский словарь, обширные маргиналии и лексикологические комментарии к оригинальным стихам и переводам. А.Д. Кантемир — автор книги по стилистике художественной речи и стиховедению "Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских" (СПб., 1744). Он не реализовал своего замысла написать филологическое сочинение по общей теории словесности, но как крупный филолог своего времени, как писатель он создал свою стилистическую теорию.

Стилистические взгляды А.Д. Кантемира сложились на почве усвоения идей античной филологии, отечественной грамматической и риторической традиции и французского классицизма. Основу его стилистической теории составляют понятие литературного языка и его стилевой дифференциации, проблемы языковых средств жанра, выбора слова и стилистических качеств жанров литературы, учение о поэтических вольностях.

Во взглядах А.Д. Кантемира на природу литературного языка намечаются два этапа.

В начальный период творчества тот литературный язык, на котором он пишет свои ранние произведения, А.Д. Кантемир называет "словенороссийским диалектом", или "славенороссийским языком". В данном случае А.Д. Кантемир пользуется терминологией, сложившейся в практике словоупотребления лучших писателей его времени. Под "славенороссийским диалектом" он понимает такой язык, который обслуживает потребности государственной жизни России начала XVIII в., ее культуру, науку, литературу. Этот язык складывается в результате расширения общественных функций книжнославянской литературной речи, ее секуляризации, введения новой гражданской азбуки и пополнения ее народно-разговорными словами и европейскими заимствованиями.

В стилистическом отношении "славенороссийский диалект" не отличался дифференцированностью, и существенным признаком его является объединение высокого и среднего стилей в общую систему и противопоставленность ее низкому стилю. А.Д. Кантемир пишет "славенороссийским диалектом" произведения разных жанров и стилей. Это посвящение Екатерине I и предисловие к "Симфонии на псалтырь", относящиеся к высокой литературе. "Славенороссийским диалектом" написаны и произведения среднего стиля: хроника Манассии "Синопсис историческая" и описание жизни Парижа и Франции начала XVIII в. — "Перевод некоего итальянского письма, содержащего утешное критическое описание Парижа и французов".

Язык ранних сочинений писателя отличается двойственностью своей природы: в текстах произведений высокого и среднего стиля звуки и формы употребляются то по-русски, то "по-славенски" (ср. в "Переводе некоего итальянского письма", следующие двойные формы: *град* и *город, златой* и *золотой, сребреный* и *серебреный,*

един и один, нощь и ночь и т.д.) (2, 359—383)[2]. Эта двойственность видна также и в маргиналиях перевода хроники Манассии, где "славенские слова" поясняются русскими, а заимствования из европейских языков — то "славенскими", то русскими: *рамо — плечо, скудельник — гончар, фабула — скаска, тривун — народоначальник, навта — мореплаватель,* или *матрос, виктория — победа* и т.д.[3]

Предмет повествования или рассуждения определяет, по мнению А.Д. Кантемира, меру соотношения "славянских" и русских языковых средств в стиле. В высоком стиле "славянских" элементов было больше, в среднем меньше. Но разграничение высокого и среднего стилей с точки зрения лексического состава проводится им с большим трудом.

К этому же времени относятся переложения псалмов, сделанные А.Д. Кантемиром на "славенороссийском диалекте". Кроме собственно "славенского" языкового материала, переложения псалмов включают в себя и многочисленные украинизмы. Так, поэт произносит *ѣ* как *и* по-украински в рифме: нечиста — мѣста, излишны — грѣшный, премѣна — сына, сторично — вѣчно (1, 289), рѣки — великий, вышняго — грѣшнаго (1, 291) и т.д. Украинское произношение *т* твердого видно в рифмах: *богатый — занимати, проклинати — проклятый* (1,290). Такова была традиция высокой поэтической литературы конца XVII — начала XVIII в., которой следовал поэт.

Конец 20-х — начало 30-х годов — начало нового этапа во взглядах А.Д. Кантемира на природу литературного языка. Изменение в лингвистических взглядах поэта хронологически совпадает со временем обостренного интереса русского общества к обоснованию норм русского национально-языкового выражения.

В этом отношении показателен целый ряд свидетельств современников. В 1731 г. В.Е. Адодуров пишет в русской грамматике, изданной по-немецки: "Ныне всякий славянизм, особенно в склонениях, изгоняется из русского языка"[4]. Годом раньше И.С. Горлицкий в "Грамматике французской и русской нынешняго языка" (СПб., 1730, с. 6—10) не включает в списки церковнославянизмов, употреблявшихся под титлами, русских слов, хотя в Петровскую эпоху такое смешение было обычным явлением. Ф. Максимов в "Грамматике славенской" (СПб., 1723, Предисловие, с. 5) пишет по поводу третьего издания "Грамматики славенской" М. Смотрицкого, напечатанного Ф. Поликарповым (М., 1721), что в ней "обдержатся славенская реченія россійски вмалѣ разумеваема". В среде русских книжных людей этого времени "мало было знатоков церковнославянского

---

[2] Сочинения, письма и избранные переводы князя Антиоха Дмитриевича Кантемира. Со статьею о Кантемире и с примечаниями В.Я. Стоюнина. Редакция издателя П.А. Ефремова. СПб., Т. 1, 1867; Т. 2, 1868. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием тома и страницы в скобках.

[3] *Кантемир А.Д.* Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 9. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием страницы в скобках.

[4] См.: Anfangs — Cründe der Russischen Sprache в приложении к словарю Э. Вейсмана "Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами русского языка" (СПб., 1731. С. 14 второй пагинации).

языка"[5]. Не случайно дьячок в 1-й "Сатире" Кантемира говорит: "Знаю часовник, псалтырь и послания бегло честь умею, в Златоусте не запнусь, хоть не разумею" (т. 1, с. 21). Начиная с 1733 г. типография Академии наук отказалась от церковнославянских орфограмм в именительном падеже множественного числа полных имен прилагательных, причастий, местоимений с родовыми различиями по образцу: в мужском роде на *-ыи*, в женском на *-ые*, в среднем на *-ыя*. Типография ввела в практику своих изданий новые орфограммы, отражавшие живое русское произношение; для мужского рода *-ые*, для женского и среднего *-ыя*. Это новшество просуществовало до орфографической реформы 1918 г.[6]. Таким образом, эти факты свидетельствуют о сознательном разграничении грамматистами "славенской" и русской стихий при описании норм русского литературного языка.

С конца 20-х годов предметом постоянного внимания А.Д. Кантемира становится устная русская речь, которую он кладет в основу нового литературного языка. Сделав русскую народно-разговорную речь основой литературного языка, поэт тем самым указывает на единый общенациональный характер его коммуникативного использования. Он открывает просторечным и простонародным словам и выражениям широкий доступ в литературный язык. Но устная стихия скрещивается с традиционной книжной, славянской, хотя последняя в новом литературном языке занимает незначительное место. Он использует термин "русский язык".

Развитие русского литературного языка А.Д. Кантемир ставит в прямую зависимость от процессов образования национальной художественной литературы. Те литературные жанры, в которых он работает, опираются в своей речевой структуре на внутреннее — фонетическое, грамматическое и лексико-семантическое — единство складывающейся системы русского национального литературного языка.

Что касается церковнославянского языка, то его влияние, по мнению А.Д. Кантемира, должно быть ограничено рамками высокого стиля. Из "славенской" стихии необходимо взять лишь то, что соответствует целям и задачам общенациональной речевой коммуникации или выполняет определенные стилистические функции в поэтической речи.

В отличие от французского языка, который "те же речи в стихах и в простосложном сочинении принужден употреблять", русский язык, пишет А.Д. Кантемир в "Письме Харитона Макентина", обладает особым "стихотворным наречием", так как "изрядно от славенского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога" (408).

Традиционный филологический прием исследования литературной речи, основанный на трехчленном ее изучении, был хорошо из-

---

[5] *Житецкий П.И.* К истории литературной русской речи в XVIII в. // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 2. С. 13.

[6] См.: *Вомперский В.П.* Ненапечатанная статья В.К. Тредиаковского "О множественном прилагательных целых имен окончении" // Филол. науки. 1968. N 5.

вестен А.Д. Кантемиру по сочинениям античных авторов, по трактатам французских и итальянских классицистов, по русским риторикам XVII — начала XVIII в.

А.Д. Кантемир широко пользуется приемами трехчленного описания литературной речи в своих филологических сочинениях, художественных произведениях и в "изъяснениях" к ним. Он применяет эти методы изучения литературной речи при оценке предметов, тем, языковых стилей и жанров.

Поэт считает, что предмет, о котором идет речь, или тема повествования ("дело", по его терминологии) определяют собою природу стиля. Для обозначения понятия языкового стиля, соответствующего "делу", на равных правах Кантемир использует термины "стиль", "штиль", "слог". Так, комментируя "Послания" Горация, поэт пишет: "В сочинениях его делу слог соответствует" (1, 385). В других же семантически однотипных контекстах А.Д. Кантемир применяет термины "стиль", "штиль". Явление взаимозаменяемости терминов типично для словоупотребления в языковедческой науке того времени. В то же время следует отметить стремление А.Д. Кантемира терминологизировать одно из значений слова *слог*. "Слог, — пишет он, — образ писания" (1, 94).

Высокий стиль он называет "высоким слогом" (1, 6), "высоким штилем" (1, 309) и т.д. Предметом описания в высоком стиле могут служить только "важные вещи", "шутки и забавы тут не годятся" (1, 307).

Предмет изложения, цели и задачи сообщения определяют состав языковых средств высокого стиля. Основное место в нем занимают языковые средства славянизированной книжной речи. Необходимо, чтобы в высоком стиле "все речи были важные" (1, 307). К высокому стилю А.Д. Кантемир относит жанры эпоса, героической поэмы, трагедии, "песни" (этим термином он называет оду) и "речи", т.е. панегирики.

Средний стиль занимает промежуточное положение между высоким и низким стилем. Своих индивидуальных признаков он не имеет. Все свойства его раскрываются в сравнении с высоким и низким стилем. Такова традиция, выработанная теоретиками стилей XVII—XVIII вв., которой следует писатель.

К среднему стилю он относит различные жанры литературы как прозаические, так и стихотворные. Среди них жанры исторического повествования и философского рассуждения, различные типы официально-деловой речи. В этот стиль А.Д. Кантемир включает переводную естественнонаучную, математическую и физическую литературу. Из стихотворных жанров сюда включаются элегия, эклога, вся так называемая анакреонтическая лирика.

Термины "низкий слог", "низкий стиль" или "низкий штиль" являются ведущими в сочинениях А.Д. Кантемира. Термины "подлый слог" (1, 306), "подлейший слог" (1, 305), которые не несут у поэта пейоративной оценки, "простой слог" (1, 237), "народный стиль" (1, 307) и т.д. используются тогда, когда он стремится подчеркнуть близость состава языковых средств жанров низкого стиля к

народно-разговорной речи. О языке своих "Сатир" поэт замечает: "Подлинно автор всегда писал простым и народным почти стилем" (1, 307). Важное достоинство "Сатир" Горация А.Д. Кантемир видит в том, что они "низким почти простым слогом писаны" (1, 541).

Среди жанров литературы предшествующая филологическая традиция выделяла те, которые, как писал Феофан Прокопович, "более возвышенные, более важные; они сопряжены с большим трудом, нуждаются в мощном вдохновении и требуют больших усилий, да не меньше и решимости и выдержки"[7]. Они занимают исключительное положение в иерархии жанров. Подобные убеждения разделяли также Буало и В.К. Тредиаковский.

В противовес этой позиции А.Д. Кантемир обосновывает положение о равенстве жанров всех стилей. Нет жанров, занимающих исключительное положение среди других жанров, говорит он, но есть низкое отношение к жанрам любых стилей. Нельзя оправдывать существование произведений высоких жанров, которые плохо написаны и не имеют широкого общественного звучания, только на том основании, что высокие жанры занимают исключительное положение в иерархии жанров классицизма, и предпочитать такие произведения талантливо написанным произведениям "низких" жанров. А.Д. Кантемир твердо убежден в том, что лучше создавать хорошие комедии и сатиры, чем писать плохие трагедии и оды.

Ссылаясь на авторитет Горация, он пишет: "Большая часть людей чает, что понеже в комедии слово идет о делах простых, обыкновенных и подлых, для того сочинение гораздо легче, чем сочинение трагедии, но Гораций тому прекословит и уверяет, что столь труднее комедии писать, что меньше творец прощения своим прегрешениям уповать может" (1, 531—532). "Столь комедии сочинение трудно, что самые искуснейшие в них спотыкаются" (1,532).

В теории А.Д. Кантемира жанр не является слагаемым языкового стиля и в то же время жанр не располагает своими языковыми средствами. Выбор языковых средств, используемых в том или ином жанре, определяется принадлежностью жанра к предмету, к теме повествования.

Употребление украшенных языковых средств, генетически связанных с книжнославянским языком, А.Д. Кантемир ограничивает рамками высокого стиля. Он открывает доступ слов и выражений народно-разговорной речи в литературный язык и дает образцы их функционально-стилистического использования в языке художественной литературы. А.Д. Кантемир указывает на стилистическую и эстетическую ценность народно-разговорного языка. Он расширяет объем и границы литературности речи.

Уязвимое место в теории А.Д. Кантемира — проблема среднего стиля и его языковых средств. Здесь он не мог быть до конца последовательным. Кантемир не мог выявить ту лексико-семантическую категорию, которая, по позднейшей терминологии М.В. Ломоносова,

---

[7] *Прокопович Феофан.* Соч. / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л. 1961. С. 337.

носила название "славенороссийских речений", и охарактеризовать ее функциональную природу и важнейшие признаки.

В литературном языке первой трети XVIII в. широко распространены абсолютные синонимы и однокоренные дублеты — заимствования. Появление их следует расценивать как следствие процессов развития литературного языка, как следствие расширения сферы его социального и культурного применения. Употребление абсолютных синонимов и однокоренных дублетов приводит к разрыву между семантикой слова и условиями его применения, к неоправданному объединению в пределах одного контекста слов, контрастных в стилистическом отношении, создает неупорядоченность словоупотребления в литературном языке Петровской эпохи во всех жанрах литературы[8].

А.Д. Кантемир был одним из первых русских филологов XVIII в., который понял, что судьба нового литературного языка и его стилистическая дифференциация зависят от целенаправленной работы в области синонимии.

Вся работа над синонимами, которая велась в XVI — начале XVIII в., сводилась к объединению в пары или ряды слов, которые лексикографы называют синонимами. Это простейший прием изучения синонимов, характерный для языкознания того времени. Несовершенство этого метода несомненно, так как при подобном сближении синонимами часто называются такие слова, которые в действительности ими не являются. Ведь то, что обычно называется синонимами, должно быть производным от понимания лексического значения слова. Поэтому, прежде чем объединять соответствующие лексемы в синонимические ряды, необходимо определить лексическое значение слов. "Иначе мы будем иметь определение одной величины через другую неизвестную"[9].

Стремление к описанию тонких семантических оттенков слов и фразеологических выражений видно в филологических комментариях А.Д. Кантемира. Он расчленяет проблему исследования синонимов на два аспекта. В основу первого кладет изучение лексического значения слов, в основу второго — объединение лексем в синонимические ряды, А.Д. Кантемир описывает семантику слов, указывает на синонимические соответствия основных стилевых пластов литературного языка: славянизмов, слов и выражений книжной и народно-разговорной (или обиходной) речи, заимствований, слов, находящихся за пределами норм литературного языка.

В примечаниях постоянны определения такого типа: "по-русски", "чистое русское", "просторечное", "простолюдное слово", "народная речь", "по-книжному", "по-славенски" и т.д. Вот серия иллюстраций:

"Ни какой польги. Лучше бы было написать ни какой пользы;

---

[8] См.: *Забродченко В.П.* Лексика русских повестей первой трети XVIII в. АКД. М., 1956; *Василевская И.А.* К вопросу о формальной дублетности иноязычной лексики в заимствующем языке // Процессы формирования лексики русского литературного языка: От Кантемира до Карамзина. М.; Л., 1966.

[9] *Звегинцев В.А.* Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь профессора Б.А. Ларина. Л., 1963. С. 129.

да нужда рифмы убедила употребить простолюдное слово вместо чисто русского" (польги рифмуется с Ольги. — *В.В.*) (1, 51); "Вишь вместо видишь; простолюдная речь" (1, 82): "С хвального ключа". Тут ключ значит место, откуду ручей какой истекает; источник по-книжному" (1, 219); "Прощай вместо прощайте, часто и многим говоря, в простом речении употребительно" (1, 343).

В ряде случаев А.Д. Кантемир синонимически сближает слова, взятые из социально-профессиональных диалектов, со словами общелитературного языка. Например: "Правило то есть руль" (1, 221); "Шабаш, мусо. То есть перестань, мусо. Слово же употребляют кормщики на гребных судах, когда хотят приказать гребцам перестать гресть" (1, 246).

Большое место в комментариях занимают лексикографические материалы, связанные с синонимической характеристикой заимствований. Важно отметить, что А.Д. Кантемир не употребляет заимствования в качестве синонимов, с помощью которых лексикографы его времени толковали семантику русских и славянских слов. Этот прием описания значений слов квалифицируется позднее М.В. Ломоносовым, В.К. Тредиаковским и С.П. Крашенинниковым как устаревший и негодный[10]. Кантемир отвергает его раньше.

Он описывает семантику заимствований, включая их в живые синонимические ряды современной речи. Так заимствования включаются в семантическую и стилистическую перспективу нового литературного языка. Ср.: "Творец тож, что сочинитель или издатель книги, с латинского автор" (1, 25); "Печатные вести. Вместо печатные ведомости, или газета" (1, 274).

Текстовые пояснения к иноязычным словам, описание их лексического значения с помощью русских эквивалентов занимают значительное место в произведениях А.Д. Кантемира. В результате таких лексикологических и нормативно-стилистических оценок "происходила определенная нейтрализация заимствований"[11]. Ср.: "Библиотека. Греческое слово. По-русски книгохранительница, то есть ящик или палата, где книги хранятся. Иногда за самое книг собрание берется" (1, 217); "Глобус. Тело со всех сторон круглое, каков есть мяч, по-русски куля" (2, 421).

Таким образом, семантико-стилистические принципы лежат в основе тех "изъяснений" и текстовых примечаний Кантемира, в которых характеризуется природа новых синонимических отношений в литературном языке формирующейся нации.

Проблема выбора слова — важнейший аспект стилистической теории А.Д. Кантемира.

Проблема выбора слова имеет у Кантемира прежде всего философское осмысление. Рационализм является философской основой его стилистической теории. Как и все писатели классицизма, он понимает разум в картезианском смысле — как категорию вечную и неиз-

---

[10] См.: [Рец. на:] *Вомперский В.П.* Рукописный лексикон первой половины XVIII века // Филол. науки. 1966. N 4.

[11] *Веселитский В.В.* Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974. С. 41.

менную[12]. Прекрасным может быть только то, что разумно. То, что отвечает требованиям разума, достойно общественного признания и уважения. Разум универсален и одинаков во все времена и у всех людей. Поэтому то, что было прекрасно в древности, может быть прекрасным и сейчас, так как оно соответствует разумному и идеальному. Подражание прекрасному и следование правилам, основанным на разуме, объявляются единственно возможным путем создания произведения словесного искусства.

Слово для А. Д. Кантемира — форма существования логически стройной, четкой мысли. "Разум, — пишет он в переводе 2-й "Сатиры" ("К Мольеру") Буало, — выбирает все слова опасно, ни единого из них не скажет напрасно" (345). Обозначая соответствующую реалию, оно точно выражает понятие о ней. Ценность слова определяется его общественноважным содержанием, которое оно приобретает в процессе речевой коммуникации. В противном случае слово может оказаться "бесплодным звуком".

Предметом описания сатиры являются "низкие дела", борьба с невежеством, с пороками, за социальную справедливость, которую поэт понимает в духе просветительской идеологии XVIII в. Поэтому для сатиры — "рода стихов бодливого" — должны отбираться соответствующие языковые средства. А.Д. Кантемир находит их в народном просторечии. Это будут "забавные и острые речи", "шутки", бытовые и даже грубые слова. Для "украсы" своей сатиры, — пишет поэт, — надо, чтобы автор "смешками посолил ее, чтобы была вкуснее уму чтущих" (1, 247). Сатиру без "острых и забавных речей" он сравнивает со щами, в которых "нет смаку без соли". Если это требование не выполняется, то "в зубах вязнет слово не забавно, не красно, не сильно" (1, 92).

Поскольку слово употребляется в речи, то у него слагаются известные смысловые и фразеологические отношения с другими словами. Их необходимо соблюдать, так как только в контексте устанавливаются и значение и оттенки значений слова. Игнорирование этих связей приводит к искажению мысли. Особое внимание Кантемир уделяет лексико-семантической сочетаемости слов при переводе иноязычных текстов на русский язык.

Вот несколько иллюстраций из перевода "Анакреонтовых песен" и комментария поэта к нему.

"*Громкий голос.* В греческом стоит *жидкой* или *текущий голос;* на нашем языке так не говорят" (1, 348). О выражении *светлы глаза* вместо буквального перевода *мокры глаза*: "В греческом стоит *мокры,* понеже мокроватые глаза гораздо живее, да по-русски того сказать не можно" (1, 363).

К проблеме выбора заимствований А.Д. Кантемир подходит дифференцированно. О том, что поэт "изгонял" из языка своих сатир заимствования, говоря, что русский язык "достаточно богат сам по себе", есть свидетельство его друга Октавиана Гуаско: "Старался

[12] См.: *Петров Л.А.* Философские взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира // Труды Иркутского ун-та. Т. 20. Сер. философская. Вып. 1, 1957.

он (Кантемир. — *В.В.*) сколько возможно было избегать слов иностранных, которых другие в свой язык часто мешать обыкли".

Эта запись мемуариста подкрепляется суждениями самого сатирика. "По нужде меры, — пишет он, — не следует употреблять первые пришедшие в стихи слова. Это может привести к появлению в языке сатиры заимствованных слов, которые "звучат слишком ново". "Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна" (1, 173).

Но при работе над произведениями среднего стиля, в которых излагаются естественнонаучные, философские и нравственно-этические темы, А.Д. Кантемир иначе относится к проблеме заимствований. При переводе "Писем" (посланий) Горация он был вынужден ввести в русский язык ряд заимствований и создать кальки. "Ежели напоследок те новые слова и речения в обыкновение войдут, понеже чрез то обогатится наш язык" (1, 386).

А.Д. Кантемир исключает из языковых средств сатиры славянизмы. Он допускает употребление их как творческий прием, как сознательное смешение с народно-разговорными словами. Столкновение слов разной стилистической окраски — свидетельство развития средств художественной выразительности в языке сатиры.

Произведения художественной литературы обладают целым рядом стилистических качеств. Таких качеств А.Д. Кантемир насчитывает три: простоту, понятность и краткость.

Важнейшее стилистическое качество — простота. Этим качеством обладают только образцовые произведения литературы, и поэт постоянно напоминает об этом своим читателям. Настоящий писатель всегда прост. Это качество может быть только у лучших древних и новых писателей. А.Д. Кантемир пишет, что Гораций "забавен и прост в сатирах и письмах своих" (1, 385). Не раз он говорит о простоте слога сатир Буало. По мнению ученого, этим качеством располагает историческая и философская проза Теофраста и Лабрюйера.

Поэт убежден, что произведения, написанные на новом литературном языке, могут обладать качеством простоты. Сказанное прежде всего относится к сатирам, так как существует "стихотворное правило, которое велит, чтобы сатиры были просты" (1, 307). Из всех своих произведений А.Д. Кантемир отдает предпочтение 4-й "Сатире" "за простоту слога"[13]. Этим качеством должны обладать и другие жанры, в том числе и высокие. Но жанры высокого стиля больше всего подвержены влиянию риторики. Простоту труднее всего найти в современной трагедии, слог которой, как говорит поэт, "пышен и надут быть имеет" (1, 417). Он сравнивает стиль современной трагедии с "пузырем, что в воде соломою вздуваем".

Простота определяет собою и другое стилистическое качество — понятность. Комментируя 25-ю строфу 8-й "Сатиры": "Чтоб в

[13] См. заметки А.Д. Кантемира на рукописях своих сочинений: *Глаголева Т.М.* Материалы для полного собрания сочинений кн. А.Д. Кантемира // ИОРЯС, 1906. Т. 11, кн. 1. С. 205.

бесплодном звуке ум не мог понять дело", — А.Д. Кантемир разъясняет смысл ее: "Когда слова наши невразумительны, то оные, право, назвать можно бесплодным звуком. Тогда уши слушателя, тем звуком наполнены, страждут" (1, 174).

А.Д. Кантемир считает, что произведениям литературы должна быть свойственна "ясность письма". Это качество, по его мнению, отсутствует в жанрах официально-делового изложения, так как подъячие заботятся лишь о том, "чтоб письмо их было четко и красно" (1, 203).

Но как бы ни были просты и понятны произведения литературы, если они наполнены "долгими речами", их нельзя назвать образцовыми. В 3-й "Сатире" он пишет: "Всякому, лишно долга́, речь уху наскучит, и должно помнить тебе с кем мне[14] идет слово" (1, 75). Поэтому краткость — одно из существенных качеств произведения художественной литературы.

Простота, понятность и краткость вырабатываются в результате упорного труда. "Кончав дело, — пишет А.Д. Кантемир, — надолго тетрадь в ящик спрячу. Пилю и чищу потом, и хотя истрачу большу часть прежних трудов, новых не жалею" (1, 169).

К началу 30-х годов XVIII в., в начальный период становления новой светской литературы на национальной общеязыковой основе приобретает актуальность ряд вопросов. Какие типы поэтических вольностей могут перейти из книжнославянской виршевой традиции в новую поэзию? Какие поэтические вольности устарели и какие нет? Возникает проблема стилистической квалификации в репертуаре поэтических вольностей.

Для взглядов А.Д. Кантемира характерна оценка поэтических вольностей как языковых средств, которые представляют собой систему неравносложных вариантов. Они употребляются в поэтическом языке и приобретают в нем самостоятельную значимость. Поэтому использование поэтических вольностей рассчитано на их актуализацию в языке поэзии. Степень актуализации различных типов поэтических вольностей зависит от ряда условий коммуникативного и стилистического характера.

По мнению А.Д. Кантемира, репертуар поэтических вольностей отличается разнообразием. В него входят фонематические варианты слов (например, *коли* и *коль, город* и *град,* акцентологические варианты в рифме (например, *о́тец* и *ко́нец, те́бе* и *се́бе, ви́дит* и *си́дит*), формально-грамматические варианты (например, *писать* и *писати, пишешь* и *пишеши, сладкий* и *сладок, сладк*), окказиональные варианты, создаваемые поэтом (например, *торча в ногах* вместо *торча на ногах* (1, 143), *куря* вместо *курицы* (1, 270), и даже слова и целые словосочетания, которые поэт использует "за нуждою меры".

К поэтическим вольностям он относит и искусственный порядок слов в стихотворной речи. В примечаниях к сатирам и переводам многочисленны комментарии, в которых содержатся параллельные примеры со стихотворным порядком слов и с прозаическим. Стиль

---

[14] "Мне, то есть у меня". См. примечание 49 В.Я. Стоюнина к 3-й "Сатире" (1, 75).

примеров прозаического словорасположения всюду средний, нейтральный. Ср.: "*Так тихи мне времена текут неприятны.* Если бы мера стиха позволяла, должно быть перевесть: *Так тихи и неприятны текут мне дни,* или *течет мне время*" (1, 395).

В понимании природы поэтических вольностей А.Д. Кантемир находится еще под влиянием старой филологической традиции XVII в., представленной именами грамматиста Мелетия Смотрицкого, ритора Макария, поэта Симеона Полоцкого, которая разрабатывает просодические принципы русского стихосложения, основанные на чередовании долготы и краткости гласных по образцу греческого и латинского языков. Хотя еще в 1735 г. В.К. Тредиаковский подверг справедливой критике эту теорию просодии русского стиха в "Новом и кратком способе к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий", А.Д. Кантемир в напечатанном в 1744 г. "Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских" ошибочно утверждал, что "различие русского языка с греческим в составе грамматическом не столь велико" (408).

Независимо от количества и разнообразия словообразовательных типов поэтических вольностей, считает А.Д. Кантемир, у них есть одна общая особенность. Поэтические вольности должны удовлетворять целям и задачам общеречевой коммуникации. Коммуникативные задачи поэтического языка являются составной частью задач общеречевой коммуникации. Поэтому все те поэтические вольности, которые "не противны общему обычаю" и понятны всем, можно, как пишет А.Д. Кантемир, "смело принять" в языке новой поэзии.

Но указание на соблюдение общекоммуникативных требований при создании поэтических вольностей не может заменить собою их функционально-стилистической характеристики.

А.Д. Кантемир выделяет три группы поэтических вольностей по принципу разной степени употребительности в языке поэзии.

1. В эту группу включаются поэтические вольности, которые могут свободно употребляться в языке поэзии. Сюда относятся архаизмы в морфологии (например, родительный падеж множественного числа имен существительных *век* вместо *веков,* творительный падеж множественного числа имен существительных *роги* вместо *рогов*), параллельные формы имен существительных, оканчивающиеся на *-ние* и *-тие,* которые могут "бессумненно", как пишет ученый, сокращаться на один слог (ср.: *-нье, -тье*), "усечение" прилагательных, причастий, указательных местоимений. Сюда же может быть отнесено употребление предлогов *со, изо, во* вместо *с, из, в* и частиц *ж, б* вместо *же, бы.*

2. Ряд поэтических вольностей А.Д. Кантемир рекомендует использовать в языке поэзии с известной осторожностью и редко. К их числу он относит энклитические местоимения *мя, тя, ми, ти,* которые необходимо "всего же реже употреблять", глагольные формы 2-го лица единственного числа изъявительного наклонения на *-ши* вместо *-шь* и безударные формы инфинитива на *-ти* вместо *-ть.* А.Д. Кантемир замечает, что глагольные рифмы на *-ши* и *-ти* "весьма

уху противны" и встречаются у "подлых стихотворцев". Он делает исключение лишь для тех случаев, когда рифмуются имя существительное и инфинитив (например, *мати — спати*).

В эту же группу А.Д. Кантемир включает сокращение местоимений (например, *твойму* и *твому* вместо *твоему, свойму* и *свому* вместо *своему, ćвого* вместо *своего* и т.д.).

Перед нами широко распространенное противоречие в языке поэзии того времени. Оно заключается в том, что усеченные варианты прилагательных, причастий, относительных местоимений рассматривались теоретиками стиха и поэтами как элементы, принадлежащие "славенскому языку". Но "усечения", имеющие экспрессию высокости, могли создаваться не от всех слов. От некоторых из них, например, от притяжательных местоимений, усеченные варианты несли экспрессию простонародной речи: *мого, твого, свого.* При соответствующей рифме они могли произноситься как *мово, твово, свово.*

Поэтому колебание А.Д. Кантемира не случайно: "Не знаю, не вольно ли же учинить" (426). Он сомневается в возможности употреблять такие формы, но в его "Сатирах" встречаются вольности подобного типа.

3. В эту группу включаются такие сокращения, которые нельзя использовать в языке поэзии. Кантемир имеет в виду образования гибридного характера, т.е. такие формы, которые совмещают в себе признаки славянских и русских слов. "Вместо *чистою рукою* можно писать *чистой рукой;* но гораздо уху противно *чистою рукой".* Прилагательное и существительное, замечает он, "неотменно должно кончить тем же образом" (426). Иначе говоря, при создании поэтических вольностей следует учитывать единство стилистического облика образования.

А.Д. Кантемир вошел в историю отечественной культуры и науки как ученый и писатель, который обосновал принципы построения нового литературного языка и создал образцы его применения в разных жанрах литературы. Он первым в русском языкознании сформулировал мысль о том, что изучение взаимодействия книжнославянской и народной русской речевой стихий и исследование функционирования иноязычной лексики на русской почве дают возможность выработать принципы построения нового литературного языка. И эта важная научная идея развивается и углубляется в трудах выдающихся отечественных филологов середины XVIII в.

Глава 15
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО

В.К. ТРЕДИАКОВСКИЙ КАК ФИЛОЛОГ

Филологические труды В.К. Тредиаковского — значительное явление в истории отечественной науки XVIII в. Он очень много писал по вопросам фонетики, грамматики и стилистики русского языка, орфографии, теории поэтической речи, ораторского искусства, стиховедения. Тредиаковский был одним из самых образованных русских людей своего времени. "Задача жизни Тредиаковского, — пишет Г.А. Гуковский, — заключалась в том, чтобы насадить в России высокую культуру гуманитарных знаний, чтобы учредить в ней научное мышление в вопросах политики, морали, искусства, чтобы на место старорусской системы взглядов в области литературы поставить сознательную систему учений продуманной теории, утвержденной опытом человечества и разумными основаниями логики"[1].

Свой творческий путь В.К. Тредиаковский начал в переходный период развития русской культуры, когда происходит ожесточенная борьба между "стариной" и "новизной", и это обстоятельство налагает свой отпечаток на его мировоззрение. В мировоззрении ученого чувствуется, с одной стороны, сильное влияние идей картезианства, идей научного эксперимента, основанного на разуме, с другой стороны, видна метафизика, бесплодная схоластика. "Тредиаковский стоял как бы на грани двух эпох: он принадлежал еще эпохе киевской схоластики, — и он же был одним из выдающихся деятелей русского Просвещения"[2].

Стилистические взгляды В.К. Тредиаковского сложились на почве усвоения идей античной филологии, отечественной риторической традиции и французского классицизма. Основу его стилистической теории составляют своеобразно осмысленные ученым понятия литературного языка, нормы, употребления, вкуса, стиля, поэтических вольностей.

ВЗГЛЯДЫ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК. ПОНЯТИЯ НОРМЫ, УПОТРЕБЛЕНИЯ И ВКУСА В СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ УЧЕНОГО

Пестрота, неупорядоченность словоупотребления литературного языка начала XVIII в. явились следствием распада системы двуязычия на русской почве. На первое место в филологической науке выдвигается проблема теоретического обоснования сближения литературного языка с разговорным и выработки, описания норм новой литературной речи. От того, как общество осмысливает понятие употребления, какое содержание вкладывает в это понятие, какие социальные круги являются носителями образцового употребления, — от

[1] *Гуковский Г.А.* Тредиаковский как теоретик литературы // XVIII век. Вып. 6. Русская литература XVIII века: Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 44.

[2] Там же. С. 43.

этого зависят судьбы нормализации национальной литературной речи. Понятие употребления становится центральной категорией во всех лингвистических исследованиях этого времени.

Определение употребления всегда связано с понятием выбора речевых средств из ряда существующих вариантов, поскольку для употребления характерна синонимическая вариантность слов, форм и конструкций. "Основное правило выбора, — пишет Ю.С. Степанов, — заключается в различении правильного от неправильного. Эти понятия оказываются всегда самыми традиционными. Принципы этого различения обнаруживают удивительную стойкость. Они одни и те же у разных народов на протяжении тысячелетий"[3].

Принципы различения правильного от неправильного можно обнаружить в эпоху становления латинского литературного языка в наставлениях М.Т. Цицерона и М.Ф. Квинтилиана по теории и практике ораторской и поэтической речи.

В трактате "De oratore" (III, 12, 44) М.Т. Цицерон писал: "Поэтому, раз есть определенный говор, свойственный римскому народу и его столице, говор, в котором ничего не может оскорбить наш слух, вызвать чувство недовольства или упрек, ничто не может звучать на чужой лад или отзываться чужеземной речью, то будем следовать ему и учиться избегать не только деревенской грубости, но также чужеземных особенностей"[4]. М.Ф. Квинтилиан считал правильностью речи ее urbanitas, т.е. соответствие говору города Рима, а неправильностью — rusticitas — черты сельских говоров Рима: "Urbanitas, по моему мнению, означает речь образцовую по словам и произношению, по употреблению это как бы неотъемлемый вкус города (Рима), и приобретает она безмолвным обучением — из разговоров образованных людей, словом, противоположность ее составляет rusticitas"[5].

Эти же принципы разграничения правильного употребления от неправильного легли в основу определения "хорошего обычая" ("Le bon usage") в сочинении французского грамматиста Кл. Вожла (1585—1650), "Remarques sur la franşoise" (1647) ("Замечания о французском языке"): "Хороший обычай в языке — это манера говорить, установившаяся среди наиболее авторитетной части придворного общества и находящаяся в соответствии с манерой письма у наиболее авторитетных писателей эпохи"[6].

Взгляды В.К. Тредиаковского на понятие употребления не представляют исключения. Рассуждения ученого составляют одно из звеньев традиционного осмысления понятия правильного и неправильного употребления, сложившегося в античной филологической традиции и распространенного в Европе в эпоху становления и формирования национальных литературных языков.

---

[3] *Степанов Ю.С.* Основы языкознания. М., 1966. С. 167.

[4] См.: *Тронский И.М.* Очерки из истории латинского языка. М.; Л., 1953. С. 184.

[5] См.: *Степанов Ю.С.* Указ. соч. С. 168.

[6] См.: *Будагов Р.А.* Понятие о норме литературного языка во Франции в XVI—XVII вв. // ВЯ. 1956. С. 17. Ср. также: *Гуковская З.В.* "Заметки о французском языке" Вожля и проблема французского литературного языка XVII века // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. 1975. Т. 28

В.К. Тредиаковский говорил в своей речи 14 марта 1735 г. перед членами "Российского собрания" — научного общества, организованного им по образцу Французской академии: "Украсят иной (литературный язык. — *В.В.*) в нас двор ея величества в слове наиучтивейший, и богатством наивеликолепнейший. Научат нас искусно им говорить благоразумнейшие ея министры, и премудрейшие священно-начальники, из которых многие, вам и мне известные, у нас таковы, что нам за господствующее правило можно бы их взять было в грамматику и за наикраснейший пример в риторику. Научат нас и знатнейшее и искуснейшее дворянство. Утвердят оной нам и собственное о нем рассуждение, и восприятое от всех разумных употребление"[7].

Лингвистические идеи, изложенные В.К. Тредиаковским в речи 14 марта 1735 г. перед своими слушателями — членами "Российского собрания" — и повторенные в "Lettre d'un Russien...", были сформулированы им ранее как обязательства при поступлении на службу в 1733 г. в Академию наук[8]. В.К. Тредиаковский обязался "вычищать язык руской пишучи как стихами, так и не стихами... окончить Грамматику, которую он начал, и трудиться совокупно с прочими над Дикционарием русским", заниматься переводами и писать риторику[9]. Но последнего своего намерения он не осуществил.

Таким образом, хотя рассуждения М.Т. Цицерона, М.Ф. Квинтилиана, Кл. Вожла, В.К. Тредиаковского о правильном и неправильном употреблении (список имен можно продолжить) относятся к разным историческим эпохам и к литературным языкам, хотя различна социальная основа этих мнений и различно лингвистическое осмысление понятия употребления, но одинакова традиционная направленность этих рассуждений.

Если говорить об эпохе формирования русского национального языка, когда для России характерно русско-старославянское двуязычие, важным является то обстоятельство, из какого языка выводится понятие хорошего употребления.

Проблема употребления как основного критерия для регулирования и нормализации национальной литературной речи всегда была центральным вопросом в лингвистической теории В.К. Тредиаковского. На протяжении своего научного пути он несколько раз менял представление о содержании этой категории.

В молодости В.К. Тредиаковский связывал понятие образцовой литературной речи со старославянским языком. "Славенским языком" он "не только писывал, но и разговаривал со всеми", хотя церковнославянский язык никогда не был разговорным языком.

Свою литературную и филологическую деятельность В.К. Тредиаковский начал с отрицания "славенского языка" как традиционного литературного языка своего времени. В предисловии, предпос-

---

[7] *Тредиаковский В.К.* Стихотворения / Под ред. А.С. Орлова. При участии А.И. Малеина, П.Н. Беркова и Г.А. Гуковского. Л., 1935. С. 331.

[8] Там же. С. 354—355.

[9] *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 43.

ланном переводу романа французского писателя П. Тальмана "Езда в остров Любви" (1730), он писал: "На меня, прошу вас покорно, не изволте погневаться, что я оную (книгу. — *В.В.*) неславенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим"[10].

Главное, что обращает внимание в заявлении Тредиаковского, — это отказ ученого от "славенской" письменнокнижной традиции, так как "язык славенской в нынешнем веке у нас очюнь темен, и многие его наши читая не разумеют" и попытка обосновать права "самого простого русского слова", как языка литературного. Но чтобы новый литературный язык мог выполнить широкие социальные и культурные задачи, поставленные обществом, необходимо выработать нормы, основанные на единстве устной и письменной речи.

В этот период своей деятельности В.К. Тредиаковский, стремясь подчеркнуть единство русского языка, отождествляет устную и письменную речь. Но он понимает, что устная речь находится во власти стихийного, эмпирического, разумно не мотивированного, а поэтому для регулирования этого стихийного процесса необходимо контролирующее действие ряда критериев.

По его мнению, таких критериев, нормализующих речевую стихию, должно быть несколько. Во-первых, это грамматический критерий. Для выработки единых норм литературной речи большое значение он придает грамматике, "доброй и исправной, согласной мудрых употреблению, и основанной на оном". Во-вторых, это критерий образцового словоупотребления, отраженный в "дикционарие полном и довольном". Наконец, это авторитет речевой практики "двора ея величества", "благороднейших ея министров", "премудрых священноначальников", "знатнейшего и искуснейшего благородных сословия" и "приятнейший язык" произведений образцовых писателей.

Только в результате действия этих критериев литературный язык, по мысли ученого, приобретет такие качества, как чистоту, красоту и совершенство. Обращаясь к своим коллегам по "Российскому собранию", В.К. Тредиаковский просит их, чтобы они в новом литературном языке "не правильное исправили, не достаточное пополнили, не приличное приличным и надлежащим украсили, лишнее вон выняли"[11]. Однако равнение на "простой русский язык, каковым мы меж собой говорим", и отрицательное отношение к "славенской" традиции придает лингвистической теории В.К. Тредиаковского известную ограниченность, противоречивость которой он сам понимает.

В начале 40-х годов В.К. Тредиаковский еще разделяет убеждения, высказанные им в предисловии к роману "Езда в остров Любви". Оправдывая выбор языка для своего произведения "Слово о терпении и нетерпеливости", он пишет, что оно сочинено "притом и для сего, дабы самим делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мнимо высокого славенского сочинения"[12].

---

[10] *Тредиаковский В.К.* Стихотворения. С. 324.

[11] Там же. С. 332.

[12] *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 104, примечание.

Но попытка создать литературный язык только на одной русской "природной" основе была заранее обречена на неудачу, так как сложный характер взаимоотношений между русской и "славенской" стихиями в истории отечественной письменной речевой культуры представляется ему неясным. Вместо описания коллективной нормы, основанного на понимании свойств языковой системы, которую В.К. Тредиаковский не изучает, он демонстрирует в языке произведений образец своей индивидуальной нормы. Поэтому подлинного освобождения от "глубокословныя славенщизны" у него не получается, а в "простом русском слове", которым он пишет свои произведения, "славенский" элемент оказывается представленным в достаточно высокой степени.

С середины 40-х годов В.К. Тредиаковский коренным образом изменяет свое понимание употребления в литературном языке. Он возвращается к высокой оценке "глубокословныя славенщизны", которую раньше так решительно отвергал. Старославянский язык становится эталоном, образцом для всех выводов, суждений о нормах современного ему литературного языка.

"Славенский язык" он называет "чистым языком". "Пример славенского языка есть важен и достоин того, чтоб ему следовать", — пишет В.К. Тредиаковский в "Разговоре об ортографии". "Российский наш язык, — продолжает он, — имеет одну, во всем распространении своем, природу с славенским. Тотже самый дух и одна таж душа в нашем, которая и в славенском, так что русский наш язык и называется славенороссийский, то есть российский по народу, а славенский по своей природе"[13].

Но разграничение понятий "славенский язык" и русский язык выступает у В.К. Тредиаковского как разделение между разными языками, а не как дифференциация в пределах единого языка, когда различия между языками переросли в различия стилистические ("штилевые"), как, например, считал М.В. Ломоносов. Причем, важно отметить, для В.К. Тредиаковского понятие "письменный язык" было синонимом понятия "славенский язык".

Хотя "употребление, — говорит В.К. Тредиаковский, — долженствует быть самое общее, то есть, всем одно, и постоянное", но в русском языке есть два употребления, В.К. Тредиаковский называет "правым употреблением" такое, "которое большей части лучших и ученейших людей нравится, ибо основательнее следовать людям честнаго воспитания, извеснаго учения и твердаго рассуждения, нежели чаще грубой и несмысленной подлости". Понятие "правого употребления" должно быть основано на авторитете "славенской" языковой традиции и выводится рационалистическом путем, ибо "ничто лучше праваго разума рассудить между ими ("правым употреблением" и "подлым употреблением". — *В.В.*) не может, и определить, которому из них надлежит следовать". Всякое отступление от "славенской" языковой традиции и разума создает "подлое употребле-

[13] *Тредиаковский В.К.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748. С. 298—299.

ние", которое "есть не употребление, но погрешение, основанное на незнании и на грубости"[14].

В.К. Тредиаковский считает, что "правое употребление" — это речь образцовая, разумная, основанная на знании и соблюдении грамматических правил, а "подлое употребление" — это речь произвольная, не связанная с соблюдением грамматических норм. Если в "правом употреблении" господствует порядок, то в "подлом употреблении" царствует стихия.

"Подлое употребление" Тредиаковский называет "блиннйковым", "площадным". "С умом ли обшчим употреблением называть, — пишет он в "Разговоре об ортографии", — какое имеют деревенскии мужики, хотя их и больше нежели какое цветет у тех, которыи лучшую силу знаютъ в языке? Ибо годится ль перенимать речи у сапожника, или у ямшчика? А однако все сии люди темже говорят языком, что и знаюшчии; (то есть, которыи или хорошее имеют воспитание, или при дворе обрашчаются, или от знатных рождены, или в науках, и в чтении книг с успехом упражнялись) но не столь исправным способом, природным языку, коль искусны. Первыи говорят так, как они для нужды могут; но другии, как должно, и с рассуждением. И понеже употребление языка, есть не нечто слепое, благоразумное, для того что благоразумными утверждаемое, и отъ искусных восприемлемое, того ради и силу они толь великую имеет над языком"[15].

Таким образом, В.К. Тредиаковский создает теорию двух употреблений.

В основе того варианта литературного языка, который он называет "славенским" или "уже славенороссийским, непосредственно проистекающим от того", лежит "правое употребление", этимологически связанное с "глубокословныя славенщизной".

"Правое употребление" может быть выработано, по его мнению, лишь в результате "прилежного труда". Поэтому не всякий писатель может отразить в языке своих произведений "правое употребление", а только тот, кто при их создании учитывает ряд правил.

Основное требование, предъявляемое В.К. Тредиаковским к авторам, — знание "славенского языка", который постигается "довольным чтением наших церковных книг" и который дает "обилие избранных слов" и "навык к правильному составу речей между собою". Позиция, занятая В.К. Тредиаковским в вопросе о "чтении церковных книг", ничего не имеет общего с ломоносовским отношением к "пользе книг церковных в российском языке". У В.К. Тредиаковского она обнаруживает "характерное для церковно-книжника фетишистское отношение к словам, которые в богословском или церковно-богослужебном языке имели условно-символическое, религиозное значение"[16].

---

[14] См.: *Вомперский В.П.* Ненапечатанная статья В.К. Тредиаковского "О множественном прилагательных целых имен окончении" // Филол. науки. 1968. N 5. С. 88.

[15] *Тредиаковский В.К.* Разговор между чужестранным человеком и российским... С. 315.

[16] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1938. С. 78.

Получение образования на иностранном языке приводит, как считает В.К. Тредиаковский, к незнанию "гражданского российского языка", к появлению в родном языке варваризмов.

Наконец, заключительное требование связано с пропагандой старого, схоластического образования, без которого "не токмо великому поэту, но и посредственному быть невозможно". Прежде чем стать поэтом, полагает он, нужно основательно изучить "латинский язык, грамматику, риторику, поэтику, философию, историю, хронологию и географию".

Естественно, что ни один из современных В.К. Тредиаковскому писателей не может удовлетворить его требованиям, кроме незначительных последователей вроде Стефана Витынского, автора "Эпиникиона (1739), "профессора философии Харьковской Славено-латинской коллегии". Идеал литературного языка Тредиаковский видит в творчестве таких старых писателей второй половины XVII — начала XVIII в., как Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Федор Поликарпов, Иван Ильинский, Петр Буслаев.

Эти образцовые писатели "и по составлению, и по исправности грамматического сочинения, и по чистоте речей, и по избранию слов, и по их приличию, и по самому пиитическому духу" превосходят других писателей. В этот список В.К. Тредиаковский включает и Антиоха Кантемира, но в данном случае ученый ценит его не столько как писателя-сатирика, хотя и отдает должное его таланту, сколько как автора "Симфонии" (1727), или конкордации, — алфавитного указателя слов, выражений и фраз, которые употреблялись в конфессиональных текстах, и как "ученика, прославляющего именем и удобопонятностью учителя своего, помянутого Ильинского". В число образцовых сочинений он включает и свои произведения, но вместе с тем в списке авторитетных писателей отсутствуют имена М.В. Ломоносова, А.П. Сумарокова и новых писателей так называемых писателей дворянской литературы, популярных в то время.

Существенно отметить, что ученые, писатели, образованные люди того времени отрицательно относились к теории двух употреблений В.К. Тредиаковского. Принципиально иная точка зрения, например, разделялась М.В. Ломоносовым. "Довольство российского слова и собственным достатком велико"[17], — писал ученый. М.В. Ломоносов связывает понятие употребления с понятием единых норм русского национально-языкового выражения. Он обосновывает понятие "общего употребления" историческим анализом развития "российского" и "славенского" языков и глубоким описанием системы современного ему русского языка. В подготовительных материалах к "Российской грамматике" он, например, ставит такую задачу: "О славенском языке и о нашем, как и когда он переменился и что нам должно из него брать и в письме употреблять"[18].

В.К. Тредиаковский был вынужден признать, что и "при дворе

---

[17] *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 591.
[18] Там же. С. 606.

некоторыи не принимают двоякаго употребления в языке, и ссылаются по большей части на непрямое и испорченное от простаков"[19].

Как и французские классицисты, которые вопреки старинной пословице "о вкусах не спорят" выдвинули понятие "хорошего вкуса" и "дурного вкуса"[20], В.К. Тредиаковский делает понятие вкуса одной из центральных стилистических категорий своей теории.

Он наполняет его рационалистическим содержанием. Выработка "хорошего вкуса" зависит от знания церковных книг, старославянского языка, от полученного образования и "доброго воспитания". Поэтому отсутствие одного из этих обоснований понятия воспринимается как отсутствие "хорошего вкуса".

"Хороший вкус" объявляется самодовлеющей категорией, единой и неизменной, основанной на правилах. Следование правилам дает возможность создать представление о хорошем языке, об образцовом стиле изложения. Образцы хорошей литературной речи можно найти только у "искусных людей". Все, что не укладывается в правила, считается "дурным", "площадным". "Хорошо", "право", "худо", "очень худо", "неправильно и досадно слуху", "весьма неисправно", "против искусных людей употребления", "основано на площадном употреблении", "по-площадному", "весьма неправо и развращенно", "развращенное употребление" — таков неполный список социально-экспрессивных оценок, которые В.К. Тредиаковский применяет при истолковании трудных и спорных случаев описания норм русского литературного языка.

Ссылки на отсутствие вкуса у того или иного писателя постоянны в критических статьях В.К. Тредиаковского. Он пишет о языке произведений А.П. Сумарокова: "Твоей державы, вместо твоея, неправо и досадно нежному слуху"; "Любезной дщери, вместо любезныя дщери, есть неправильно и досадно слуху, для того что существительного имени дщери есть полный родительный падеж, а прилагательного любезной есть сокращенный, или лучше развращенный от народного незнания, а в самой вещи он есть дательный. Следовательно, в красном сочинении дательный падеж за родительный употреблять очень худо"[21].

С начала 30-х годов в произведениях В.К. Тредиаковского наблюдается употребление слова *вкус* в переносном значении 'развитое чувство изящного, повышенная способность эстетического восприятия и оценки'[22]. Он последовательно вводит в литературный язык слово

---

[19] *Тредиаковский В.К.* Разговор между чужестранным человеком и российским... С. 314.

[20] Ср., например, какое значение придавалось в Древней Греции грамматике для воспитания стилистического вкуса. Об этом писал французский писатель-классицист и ритор Шарль Роллен (в переводе В.К. Тредиаковского): "Сперва отдавали отроков к учителям грамматики, кои им показывали правила и основания природного их языка, также и то, чтоб им чувствовать всю его красоту, силу, число, и меры падений. От сего точно происходил в них оный совершенный и тонкий вкус, бывший обще в Афинах" (Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках... СПб., 1753. Т. 4. С. 308).

[21] *Тредиаковский В.К.* Стихотворения. С. 369, 375.

[22] Уже "Немецко-латинский и руский лексикон купно с первыми началами руского языка" (СПб., 1731, с. 240) разграничивает прямой и переносный смысл слова вкус:

вкус в новом значении. Так как понятие "хорошего вкуса" основано на "прямом употреблении", то разное осмысление понятия "употребление" неизбежно сказывается на различном понимании вкуса. Если в 1730 г. В.К. Тредиаковский пишет, что "язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, то позднее, начиная с 40-х годов, постоянны указания на "красоту, высокость, сладость славенского языка"[23].

Переносное значение слова *вкус*, возникшее под воздействием польского, немецкого и французского языков, можно проиллюстрировать следующими примерами из оригинальных произведений и переводов В.К. Тредиаковского[24].

В переводе итальянской комедии "Газета, или Ведомости" (1733): "Панталон Смералдину нашол по своему вкусу, и стал с нею играть"[25].

"Geschmack (Sinn), gustus — "вкушение (чувство); in der Speise, sapor — укус, вкус". Антиох Кантемир приводит слово *вкус* с переносным значением в примечаниях ко II-й сатире (первая редакция, конца 1729 или начала 1730 г.). Он пишет, что слово *вкус* как семантическая калька с французского goût характерно для щегольской речи (*Кантемир А.Д.*Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868, Т 1. С.224). См. также: *Hüttl-Worth G.* Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien. 1956, S. 24, 67, 86; *Hüttl-Worth G.* Thoughtes on the Turning Point in the History of Literary Russian: the Eighteenth Century // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics 1970. Vol. 13. P. 133; *Успенский Б.А.* Из истории русского литературного языка XVIII — начала XIX века. М., 1985. С. 134—135.

[23] Существует мнение о том, что с конца 40-х годов В.К. Тредиаковский в своем творчестве не руководствовался критерием вкуса. "Начать с того, что термины вкус и употребление обозначают у Тредиаковского, — пишет А.А. Алексеев, — в принципе одно и то же понятие нормы, основанной на разговорной практике, главной чертой этой нормы является нѣжность. Можно сказать, что с точки зрения Тредиаковского вкус — критерий употребления. Однако, как было отмечено выше, лингвистическое значение понятия употребление с того времени, как для Тредиаковского образцом стал церковнославянский язык, а высшим критерием — разум, подверглось сильной уценке: понятие вкус и употребление потеряли свое значение орудий языкотворчества" (*Алексеев А.А.* Эволюция языковой теории и языковая практика Тредиаковского // Литературный язык XVIII века: Проблемы стилистики. Л., 1982. С. 121).

С этим трудно согласиться. Ведь В.К. Тредиаковский с середины 40-х годов XVIII в. пытается реставрировать литературные права церковнославянского языка, обнаруживает зависимость письменной нормы от языка церковных книг и отдает предпочтение этому источнику нормы литературного языка. В основу реставрации церковнославянского языка он кладет не только понятие чистоты языка, но и вкуса как понятия нормы, вытекающей из практики применения церковнославянского языка.

[24] Переносное значение слова *вкус* отмечают и французско-русские словари. Самая ранняя фиксация в кн.: "Французской целлариус, или полезной лексикон, из которого без великаго труда и наискоряе нужнейшим французскаго языка словам научиться можно, с приложением реестра по алфавиту Российских словъ. В Москве, в Университетской Типографии у Н. Новикова, 1782 года". В этом словаре французское goût, m. разъясняется с помощью синонимов "вкус, нрав" (с. 330). Ср., также: "вкус — смак" (с. 563).

[25] См.: *Перетц В.Н.* Итальянские комедии и интермедии, представленные при дворе императрицы Анны Иоанновны в 1733—1735 гг. Тексты. Пг., 1917. С. 52. Интересный пример использования слова *смак* в значении, эквивалентном переносному в слове *вкус*, наблюдается в сцене из итальянской "интермедии на музыке" "Подрятчик оперы в островы Канарийские" (1733). Антрепренер Нибий приехал в Италию, чтобы заключить с "славной музыканткой Дориной" контракт петь в оперном театре "на Канарийских островах". Певица отказывается от этого предложения, говоря, что "я не знаю тамошняго

В "Разговоре между чужестранным человеком и российским об ортографии" "Знаю, что много таких, которыи и хорошему смеются, ежели оно не по их вкусу, не меньше и таких, кои и худому и доброму насмешками своими не спускают" (с. 396).

В "Предъизъяснении" к "Тилемахиде"[26]: "Порок во многих из нас разсуждать о всем по вкусу нашего века и народа" (с. XXVII).

"...когда Вкус къ исправной Изящности поврежденъ, развращенныхъ Новостей Строптивостями"[27].

ТЕОРИЯ ТРЕХ СТИЛЕЙ В ИЗЛОЖЕНИИ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО

Традиционный прицип трехчленного деления речи был хорошо известен В.К. Тредиаковскому, так как он, как и все писатели и ученые его времени, разделял убеждение о существовании теории трех стилей как универсального приема для разграничения стилистических контекстов литературного языка.

В.К. Тредиаковский использует принцип трехчленного деления в своих сочинениях по филологии. Он распространяет этот прием на разные уровни классификационных построений. Трехчленные методы применяются им на уровне предметов, тем, языковых стилей и жанров. Он пишет, что предмет, о котором идет речь, "материя" определяет собою природу стиля[28].

Очень важно заметить, что в его сочинениях отсутствует связное изложение трехчленных методов изучения лексики и грамматики, подобных описанию, сделанному М.В. Ломоносовым в "Риториках", "Российской грамматике", "Предисловии о пользе книг церковных в российском языке". Объясняется это тем, что намеченная В.К. Тредиаковским в "Речи к членам Российского собрания марта 14 дня 1735 года" программа работ по русскому языкознанию, которая включает в

языка и что меня там не будут разуметь". Но Нибий успокаивает ее: "Нет в том вам никакой трудности, потому что слог речей в опере ни зачто людям; смак уже ныне в том переменился; довольно, чтоб хорошо было пето, а на слова не смотрят" (с. 121).

[26] Полное название произведения: Тилемахида или странствование Тилемаха сына Одисева описанное в составе ироическия пиимы Василием Тредиаковским Надворным Советником членом санктпетербургския Императорския академии наук с Французская нестихословныя речи сочиненыя Франциском де-Салиньнякомъ де-ла-Мотомъ Фенелоном Архиепископом — Дюкомъ Камбрейским Принцом Священныя Империи. В Санктпетербурге 1766 года. G. Hüttl-Worth приводит следующие словосочетания с переносным значением слова *вкус* из "Тилемахиды" по смирдинскому изданию поэмы: ложный то вкус, конечный верх доброго вкуса (Сочинения Тредиаковского: Изд. А. Смирдина, Т. 2. СПб., 1849. С. 15) (См.: *Hüttl-Worth G.* Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. Wien, 1956. S. 86.

[27] Эта фраза, как указывает В.К. Тредиаковский, представляет собою перевод отрывка из "Разглагольствований о всемирной истории" Боссюэта: "...quand le gout a été gaté par des nouveautes et des hardiesses bizarres?" (См.: "Предъизъяснение" к "Тилемахиде", с. 11).

[28] Ср., например, в "Новом и кратком способе к сложению российских стихов": "В нем (в сонете. — *В.В.*) коль та материя важная и благочестивая, толь и стиль есть красный и высокий" (см.: *Тредиаковский В.К.* Избранные произведения / Вступительная статья и подготовка текста Л.И. Тимофеева. М.; Л., 1963. С. 386. В дальнейшем цитаты из этого издания приводятся с указанием страницы в скобках.)

себя создание грамматики, "дикционария", риторики и "стихотворной науки", не была полностью им реализована. Он и это научное собрание не создали ни грамматики, ни риторики, ни словаря, ни лексикологических исследований. Лишь В.К. Тредиаковский написал ряд сочинений по ораторскому искусству, по стиховедению и поэтике.

На самых существенных этапах классификационных построений, на уровнях лексическом и морфолого-синтаксическом, которые определяют лингвистическую сущность стилистической теории, трехчленное деление отсутствует. Поэтому трехчленное деление в теории В.К. Тредиаковского представляет собою лишь логическую операцию, лишенную лексического и морфолого-синтаксического содержания.

Отсутствие в теории В.К. Тредиаковского четко сформулированного понимания языкового стиля восполняется изложением характеристики стилей, в которых роль языковых средств в построении речи и в словоупотреблении оценивается с точки зрения соответствия их условному идеалу. Этот условный идеал может быть связан с положительной или отрицательной характеристикой манеры словесного изложения или с оценкой языковых средств, употребленных тем или иным автором в своих произведениях.

Для него постоянны такие терминологические сочетания, как благородный стиль, совершенный слог, неровный стиль, краткий стиль, стиль Софокла, слог Эсхила и т.п.[29]

Вот несколько иллюстраций из оригинальных произведений В.К. Тредиаковского и из его переводов сочинений теоретиков французского классицизма. Из "Оды благодарственной":

"О! муза, в краткий слог, что в сердце, собери,
Елисавету в нем со мной благодари" (183).

Из "Мнения о начале поэзии и стихов вообще":

"Все гремело священными песньми, которых слог благородный, высокий и величественный сходствовал с величием бога, прославляемого оными"[30].

Из перевода "Древней истории об египтянах" Шарля Роллена:

"Кажется, что Иамбический стих, каков найден от Архилоха, был весьма способен к крепкому и сильному стилю" (2, 329).

"Стиль его (Демосфена. — *В.В.*) был устремительный, сжатый, и краткий" (4, 327).

"Архилох имел некоторую силу в изображении чрезвычайную, мысли смелые, и такие речи, которые кратки, но жарки и проницательны; словом, стиль его былъ весьма тверд и силен" (2, 330).

В русской литературе 30—60-х годов XVIII в. проблема стиля жанра в том значении, в котором она отражается в новой литературе, еще не существует. Это замечание сохраняет свою силу и при характеристике понятия стиля жанра в теории В.К. Тредиаковского.

Понятие стиля жанра он раскрывает следующим образом. Нельзя

---

[29] В поэтических произведениях и в филологических трудах В.К. Тредиаковский пользуется двумя терминами: "стиль" и "слог".

[30] *Тредиаковский В.К.* Стихотворения. С. 413.

говорить о специфических языковых приметах жанра, так как выбор языковых средств жанра определяется предметом изображения, "материей", и тем языковым стилем, к которому прикрепляется соответствующий жанр. Но состав языковых средств жанра еще зависит от того, к какому из типов литературной речи, к прозе или к стихам, относится тот или иной жанр. Поэтому важное место в его теории занимает учение о поэтических вольностях, которые являются одним из слагаемых языковых средств стиховой речи.

УЧЕНИЕ О ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЯХ

В.К. Тредиаковский излагает учение о поэтических вольностях в трактате "Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий" (1735).

Репертуар поэтических вольностей, по его мнению, отличается пестротой и разнообразием. С точки зрения словообразовательной в него входят не только фонематические варианты слова (например, *будь* и *буде, как* и *како, или* и *иль, хотя* и *хоть, болото* и *блато, молодой* и *младой, ночь* и *нощь*), акцентологические варианты, особенно многочисленные в рифме (например, *погод — выгод, небеса — коса, свещи — помощи*)[31], формально-грамматические варианты (например, *воздвиг — воздвигнул, писать — писати, пишешь — пишеши*) и окказиональные варианты, создаваемые поэтом (например, *свирепы* вместо *свирепые, котору* вместо *которую, вселенна* вместо *вселенная*), но и слова и целые словосочетания. К числу поэтических вольностей он, например, относит слова *рыцарь, рать, ратоборец,* и т.п., которые не употребляются в живой речи, но им "можно в стихе остаться", и отрицательные конструкции с переходным глаголом и дополнением в родительном падеже, например, "Внутреннего покоя мне сыскать не можно" вместо "Внутренний покой мне сыскать не можно". "Но сия вольность велика, — замечает Тредиаковский, — того ради редко или, как можно, никогда ее не употреблять" (380).

Понимая, что описание словообразовательных типов поэтических вольностей дает возможность охарактеризовать их грамматическую природу, но одного этого явно недостаточно, В.К. Тредиаковский описывает стилистическую природу и функции "вольностей в стихе". Для этой цели он создает целый ряд оппозиций, которые при своем противопоставлении обнаруживают стилистические свойства поэтических вольностей.

---

[31] История поэзии первой половины XVIII в. полна взаимных обвинений в нарушении расстановки ударений "за нуждою меры". В.К. Тредиаковский возражает против неправильных, с его точки зрения, ударений в стихотворениях М.В. Ломоносова, который в свою очередь отмечает аналогичные явления в стихотворениях Тредиаковского (Пометки В.К. Тредиаковского на стихотворениях М.В. Ломоносова, вошедших в пространную "Риторику" см.: *Ломоносов М.В.* Сочинения / Под ред. М.И. Сухомлинова. Изд. Академии наук. СПб., 1895. Т. 3. С. 432, 442, 444, 468, 554, 561. Пометки Ломоносова на стихотворениях В.К. Тредиаковского, включенных в "Новый и краткий способ к сложению российских стихов" см.: *Берков П.Н.* Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.; Л., 1936. С. 56).

В.К. Тредиаковский считает самым существенным противопоставление стиховой речи речи прозаической. В основе стихотворной речи он видел "две вещи": "Первое: материю или дело, каковое пиита предприемлет писать. Второе: версификацию, то есть способ сложения стихов. Способ сложения стихов весьма есть различен по различию языков" (366). Прозаическая речь отличается тем, что она не имеет "меры стоп и падения" (т.е. стихотворного размера. — *В.В.*) (367). А поэтому вольность — это "некоторые слова, которые можно в стихе токмо положить, а не в прозе" (377).

Но как ни принципиально противопоставление стиховой и прозаической речи, оно не может полностью очертить круг поэтических вольностей, существующих в языке поэзии. Поэтому у В.К. Тредиаковского возникает другая оппозиция "слова и формы книжнославянской речи — слова и и формы живой "российской речи".

Это противопоставление дает возможность ему указать на то, что целый ряд поэтических вольностей представляет собой параллель к живому русскому словоупотреблению. Вот одна иллюстрация. "Многие звательные падежи, которые у нас все подобны именительным (кроме преблагословенных и превысоких сих имен: боже, господи, Иисусе, Христе, сыне, слове, то есть воплощенное слово), могут иногда в стихах образом славенских кончиться. Так, вместо Филот может положиться: Филоте, что я и употребил в одной моей сатире" (379). Тредиаковский имеет в виду такие случаи, когда употребление звательного падежа создает лишний слог в строфе. Но это могло быть только у имен существительных мужского рода, которые в звательном падеже по сравнению с именительным имели на слог больше. Имена существительные женского и среднего рода имели одинаковое количество слогов в именительном и в звательном падеже.

Рассмотренную систему противопоставлений В.К. Тредиаковский дополняет формулировкой трех стилистических правил, которые необходимо учитывать при создании всякой поэтической вольности.

Во-первых, модель поэтической вольности должна покоиться на нормах "российского языка". Необходимо помнить, чтобы "речение, по вольности положенное, весьма распознать можно, что оно прямое российское" (380).

Эту мысль он иллюстрирует следующим примером. "Можно положить, — пишет ученый, — вместо берегу — брегу, бережно — брежно, стерегу — стрегу. Но острожно вместо осторожно не возможно положить. Итак, — заключает он, — кажется мне, что те стихотворцы, хотя и с другой стороны и достойны похвалы, весьма великую и нашему языку противную употребляют вольность, когда кладут вместо, например, из глубины души — с глубины души, вместо имею способ — мею способ" (380).

Ср. также такое определение В.К. Тредиаковского: "Прилагательные единственные мужского рода, кончащиеся на и краткое тако: й, могут, по нужде, оставлять краткое и. Так, вместо довольный может положиться в конце стиха: довольны. Однако надлежит смотреть, чтоб некоторое речение, напереди положенное определяло

разум так, чтоб ясно было, что то прилагательное единственного есть числа. К тому же стараться надобно весьма, что, как возможно, не часто сию вольность употреблять, понеже она гораздо великовата" (378).

Важно отметить, что, формулируя это стилистическое правило, В.К. Тредиаковский полемизирует с Мелетием Смотрицким и с поэтами-виршевиками, которые при создании "страстей речений" не учитывали их коммуникативной функции в поэтической речи.

Во-вторых, при выборе поэтической вольности "в сем случае больше надобно держаться общего употребления" (379).

В-третьих, употребление "вольности в стихах" должно оцениваться с точки зрения такой стилистической категории, как понятность. Всякие изменения в слове с целью создания поэтической вольности не должны приводить к искажениям в его "знаменовании", т.е. в семантике.

"Некоторые слова, — пишет В.К. Тредиаковский, — могут менять, буде того нужда требует в стихе, гласные свои письмена на другие, но так, чтоб то было несколько употребительно и слово бы осталось в том же знаменовании; так же когда будут два те же или разные согласные письмена в речении, то одно выкинуться может, ежели потребно быть имеет; так, вместо камера — камора; вместо миллион — милион; вместо прелестный — прелесный. Однако сие редко надобно быть может" (379—380).

Таким образом, В.К. Тредиаковский первым осмысливает поэтические вольности не как формальное собрание вариантов слов, а как языковое явление, функционирующее в поэтической речи и обладающее определенными словообразовательными и стилистическими свойствами. Специфические признаки поэтических вольностей можно выявить только в сопоставлении их с соответствующими явлениями общелитературного языка. В этом заключается его заслуга в изучении поэтических вольностей. Взгляды В.К. Тредиаковского сказались в той или иной мере на всех попытках описания поэтических вольностей, в том числе и на сочинении А.Д. Кантемира "Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских" (1744). Но учению В.К. Тредиаковского о поэтических вольностях были свойственны три противоречия.

1. Пытаясь разрешить вопрос о стилистических особенностях поэтических вольностей, он переносит все выводы, полученные при изучении этого языкового явления на природу стихотворной речи вообще. Между тем вольности представляют собою лишь часть языковых средств поэтической речи, причем меньшую.

2. Не обладая историческим взглядом на развитие языка и не умея разрешить проблему архаизмов в новом литературном языке, он включает в репертуар языковых средств поэтической речи значительное число устарелых слов, выражений и грамматических форм, которых в живой речи не было. В результате стихотворная речь была отделена от живой речи и отличалась значительной архаичностью. Живая стилистическая картина современной стихотворной речи оказывалась в подобных описаниях искаженной.

Правда, в какой-то степени В.К. Тредиаковский (не без воздействия прочитанного "Письма Харитона Макентина" А.Д. Кантемира) позднее поймет, что необходимо устранять из стихотворной речи некоторые устарелые формы. При подготовке для издания "Сочинений и переводов" (1752) стихотворений, написанных в 30—40-х годах, он будет последовательно исключать из новой редакции произведений архаические энклитические местоимения *мя, тя, ми, ти* и т.п. и инфинитивы на *-ти*. Но это не помешает ему оставить в тех же стихотворениях много других устарелых слов, выражений и грамматических форм.

3. В 30-е годы, на уровне языковедческих знаний того времени, невозможно было описать все типы поэтических вольностей, которые употреблялись в стихотворной речи. Особую трудность для изучения представляли поэтические вольности — окказионализмы.

ОБОСНОВАНИЕ В.К. ТРЕДИАКОВСКИМ ПОНЯТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ. В.К. ТРЕДИАКОВСКИЙ И "АВТОРОВ СТИЛЬ"

Теория трех стилей в том виде, в котором она слагается к середине века, предполагает расслоение литературного языка на замкнутые сферы — языковые стили. Жанровые стили литературы классицизма соответствуют нормам общего языкового развития. В искусстве классицизма отрицается индивидуальная свобода художественного творчества. Литературно-художественное произведение соотносится не столько с автором, сколько со стилем языка, которым оно пишется, и с жанром.

Распад системы трех стилей и формирование функционально-речевых стилей создают реальные возможности для выражения в литературе индивидуально-личного начала и его влияния на развитие литературного языка. Первая попытка теоретического обоснования понятия индивидуально-художественного стиля в русской литературе и в русском литературном языке связана с именем В.К.Тредиаковского.

В 1751 г. В.К. Тредиаковский публикует перевод с латинского на "славено-российский язык" "героической повести" английского писателя Джона Барклая (1582—1621) "Аргенида"[32]. "Аргенида" была одним из популярных произведений европейского классицизма XVII в., и к середине XVIII в. эта повесть была переведена на все европейские языки. В.К. Тредиаковского это произведение заинтересовало своими художественными достоинствами и политической тенденцией просвещенного абсолютизма, которая была изложена Барклаем в жанре аллегорического романа из истории Франции и других европейских государств XVII в[33].

---

[32] Мы пользуемся традиционной транслитерацией фамилии Барклая (Barclay), а не новой (Баркли), предложенной составителями "Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800", М. Т. 1, N 390. С. 74.

[33] Ломоносов также высоко ценил "Аргениду" Барклая. Он постоянно ссылался в своих сочинениях по риторике на это произведение (см.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1852. Т. 7. С. 222, 223, 354, 355, 362).

Аллегорическая форма повествования и стиль "героической повести" вызвали оживленные споры критиков и читателей о художественных достоинствах "Аргениды". Почитатели таланта автора, к числу которых относился и В.К. Тредиаковский, считали, что "Аргенида" является произведением высокого стиля, так как оно было посвящено, как писал переводчик, "преславному, знатному, отменному и царской верховности достойному", и ставили повесть Барклая в ряд с произведениями Гомера, Виргилия, Камоэнса, Мильтона, Тассо.

Критики же видели в "Аргениде" произведение среднего стиля, отступающее от норм "высокого классицизма". Непропорциональное соотношение украшенных и неукрашенных средств языка, приведшее к употреблению "дерзновенных метафор", и отсутствие подражания классическим образцам в "способе писания" — вот два существенных, по мнению критиков, недостатка, которые были присущи "Аргениде".

Хотя со времени выхода в свет первого издания "Аргениды" прошло 130 лет, однако замечания критиков и исследователей были еще живы[34]. И для того, чтобы убедить русских читателей в том, что их вниманию предлагается образцовое произведение, написанное высоким стилем, В.К. Тредиаковский пишет обширное "Предуведомление от трудившегося в переводе", в котором он излагает свою оценку произведения Барклая[35]. В этом "Предуведомлении" он обосновывает право писателя на "свой собственный характер сочинения".

В.К. Тредиаковский мыслит понятие "авторова стиля" в пределах норм поэтики и стилистики классицизма. Важнейшее требование классицизма, предъявляемое к автору, — подражание. Он видит отличительную особенность поэзии в подражании "наук" "естеству". "Подражание, — пишет В.К. Тредиаковский в статье "Мнение о начале поэзии и стихов вообще", — есть следование во всем естеству описанием вещей и дел по вероятности и подобию правде. Творить по-пиитически есть подражать подобием вещей возможных истинных образу"[36].

В "Предизъяснении об Ироической Пииме" он, разъясняя семантику слова *зограф* через глоссу *живописец*, формулирует эту же мысль в виде афоризма: "Пиит есть Зограф Естества"[37]. Подражание в равной степени свойственно всем жанрам и видам литературы,

---

[34] Первое издание "Аргениды" вышло в свет в год смерти автора, в 1621 г. О спорах вокруг "Аргениды", продолжавшихся позднее, В.К. Тредиаковский писал и в 1766 г. в "Предизъяснении об Ироической Пииме", помещенном в первом издании "Тилемахиды": "Не чуждель, посему, или паче дико, что некоторые у нас и не без нескольких талантов люди, запрещали порицая с кафедры, как говорят, чтение Тилемаха и Аргениды, обеих же пиим несравненных? Видно, не уразумели они или уже не потщались уразуметь, что первая книга есть ифическая философия самая совершенная, а другая философия ж политическая самая превосходная, каких не было поныне в ученом обществе" (*Тредиаковский В.К.* Тилемахида. СПб., 1766. С. XXXIV).

[35] В дальнейшем в скобках указываются страницы "Предуведомления" по изданию: Аргенида повесть героическая сочиненная Иоанном Барклаием а с латинскаго на славенороссийский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная... СПб., 1751. Т. 1—2.

[36] *Тредиаковский В.К.* Избр. соч. Изд. П. Перевлесского. М., 1849. С. 28—29.

[37] *Тредиаковский В.К.* Тилемахида. С. V.

которые отличаются друг от друга способами и средствами подражания.

Другой эстетической категорией, которая связа́на с подражанием, является правда. В.К. Тредиаковский считает, что изображение правдиво тогда, когда оно подражает "натуре". "Всяк искусный ведает, —писал он, — что существенное свойство, по которому Пиит Пиитом, состоит в том, чтоб вымыслы его были вероятны, то есть, чтоб они не таким были изображением вещей и дел, как они находятся, или каким порядком производимы были, но таким, как правде подобно быть могли. Сие значит, что Пиит есть подражатель натуре" (с. LXXXVII).

Если поэт постигнет предмет изображения, "натуру" в соответствии с законами и предписаниями поэтики классицизма, то, сравнив между собою разные образцы "способов писания"[38] у различных авторов, можно выявить признаки "авторова стиля" данного писателя. "Способ писания, который предпочел Автор (Барклай в "Аргениде". — *В.В.*), или еще и справедливее, который он изобрел, не знаю, был ли кем употреблен до него латинским языком: оный есть "совершенно, кажется, новый и можетъ быть на сем языке небывалый"; "как то и сам авторъ сомневаясь утверждает в дедикации своей, приписанной Лудовику XIII, Французскому Королю" (с. VIII—IX). "Авторов стиль (т.е. стиль "Аргениды" Барклая. — *В.В.*) подлинно не сходен с Цицероновым, для того что Цицерон не по пиитически писал; а ежелиб он повесть же какую сочинял, тоб ему неприличнобыло употребить в ней иной род стиля, однако Авторов стиль притом есть всеконечно Римский точно, и так исправный, что не токмо все веки и народы его истребить не захотят, но все веки и народы удивляться ему не перестанут" (с. XCVII).

Но выявление "авторова стиля", как считает Тредиаковский, должно быть основано на учете ряда лингво-стилистических признаков. В "Предуведомлении от трудившегося в переводе" он выделяет лингво-стилистические признаки двух типов.

Во-первых, он указывает такие стилистические качества литературного произведения, как "красота стиля", "пропорциональность" в употреблении речевых средств, "ясность смысла", "отсутствие монотонии", т.е. монотонности, однообразия в стиле. Эти качества В.К. Тредиаковский признает объективными и рациональными качествами стиля, которые существуют в его теории, по справедливому замечанию Г.А. Гуковского, как "нечто измеряемое, точное и в то же время независимое от духовного произвола личности, нечто независимое и от творца, и от воспринимающего искусство, и от самого объекта изображения, нечто логически-формальное"[39].

Во-вторых, произведение литературы обладает и такими стилистическими качествами, которые можно, строго говоря, назвать

---

[38] Понятие "способ писания" означает у Тредиаковского: 'следование нормам образцовой литературной речи, совокупность действий, приемов для достижения образцовой литературной речи'.

[39] *Гуковский Г.А.* Тредиаковский как теоретик литературы. С. 66.

индивидуально-авторскими в прямом значении этого слова. К числу их он относит — "форму авторова стиля", "весь способ в соединяемых материях, и от них в отступлении, равно как и в украшении" (с. IX). Эти качества определяют характер "авторова стиля", которые зависят от свойств языка, на котором создается произведение литературы. "Каждый Автор, — отмечает В.К. Тредиаковский, — свой собственный характер сочинения имеет, который токмо в сем долженствует быть согласен, чтоб был по природе того языка, которым кто пишет" (с. XCVI). В этой связи можно привести еще одну иллюстрацию из того же "Предуведомления", в котором В.К. Тредиаковский, отстаивая концепцию классицизма о единстве духа языка оригинала и перевода в произведениях литературы, в то же время пишет о важности дифференцированной оценки понятия "авторова стиля" применительно к различным литературным языкам. "Правда, я с ним (Барклаем. — *В.В.*) не из одной земли, и по месту рождения нет мне до него дела. Однако, правда есть всех веков и земель; да и я такое имею с защищаемым Автором соединение, что почитай с ним некоторым образом один и тотже человек, ибо переводчик дышит, чтоб так сказать, токмо что Авторовою душою. Впрочем, я защищаю только Автора в рассуждении его Латинскаго языка, а не в рассуждении нашего" (с. CII—CIII).

Говоря о стремлении В.К. Тредиаковского обосновать право автора на "собственный способ писания", следует подчеркнуть, что это первая попытка в истории русской филологии теоретического описания понятия индивидуально-художественного стиля в рамках рационалистических норм классицизма. Важно указать также и на другую ограниченность построений В.К. Тредиаковского. Он обосновал свое понимание индивидуального стиля писателя, привлекая материалы античной и новолатинской европейской литературы, особенно развившейся с эпохи Возрождения, и тех образцовых произведений европейских писателей, которые переводились на латинский язык[40]. В.К. Тредиаковский и не пытался использовать данные истории русской литературы для своей теории. Естественно, это делает его научную позицию внутренне противоречивой и уязвимой для критики.

Лишь разрушение жанров классицизма и системы трех стилей, выработка норм национального литературного языка, формирование новых понятий словесного искусства (образа автора — повествователя, образа автора — рассказчика и т.п.), создание новой системы речевого выражения в структуре художественного произведения — все эти важные процессы подготовили почву для формирования понятия индивидуально-художественного стиля в том значении, в котором оно употребляется в современную эпоху.

Но как бы ни были важны эти объективные факторы, содействовавшие формированию и прояснению индивидуально-художественного

---

[40] В.К. Тредиаковский, например, очень высоко ценил роман Фенелона "Приключения Телемаха", который на протяжении первой половины XVIII в. был три раза переведен с французского на латинский язык.

стиля, все же роль творческой личности — важнейшее звено в этом процессе. Понадобились творческие усилия выдающихся русских писателей конца XVIII — начала XIX в. Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, чтобы сделать осязаемым понятие индивидуально-авторского стиля.

ЗНАЧЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В.К. ТРЕДИАКОВСКОГО В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Стилистические взгляды В.К. Тредиаковского — важное звено в развитии и становлении лингвистической мысли в России. Без изучения его стилистической теории история отечественных учений XVII—XVIII вв. представляется неполной и искаженной. Справедливая мысль, высказанная еще А.С. Пушкиным: "Изучение Тредиаковского приносит больше пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей", — сохраняет свою силу и в наше время, когда советская наука решительно отвергла недооценку его научной и поэтической деятельности и вскрыла ту положительную роль, которую играл В.К. Тредиаковский в истории литературного языка и русской литературы. Теоретические вопросы, которые он решал в своих филологических сочинениях, имели большое значение для формирования литературного языка и литературы классицизма.

Но не все, что писал ученый, было правильным, не все выдержало проверку временем, многое было спорным, ошибочным, не отражавшим реальной картины языковой ситуации в России. Филологическим сочинениям В.К. Тредиаковского не были свойственны такие качества, как глубина, ясность и точность научного изложения, которые были характерны для трудов М.В. Ломоносова. В работах В.К. Тредиаковского отсутствует подлинный историзм исследования, который составляет важнейшую особенность научного метода М.В. Ломоносова — великого ученого-энциклопедиста. Но некоторые элементы историзма были присущи сочинениям В.К. Тредиаковского. Это прежде всего относится к тем сведениям по истории поэзии, которые сообщает автор, по истории отдельных родов и жанров литературы, стиховедения и т.д.

Некоторые теоретические положения В.К. Тредиаковского сохранили свое значение для дальнейшего развития литературного языка и литературы. Это прежде всего обоснование В.К. Тредиаковским понятий нормы, употребления, вкуса (последнее понятие позднее получает новое, не рационалистическое толкование в сочинениях Н.М. Карамзина и его последователей). Впервые в истории русского литературного языка и литературы В.К. Тредиаковский теоретически формулирует понятие индивидуально-художественного стиля, который начиная с последней четверти XVIII в. становится основным фактором развития словесно-художественного творчества.

Глава 16

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

Вопросы стилистики постоянно находились в центре научных интересов М.В. Ломоносова. Его подготовка в этой области была весьма основательна, а начитанность очень широка. В годы учения в Московской Славяно-греко-латинской академии М.В. Ломоносов много занимался изучением пиитики и риторики и в 1733—1734 годах записал на латинском языке курс "Риторики", прочитанный его учителем Порфирием Крайским. (См.: ГБЛ ф. 183 Муз. (Зап.-европ.), N 279.).

За границей, в годы пребывания в Марбургском университете, он слушал лекции на философском факультете, где профессор истории и элоквенции Иоганн-Адольф Гартман читал курс римского красноречия[1]. Гартман останавливался на анализе произведений М.Т. Цицерона и Квинта Курция Руда.

К этому времени (1736—1739) относятся пометки М.В. Ломоносова по вопросам стилистики русского языка на полях книги В.К. Тредиаковского "Новый и краткий способ к сложению российских стихов" (СПб., 1735), высказывания в "Письме о правилах российского стихотворства" (1739). За границей М.В. Ломоносов изучает трактат "О возвышенном" греческого философа Диониссия Кассия Лонгина (ум. 273) во французском переводе Никола Буало, сочинения французских филологов Никола Коссена (1583—1651) "О духовном и светском красноречии" и Франсуа Помея (1619—1673) "Кандидат риторики" и "Новый кандидат риторики", труды немецкого филолога Иоганна Кристофа Готшеда (1700—1766)[2].

Осенью 1742 г., т.е. через год с небольшим после возвращения из-за границы, М.В. Ломоносов, назначенный за восемь месяцев до того адъюнктом Академии наук, начинает читать лекции о "стихотворстве и штиле российского языка"[3]. В процессе подготовки к лекциям родился замысел написать руководство по риторике.

Каждый самостоятельный шаг молодого Ломоносова встречал сопротивление со стороны иноземного засилия в Академии наук. В 1743 г. борьба обострилась настолько, что М.В. Ломоносов по настоянию своих иностранных коллег был заключен под стражу. Эти месяцы заключения были для него временем напряженной научной работы.

18 января 1744 г. М.В. Ломоносов был освобожден из-под стражи, а в последних числах января он отправил свою рукописную

---

[1] См.: *Сухомлинов М.И.* Ломоносов — студент Марбургского университета // Русский вестник. 1861. Т. 31, N 1. С. 154, 157.

[2] Эти книги находились в личной библиотеке М.В. Ломоносова. См.: *Коровин Г.М.* Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах, и каталог его научной библиотеки. М.; Л., 1961; *Кулябко Е.С., Бешенковский Е.Б.* Судьба библиотеки и архива М.В. Ломоносова. Л., 1975; *Кукушкина М.В., Лебедева И.Н.* Книги из библиотеки М.В. Ломоносова — дар университетской библиотеки в Хельсинки // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. Л., 1978.

[3] *Пекарский П.П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 328.

"Риторику" в Москву с целью преподнести ее великому князю Петру. Дошла ли "Риторика" до адресата, неизвестно.

Советник академической канцелярии И. Шумахер поручил академику Г. Миллеру написать рецензию на "Риторику" М.В. Ломоносова. На заседании конференции 16 марта 1744 г. Г. Миллер прочитал отзыв следующего содержания: "Написанное по-русски "Краткое руководство по риторике" адъюнкта Михаила Ломоносова я просмотрел. Хотя ему нельзя отказать в похвальном отзыве ввиду старательности автора, проявленной им в выборе и переводе на русский язык риторических правил древних, однако краткость руководства может вызвать подозрение, что в нем опущено многое, включаемое обычно в курсы риторики. Такое руководство, если дополнить его, применяясь к вкусу нашего времени, материалом из современных риторов, могло бы служить для упражнений не только в русском, но и в латинском красноречии. Поэтому я полагаю, что следует написать автору свою книгу на латинском языке, расширить и украсить ее материалом из учения новых риторов и, присоединив русский перевод, представить ее Академии. Благодаря этому и прочие славнейшие академики получат возможность напечатать его для нужд Гимназии. Ведь если пренебречь этой целью и напечатать книгу для людей, занимающихся риторикой вне Академии, то едва ли можно надеяться на достаточное количество покупателей, которые возместили бы Академии издержки по печатанию"[4].

Академики присоединились к отзыву Г. Миллера. М.В. Ломоносову было предложено "составить руководство по риторике, более соответствующее нашему веку, и притом на латинском языке, приложив русский перевод". Таким образом, первая русская риторика М.В. Ломоносова была отвергнута иностранными академиками. Впервые она была опубликована в конце XIX в. (Сочинения М.В. Ломоносова. СПб., 1895. Т. 3. С. 13—77).

"Краткое руководство к риторике" М.В. Ломоносова состоит из 4-х частей: 1. "Изобретение"; 2. "О украшении"; 3. "Расположение"; 4. "О произношении". Обращает на себя внимание, что в этом сочинении логике отведено мало места. В 1-й части рассматриваются понятия простой и сложенной идей, их распространения, изобретение доводов, изобретение "витиеватых речей или замыслов". 2-я часть посвящена вопросам украшения "слов риторических" с помощью тропов и фигур. 3-я часть отведена описанию правил расположения слов и словосочетаний в жанрах "слов публичных". 4-я часть представляет правила произнесения "слов публичных".

В 1748 г. М.В. Ломоносов создает новую риторику "Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии". Новая "Риторика" М.В. Ломоносова должна была

---

[4] См. современный перевод с латинского оригинала отзыва Г. Миллера в комментариях Г.П. Блока и В.Н. Макеевой в кн.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 792. В дальнейшем все цитаты из сочинений М.В. Ломоносова даются по изданию: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1950—1957. Первая цифра в скобках указывает том сочинения, вторая — страницу.

слагаться из трех книг: первая посвящалась собственно риторике, которая осмысливалась им как общее учение о словесном выражении, предметом второй книги должна стать "оратория", или "наставление к сочинению речей в прозе", предметом третьей — "поэзия", или "о стихотворстве учение". Но, к сожалению, вторую и третью книги новой "Риторики" он не написал, хотя сохранились сведения о работе над этими частями риторического руководства.

Печатная "Риторика" 1748 г. отличается от рукописной "Риторики" 1744 г. своим планом. Выделив "Ораторию" в отдельную книгу, М.В. Ломоносов отказался поместить в ней такие главы, как "О расположении слов публичных", "О расположении приватных слов и писем", "О произношении". В "Риторике" 1748 г. появились новые главы, которых не было в рукописной "Риторике" 1744 г.: главы "О возбуждении, утолении и изображении страстей", "О хрии".

Самостоятельными главами были представлены главы "О вымыслах", "О течении слова".

В печатной "Риторике" М.В. Ломоносов отводит много места вопросам логики. В § 3—18 он помещает развернутые определения логики, которые следует рассматривать как логические основания риторики. Это понятия идеи, рода и вида, части и целого, свойства, причины, действия и страдания, места, времени, подобия и т.д. Разработка этих понятий находится в центре традиционных руководств по логике, восходящих к "Категориям" Аристотеля, в широко распространенной на Руси "Диалектике" Иоанна Дамаскина, которую читали и переписывали и в XVIII в. (как в древнем переводе, так и в переводе А.М. Курбского)[5]. В "Риторике" идет речь о логических высказываниях, или суждениях, "о предложениях логических в рассуждении совершенного разума", о силлогизме и энтимеме, о сорите — софистическом заключении. Л.Г. Барулина и А.О. Маковельский считают самостоятельными и оригинальными логические воззрения М.В. Ломоносова[6].

"Риторика" 1748 г. состоит из 3-х книг: 1. "О изобретении"; 2. "О украшении"; 3. "О расположении".

Круг лингвистических интересов М.В. Ломоносова весьма обширен, и даже перечень трудов ученого поражает своим разнообразием. Здесь и первая большая грамматика русского языка с систематически изложенными нормами нового литературного языка, сформировавшимися на живой общенародной основе, и работы по сравнительно-историческому изучению родственных языков, и обширные материалы по русской диалектологии, и исследования по стилистике русского языка и поэтике художественной литературы, ораторскому искусству, теории прозы и стихосложения, и сочинения по общим вопросам развития языка.

---

[5] Связь "Риторики" М.В. Ломоносова с предшествующей риторической традицией, в частности, с рукописной "Логикой" Макария Петровича (1733–1765) вскрыта в статье: *Гаврюшин Н.К.* "Риторика" М.В. Ломоносова и "Логика" Макария Петровича Памятники науки и техники. 1985. М., 1986. С. 131—154.

[6] См.: *Барулина Л.Г.* Вопросы логики в трудах М.В. Ломоносова // Учен. зап. МГУ. 1958. Вып. 190. С. 133—150; *Маковельский А.О.* История логики. М., 1967. С. 445.

Но несмотря на разнообразие интересов, все труды М.В. Ломоносова удивительно связаны друг с другом в непрерывное целое, они очень целеустремленны. В сущности все эти работы, начиная с первого сочинения "Письмо о правилах российского стихотворства" (1739) и до самого зрелого филологического труда "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке" (1757), группируются вокруг важнейшего вопроса русского языкознания, над разрешением которого работали многие образованные люди второй половины XVII — начала XVIII в. и такие старшие современники М.В. Ломоносова, как А.Д. Кантемир, В.К. Тредиаковский, В.Е. Адодуров, В.Н. Татищев, и который удалось разрешить лишь М.В. Ломоносову. Это проблема взаимодействия русской и "славенской" стихий в новом литературном языке, в результате которого различия между двумя языками переросли в различия между стилями. Это проблема описания и регламентации норм общелитературного языка и его стилей.

Поэтому целесообразнее говорить о стилистической теории М.В. Ломоносова. Такое определение шире и точнее, так как стилистические задачи изучения русского языка в понимании М.В. Ломоносова не исчерпываются вопросами исследования родной речи, скажем, в "Российской грамматике" или в "Кратком руководстве к красноречию".

М.В. ЛОМОНОСОВ О СВЯЗЯХ, ВЗАИМОДЕЙСТВИИ И СООТНОШЕНИИ КНИЖНО-СЛАВЯНСКОЙ И НАРОДНО-РУССКОЙ СТИХИЙ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В эпоху становления русского национального языка и выработки его норм, когда "чужой" книжнославянский язык вытесняется из всех сфер общения и когда народно-разговорная речь начинает все активнее выступать в качестве носителя единой общенациональной нормы, эта проблема приобретает огромное общественное значение. От правильного разрешения ее зависит судьба нового литературного языка.

Сложные процессы взаимоотношения между системами книжнославянского и русского языков, начавшиеся со второй половины XVI — начала XVII в., приводят к выделению общеупотребительного лексико-грамматического фонда и формированию высокого и низкого стилей. В структуре развивающейся национальной речи появляется стилистическая дифференциация между языковыми средствами, которые закрепляются за каждым из трех стилей.

В лексике литературного языка Петровского времени происходят сложные процессы, которые накладывают свой отпечаток на характер словоупотребления. Живая народная речь бурно вторгается в атмосферу церковнокнижного языка, изменяя смысловую структуру церковнославянизмов. Официально-деловая речь, вбирая в себя многочисленные заимствования из европейских языков: из немецкого, голландского, французского, польского, итальянского, английского и др., — заметно расширяет свои пределы. На "приказном языке" пишут, на нем печатают многочисленные военные, технические и научные книги.

Все эти процессы протекают настолько интенсивно, что словарный состав не представляет собой единства в системе литературного языка. Границы словаря зыбки и расплывчаты, неологизмы появляются в речевом обиходе так же быстро и легко, как и исчезают.

Старые стилистические отношения, характерные для языковой ситуации XVI—XVII вв., основанные на противопоставлении и резком функциональном разграничении двух стихий литературного языка — книжнославянской и русской народно-разговорной, — в начале XVIII в. разрушаются. Созревает острая общественная необходимость в нормализации литературного языка.

Что должно лежать в основе нового литературного языка, какое место в нем должна занимать народно-разговорная речь, в какой мере следует сохранить связь со старыми книжнописьменными традициями, каково должно быть соотношение "новизны" и "старины" в литературном языке, какие из заимствований должны войти в него — вот самые главные вопросы, которые предстояло разрешить М.В. Ломоносову и на которые он дал исчерпывающие и точные ответы.

Проблему взаимоотношения, взаимодействия русской и "славенской" стихий в литературном языке М.В. Ломоносов разрабатывает в двух направлениях.

Прежде всего он рассматривает эту проблему в сравнительно-историческом плане и устанавливает, что русская и "славенская" стихии представляют собою два разных, но близких, родственных языка.

Ломоносовское разграничение русского и старославянского языков, принятое современным языкознанием и ставшее традиционным, в то время было важным научным открытием, так как ясного представления о различии родственных языков в науке не существовало.

Неумение дифференцировать русскую и "славенскую" стихии — характерная особенность языкознания доломоносовской поры. Типичными для языкознания Петровской эпохи представляются следующие суждения. Иоганн Паузе (1670—1735), грамматист, лексикограф и учитель в Петербургской гимназии пастора Глюка, широковещательно заявлял в своей "Славяно-русской грамматике": "Эта книга превосходит другие грамматики и руководства в следующем. Оба диалекта, славянский и русский, живут рядом один с другим в этой маленькой книге, как два брата-языка. Если они вступают между собой в спор иной раз, то все же в основной сущности они сходны"[7].

Различие между языками он разъясняет следующим образом: "Русские в своем языке (Dialecto) изменяют славянские слова" при помощи увеличения числа слогов, замены букв при написании слов и т.п. В подтверждение своего тезиса автор приводит следующие параллели: *древо—дерево, град — город, мраз — мороз, един — один, учен — учон, такого — таково, бити — бить, дати — дать, аз — я* и т.п.[8] Совершенно очевидно, что в этих суждениях нет

[7] *Михальчи Д.Е.* И.В. Паузе и его славяно-русская грамматика // Изв. АН СССР. СЛЯ, 1964. Т. 23. Вып. 1. С. 55.

[8] Там же. См. также: *Михальчи Д.Е.* Из рукописей И.В. Паузе // Лингвистическое источниковедение. М., 1963. С. 112—120.

подлинного историзма, так как Паузе отождествляет и смешивает различные явления, относящиеся к разным эпохам развития литературного языка или принадлежащие к его разным уровням.

И позднее, в 40—50-х годах, к идее уподобления русского языка старославянскому сочувственно относились исследователи, не обладавшие историческим взглядом на развитие языка. Так, В.К. Тредиаковский писал в диссертации "О множественном прилагательных целых имен окончении" о "сличии и сходстве, по самой большей части, славенскаго с нашим языка, о котором — всем весьма есть известно, что он нашему источник и корень, с которым наш мало нечто разнится"[9].

Трудность решения проблемы взаимоотношения и взаимодействия русской и "славенской" стихий заключается в том, что необходимо было разработать основные принципы описания истории русского языка, периодизации его развития, установить перечень памятников, в которых отражаются русские черты. А это можно было сделать только на сравнительно-исторической основе, с установлением научного взгляда на развитие русского и старославянского языков.

В своих филологических сочинениях М.В. Ломоносов постоянно разграничивает русский и старославянский языки на различных уровнях языковой системы: в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики.

Вот, например, обобщающая формулировка из "Примечаний на предложение о множественном окончении прилагательных имен" В.К. Тредиаковского.

"Славенский от великороссийского ничем столько не разнится, как окончениями речений. Например, по-славенски единственные прилагательные мужеские именительные падежи кончатся на ый и ій — богатый, старшій, синій, а по-великороссийски кончатся на ой и ей — богатой, старшей, синей, По-славенски: сынов́омъ, дѣломъ, ру́цѣ, мене, пихомъ, кланяхуся, по-великороссийски: сыновьямъ, дѣламъ, ру́ки, меня, (мы) пили, (они) кланялись" (7, 83).

В "Российской грамматике" М.В. Ломоносов уделяет много внимания сопоставлению русского грамматического строя со старославянским. Он подробно анализирует природу параллельных окончаний в сфере склонений имен существительных, образования архаических и живых форм местоимений, числительных, употребления форм деепричастий и страдательных причастий и т.п.

В этой связи особенно интересны подготовительные «Материалы к "Российской грамматике"», в которых очень много заметок и такого типа: "Следует писать о разности славенского с российским" (7, 631), "писать о разности частиц *черезъ* и *чрезъ, передъ* и *предъ*" (7, 614) и т.д. Под частицами М.В. Ломоносов понимает предлоги.

С поразительной четкостью и строгостью исследовательского метода М.В. Ломоносов разграничивает памятники русского и старославянского языков, формулирует основные принципы периодизации исто-

---

[9] См.: *Вомперский В.П.* Ненапечатанная статья В.К. Тредиаковского "О множественном прилагательных целых имен окончении" // Филол. науки. 1968, N 5. С. 87.

рии русского языка. В этом отношении весьма показательна дискуссия, которую ученый вел с Г. Миллером и А. Шлецером.

В споре с Г. Миллером в 1749—1750 гг. М.В. Ломоносов выступил против норманской теории, искажавшей историю русского народа. В замечаниях на диссертацию Г. Миллера "Происхождение имени и народа российского" и в "Древней Российской истории" он разработал концепцию автохтонности восточных славян и славянского происхождения русской государственности. Вопросы происхождения русского языка занимают значительное место в этой теории. В ней М.В. Ломоносов четко проводит различие между славянскими языками и между русским и старославянским языками.

"О преславный знаток русского языка, — писал М.В. Ломоносов по-латыни о Г. Миллере, — не знающий даже того, что все церковные книги написаны на славянском языке, который в Польше употребляется только в храмах, — и этот обычай до сего дня сохранился в греческой церкви в Польше! Кроме того, уже с древнейших времен польский язык отличается от русского, так и от церковнославянского диалекта. Ведь церковный диалект, который живет у всех народов славянского племени и греческого вероисповедания, есть собственно древний моравский язык, употребление которого у славянских народов никогда не было всеобщим" (Перевод, см. 6, 50).

В "Предисловии о пользе книг церковных в российском языке" очень четко сформулирована мысль о разграничении двух языков: "российского" и "сродного нам славенского".

В "Мнении", представленном в 1764 г. в Конференцию Академии наук, содержится критика лингвистических взглядов А. Шлецера, историка и философа, который в своих сочинениях постоянно смешивал и отождествлял факты старославянского и русского языков.

М.В. Ломоносов писал об этом в своем отзыве: "Шлецеръ по истиннѣ не знаетъ сколько рѣчи, въ Россiйскихъ лѣтописяхъ находящiеся, разнятся отъ древняго Моравскаго языка, на которой переведено прежде священное писанiе. Ибо тогда Россiйской дiалектъ былъ другой, какъ видно изъ древнихъ реченiй въ Несторѣ, каковы находятся въ договорахъ первыхъ Россiйскихъ князей съ царями Греческими. Тому же подобны законы Ярославовы, Правда Русская называемые; также прочiя историческiя книги, въ которыхъ употребительныя рѣчи въ Библiи и въ другихъ церковныхъ книгахъ, коихъ премного, по большей части не находятся, иностраннымъ малознаемы. Наконецъ переводъ Библiи не очень исправленъ, и не рѣдко Славенскiя слова значатъ иное, а иное Греческое"[10].

Итак, на протяжении всей своей научной деятельности М.В. Ломоносов четко различает два языка — русский и "славенский". Он считает, что каждый из двух языков на разных этапах исторического развития располагает своим репертуаром памятников. Так, к "российскому языку" древнего периода М.В. Ломоносов относит "Договоры первых российских князей с царями греческими", "Нестор", т.е. летописи, приписываемые Нестору, "Правду Русскую": "Уложе-

[10] *Билярский П.С.* Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865. С. 704.

ние 1649 года" и некоторые другие памятники, а к "книгам церковным на славенском языке": переводы с греческого языка "книги ветхого и нового завета, поучения отеческие, духовные песни Дамаскиновы и других творцов каноны" (7, 587).

Древнеславянский язык или, как его называет М.В. Ломоносов, "древний моравский язык", на который были переведены богослужебные книги с греческого, представляет собой древнейший письменный язык славянства, отличный от древнерусского языка. Поэтому, заключает М.В. Ломоносов, различие между двумя языками следует проводить на разных этапах их исторического развития.

Разрешив с помощью сравнительно-исторического метода[11] проблему разграничения русского и старославянского языков, М.В. Ломоносов обращается уже к другой проблеме — стилистической. Теперь ему нужно выяснить то, как русская и "славенская" стихии перестали быть отдельными языками и в результате сложного взаимодействия создали функциональные разновидности единого литературного языка на общерусской народной основе, которые он называет "штилями".

Иначе говоря, М.В. Ломоносов доказывает объективное существование стилей в русском литературном языке, которые он представляет в виде системы, разрабатывает критерии их выделения и деления и разграничения, определяет содержание и объем понятия стиля применительно к литературному языку середины XVIII в.

ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ТРЕХ СТИЛЕЙ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII в. В ИЗЛОЖЕНИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Как известно, сложный и длительный по времени процесс формирования и становления трех стилей начался со второй половины XVI в. С особой интенсивностью этот процесс происходил на протяжении XVII в. и первой половины XVIII в. и привел к образованию системы трех стилей с единым структурно-грамматическим ядром, которая в то же время располагала широким и разнообразным перечнем синонимических и иных соответствий между ними — фонетических, грамматических и лексико-фразеологических[12].

Для разграничения основных стилистических контекстов русского литературного языка М.В. Ломоносов положил в основу своей теории принцип трехчленного деления исследуемого объекта. Этот принцип он использовал на разных уровнях классификационных построений: на уровне предметов, тем, "родов речений", звуков, грамматических форм, синтаксических конструкций, "штилей" и жанров. С помощью этого метода он создает научную теорию, раскрывающую сложные и

[11] Важно отметить, что М.В. Ломоносов заложил основы сравнительно-исторического метода и установил родство славянских языков и других групп индоевропейского семейства за несколько десятилетий до Джонса и более чем за полвека до того, как это обосновал Бопп. "Ломоносов предвосхитил то, что стало достоянием зарубежной науки в конце XVIII — начале XIX в." См. об этом подробнее: *Кузнецов П.С.* У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. С. 50—55.

[12] См.: *Виноградов В.В.* Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка. М., 1958. С. 111 и след.

динамичные процессы развития и становления новой стилистической системы русского языка.

"Разделение языка на три стиля, — пишет В.В. Виноградов, — вносило порядок в ту пестроту внешних форм — русских и церковно-славянских, которая была особенно характерна для стилей литературного языка конца XVII — первой трети XVIII в. Это была великая грамматическая реформа"[13].

Целью теории М.В. Ломоносова является выработка такого описания, с помощью которого можно представить "штили"[14] литературного языка в виде системы или, точнее говоря, системы систем (высокий, средний, низкий "штили").

Языковые средства всей системы, как и каждого из "штилей", взаимосвязаны друг с другом и объединяются синонимическими отношениями двойной зависимости. С одной стороны, языковые средства всех трех "штилей" находятся в синонимических соответствиях между собой, так как система "штилей" покоится на внутреннем единстве структуры литературного языка, с другой стороны, каждый "штиль" обладает собственными синонимическими отношениями между собой. Отсюда возникает понятие замкнутости всей системы в целом и каждого "штиля" в отдельности. Правда, степень замкнутости "штилей" различна. Больше всего замкнут высокий стиль. В меньшей мере эти качества свойственны среднему и низкому стилям.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ТЕОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Основу теории М.В. Ломоносова составляет классификация "речений" российского языка". Классификация "речений" носит историко-генетический характер, так как М.В. Ломоносов хотел указать на то, что лексика русского литературного языка сложилась в результате длительного совместного развития, народно-разговорной стихии и книжного, "славенского языка".

Терминология, которой пользуется М.В. Ломоносов для выделения "родов речений" нового литературного языка, носит историко-генетический характер, но методы обнаружения этих лексических групп и их оценок чисто стилистические.

---

[13] *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 100.

[14] В своих поэтических произведениях, филологических трудах и в служебных документах М.В. Ломоносов пользуется в основном термином "штиль". Иногда у него встречается термин „слог" в том же значении, что и „штиль", но примеры такого рода единичны, например, в "Предисловии о пользе книг церковных" этот термин встречается всего лишь два раза (7, 589, 591). В служебных документах иногда наблюдается термин „стиль", но обычно это бывает в тех случаях, когда они писались под его диктовку или когда он их подписывал (см., например, 9, 628; 10, 352 и т.п.). В сочинениях и документах, написанных на немецком и латинском языках, М.В. Ломоносов использует соответствующие (немецкий и латинский) термины (см., например, 9, 10, 501 и т.п.).

Каждый из двух основных лексических разрядов, которые исторически принадлежат соответственно "славенскому языку" и русскому языку, оценивается через призму трех стилистических категорий.

Во-первых, все группы "речений" характеризуются с точки зрения "пристойности", т.е. соответствия их "материям", теме повествования или рассуждения.

Во-вторых, М.В. Ломоносова интересует то, какова степень употребительности групп "речений" в сферах речевого общения.

В-третьих, М.В. Ломоносов оценивает их с точки зрения такой важной стилистической категории, как понятность.

В "славенской" лексике он выделяет три группы "речений": "неупотребительные и весьма обетшалые речения", затем "речения, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным вразумительны", и, наконец, "речения, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны".

Подобным же образом анализируется и "российская" лексика. Здесь М.В. Ломоносов выделяет тоже три группы. Прежде всего, описываются "речения славенороссийские, то есть употребительные в обоих наречиях". Затем он характеризует "речения, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах", но которые есть в русском языке, и отделяет от этих групп "презренные слова, которые ни в каком штиле употреблять непристойно" (7, 588—589).

Из сравнения этих двух лексических разрядов, "славенского" и "российского", вытекает, что единицей соотнесения всех групп "речений" являются "речения общеупотребительные" "у древних славян" и "у россиян" или, как их иначе называет М.В. Ломоносов, "славенороссийские речения".

"Славенороссийские речения" оказываются общими и для "славенской" лексики, и для "российской" лексики и составляют единую группу, связывающую полярные лексические группы в общее целое.

Поэтому лексика нового литературного языка состоит из трех "родов речений", обладающих стилистическими качествами употребительности, понятности и "пристойности". В первую группу входят "славенские речения", "россиянам вразумительные и не весьма обетшалые": *отверзаю, господень, насажденный, взываю* и т.д. Во второй группе оказываются "славенороссийские речения": *слава, рука, ныне, почитаю* и т.п. И, наконец, к третьей группе относятся "российские речения": *говорю, ручей, который, пока, лишь* и т.п.

За пределами норм нового литературного языка оказываются две группы слов: "обетшалые речения", т.е. исчезнувшие из употребления в устной и письменной речи и не встречающиеся в составе производных слов (*обоваю* 'заклинаю, заговариваю, исцеляю'; *рясны* 'украшения, ожерелье'; *овогда* 'иногда'; *свене* 'кроме, из, помимо' "и сим подобные"), и "презренные слова" (7, 588).

"Обетшалые" слова не обладают стилистическими качествами употребительности, понятности и "пристойности", которыми характеризуются все слова литературного языка. Отличительные признаки "презренных" слов связаны с неупотребительностью и невозможностью ("непристойностью") их использования в образцовой литературной

речи. В этом смысле литературная речь не может считаться понятной и "общеупотребительной", особенно среди образованных людей, если в ней будут использоваться "презренные слова".

Взгляд М.В. Ломоносова на новый литературный язык происходил из правильного понимания того, что нужно было взять в него из русской и "славенской" стихий и что надо было исключить из "чистого российского штиля". Особенно следует подчеркнуть огромную важность принципа ограничения лексических источников для нормализации литературного языка, разработанного ученым. Что касается заимствований, то он называет их "дикими и странными слова нелепостями" и советует избегать их. Он рекомендует оставлять заимствования, усвоенные русским языком, которые "в такое пришли обыкновение, что будто бы они сперва в российском родились" (7, 608).

Когда, наконец, М.В. Ломоносов так ясно и в то же время просто разрешил эту трудную лексико-стилистическую задачу, он обратился к описанию разновидностей русского литературного языка, к классификации стилей.

Внутренним логическим принципом учения М.В. Ломоносова является соединение рационального метода и опытных данных, что приводит к созданию такой системы описания, которая обеспечивает правильное понимание природы стилей русского литературного языка середины XVIII в.

Если в предшествующих работах по стилистике проблема классификации стилей языка решалась изолированно от их лексико-фразеологического и грамматического состава в рамках обычного трехчленного описания понятия языка, то впервые в науке о русском языке М.В. Ломоносов разграничивает стили литературного языка в прямой зависимости от стилистической характеристики слов, выражений и грамматических форм, и тем самым определяет нормы стилей. Различие стилей сводится не только к лексико-фразеологическому составу их, особенно тщательно описанному в "Предисловии о пользе книг церковных в российском языке". Он обосновывает также фонетические и морфолого-синтаксические различия между стилями в "Российской грамматике" и в двух "Риториках", краткой и пространной. Таким образом, стилистические признаки слов, оборотов и грамматических форм, включенных в контекст, определяют сущность самого "штиля".

"Штили" получают свою лингвистическую характеристику, а трихотомия понятия языка, использованная М.В. Ломоносовым, оказывается вспомогательным приемом научной ориентировки.

СТРУКТУРА, СОСТАВ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ФУНКЦИИ ТРЕХ СТИЛЕЙ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ОПИСАНИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

Структура каждого стиля определяется соотношением "славенских" и общеупотребительных русских форм речи, но основой литературной речи является разговорный язык. "Ломоносов понял, — писал А.И. Соболевский, — что соединение церковнославянских элементов с вульгарными русскими в литературном языке не может звучать приятно

для человека с развитым вкусом, и поэтому устранил это соединение. Он воспользовался живым русским языком, тем русским языком, которым говорили при царском дворе и в лучшем обществе того времени, но, где было нужно, облагородил его, возвысил и украсил прибавлением тех элементов литературного церковнославянского языка, которые вносили в него из церковных книг, которые действительно были церковнославянскими. Эти элементы были точно определены Ломоносовым", который "пожелал совместить старину и новизну в одно гармоничное целое, так, чтобы друзья старины не имели основания сетовать о крушении этой старины, а друзья новизны не укоряли в старомодности"[15].

Высокий стиль — это система славянизированной речи. М.В. Ломоносов называет его "высоким и важным штилем" (7, 467), "важным штилем" (7, 648), "красным штилем" (9, 617) и т.п. Высокий стиль воспроизводит нормы, близкие к нормам церковнославянского языка, но не тождественные ему. Особенно это чувствуется в тех жанрах высокого стиля, которые излагали темы нецерковного характера.

Словарный состав высокого стиля составляется из трех лексических категорий: "из речений славеноросийских, то есть употребительных в обоих наречиях", "из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых" (7, 589) и тех заимствований, которые прочно вошли в словарь русского литературного языка.

Но для понимания специфики высокого стиля еще показательнее те ограничения, которые вносит М.В. Ломоносов в словарный состав высокого стиля.

Это, во-первых, те заимствования (особенно характерные для литературного языка Петровской эпохи), которые "искажают собственную красоту нашего языка".

Такое решение проблемы заимствований особенно важно для высокого стиля, так как начиная с 60-х годов XVII в. словарный состав "славенского" языка приобретает типично "барочную" макароническую пестроту. В нем свободно уживаются и нарочито культивируются устарелые церковнославянизмы, грецизмы, многочисленные польские и латинские слова, слова книжной "мовы" тогдашних украинских и белорусских литераторов[16].

Эта проблема сохранила свою актуальность и в 30—50-х годах XVIII в., так как в различных стихотворных сочинениях "на случай" учителей риторики и пиитики, семинаристов, в жанрах проповеди еще сохранились традиции "витийства", идущие из Киево-Могилянской академии[17].

---

[15] *Соболевский А.И.* Ломоносов в истории русского языка. СПб., 1911. С. 7—8.

[16] См.: *Еремин И.П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961. С. 19—20; ср. также ответ И.П. Еремина на научную анкету "Об образовании восточнославянских национальных литературных языков" // ВЯ. 1960. N 6. С. 64—65.

[17] В связи со сказанным можно, например, сослаться на "Описаніе краткими стихами иллюминаціи на всерадостное... нашея Императрицы Елизаветы Петровны... и великаго князя Петра Федоровича въ Троицкую Сергіеву обитель пришествіе. Печатано в Санктпетербургѣ 1744 года". (Есть и московское издание, напечатанное в том же году,

В качестве важной задачи М.В. Ломоносов указывает на необходимость ограничения заимствований из польского и латинского языков. Нужно также ограничить употребление украинизмов, так как они нарушают "чистоту российского штиля"[18].

"Довольство российского слова и собственным достатком велико", — пишет М.В. Ломоносов, а поэтому "старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков" (7, 591).

Во-вторых, в высоком стиле не могут использоваться "неупотребительные и весьма обетшалые славянизмы: *обоваю, рясны, овогда, свене* и сии подобные" (7, 588). Наконец, призыв М.В. Ломоносова "наблюдать равность слога" для высокого стиля означает, что "подлые слова" исключаются из него.

Итак, совершенно очевидно, что лексико-фразеологический состав высокого стиля и его нормы в изложении М.В. Ломоносова существенным образом отличаются от принципов построения и норм "красной речи" конца XVII — начала XVIII в., которые сложились в творчестве литераторов того времени и были описаны в курсах поэтики и риторики Феофана Прокоповича и в риторике Стефана Яворского.

Как целесообразно организованная и общественно осознанная система языковых средств, средний стиль представляет собой такую же разновидность литературного языка, как и высокий стиль. Но его позиция на стыке между стилями делает состав языковых средств неопределенными, а границы его очень зыбкими.

Значительную часть словаря среднего стиля составляют слова, "больше в российском языке употребительные", по которым можно судить о природе этой разновидности литературного языка. Но специфика среднего стиля в большей мере обусловлена тем, что выбирается из высокого и низкого стилей, каковы принципы конструи-

---

но кириллическим шрифтом.) В это "Описание" вошли стихи и канты, посвященные Елизавете Петровне, которые были сочинены учителями и учениками Троицкой семинарии. Об истории и составе изданий см.: *Битовт Ю.* Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. М., 1905, N 1003, 1014; *Губерти И.В.* Материалы для русской библиографии. Хронологическое обозрение редких и замечательных русских книг XVIII столетия, напечатанных в России гражданским шрифтом. 1725—1800. М., 1978. Вып. 1. N 47; Издания гражданской печати времени императрицы Елизаветы Петровны. 1741—1761. Ч. 1. М.; Л., 1935, N 189, 190.

[18] М.В. Ломоносов считал "малороссийский диалект" особым наречием, отличным от "московского" и "поморского диалектов", которые составляют единое целое, см.: Материалы к "Российской грамматике" (7, 608). Во время своего спора с В.К. Тредиаковским об окончании форм множественного числа имен прилагательных он отметил, что если использовать в русском языке украинские ударения, произношение и "окончения речений", то "великороссийский язык тем больше испортится нежели исправится" (7, 83). Эта точка зрения нашла свое отражение и в его поздних сочинениях. В.К. Тредиаковский же считал, что существенной разницы между "малороссийским диалектом" и "нашим славенороссийским" нет. Совершенно очевидно, что подобное понимание "чистого и учтивого употребления славенороссийского" не имеет ничего общего с теорией "чистоты российского штиля", созданной М.В. Ломоносовым. Возражения В.К. Тредиаковского опубликованы: *Пекарский П.П.* Дополнительные известия для биографии Ломоносова. С. 103.

рования, объединения "славенских" и "низких" слов со словами "российскими".

Поэтому при характеристике среднего стиля так часты предостережения М.В. Ломоносова о том, что можно "с великой осторожностью" использовать лишь "некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные". Иначе стиль будет казаться "надутым". "Чтобы не опуститься в подлость", следует остерегаться употреблять низкие. "В среднем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного" (7, 591). Эти предостережения неслучайны, так как проблема среднего стиля была одним из самых сложных и спорных вопросов стилистики русского литературного языка XVIII в.

Структура среднего стиля, широта его функций в литературе и в сфере письменного употребления, разнообразие состава языковых средств, привлекаемых из других стилей, субъективность в понимании правил соединения элементов различной экспрессивной окраски — все это создает трудности в определении норм среднего стиля.

По всей видимости, практически невозможно установить инварианты среднего стиля, так как моделирование норм среднего стиля затрудняется большим количеством разнообразных вариантов форм и их соотношений, наличием в нем большого числа элементов высокого и низкого стилей[19].

Средний стиль представляется скорее конгломератом различного рода промежуточных решений, которые собирательно обозначаются этим термином. В известном смысле средний стиль условно обозначал общее, существовавшее в литературном языке, что не обладало весьма определенными и точными понятиями норм высокого и низкого стилей. Его положение между двумя полярными сферами литературно-письменного и устного изложения давало возможность четко разграничить и противопоставить высокий и низкий стили и одновременно сгладить это противоречие.

Сложная и противоречивая природа среднего стиля отразилась и на терминологии, которой пользовался М.В. Ломоносов. Не случайно он употребляет еще и термин "посредственный штиль", т.е. стиль, который реализуется, выявляется через посредство языковых средств высокого и низкого стилей.

"Низкий штиль", "простой штиль" — вот два основных термина, которыми М.В. Ломоносов пользуется для характеристики последнего, третьего стиля в своей теории. Эти выражения не несут в себе ничего осуждающего или предосудительного в употреблении слов, форм и конструкций[20]. Они просто констатируют положение языковых средств этого стиля относительно высокого и среднего стилей. Пейоративное значение эти термины получили позднее.

В сочинении "Предисловие о пользе книг церковных в российском

[19] См.: *Толстой Н.И.* Роль древнерусского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков XVII—XVIII вв. // Вопросы образования восточнославянских национальных языков, М., 1962. С. 11.

[20] Как, впрочем, и другие выражения: "простонародный", "подлый", "подлость" и т.п.

языке" ведущим является термин "низкий штиль", так как он правильнее и четче отражает сущность деления понятия речи.

Хотя выражения "простой штиль" и "низкий штиль" употребляются на протяжении XVIII в. как синонимы, однако в прилагательном *низкий* и в других словах с этим корнем быстрее формируется пейоративное значение, чем в *простой*[21]. Вероятно, потому, что прилагательное *простой* больше связано со значением 'обычный, обыкновенный, безыскусственный', чем его синоним *низкий*.

Эти изменения в семантике отражаются и на словоупотреблении в последних сочинениях М.В. Ломоносова, который предпочитает использовать выражение "простой штиль" в тех случаях, когда он относит те или иные произведения к этой разновидности литературной речи.

Так, намечая в "Проекте регламента Академии наук" (1765) план издания научно-популярных сочинений по истории России, М.В. Ломоносов пишет: "Для того требуется сильное знание в философии и красноречии. Для того довольно ординарного академического историографа, когда он для сохранения древностей издаст в народ некоторые части простым, но порядочным штилем, выключая всякие мелочи, достойные ничего больше как вечного забвения" (10, 148).

Состав языковых средств "простого штиля" очень сложен. В основе его лежат собственно "российские" слова, "которых нет в славенском диалекте". Одновременно они включают в себя, кроме таких, как *говорю, ручей, который, пока, лишь* и т.п., и просторечные слова и формы. Здесь же употребляются и "словенороссийские речения", а "по рассмотрению" в состав простого стиля могут включаться даже "простонародные низкие слова" (7, 590).

Таким образом, состав языковых средств "простого штиля" отличается двойственной природой: в нем объединяются слова и формы, обладающие понятием литературно-обработанной речи, и слова, находящиеся за пределами образцовой нормы. С одной стороны, в простой стиль включаются "славенороссийские речения", которые являются общими словами не только для среднего, но и для высокого стиля, а с другой, к числу ненормированных языковых средств относятся "простонародные низкие слова".

Правда, употребление "простонародных низких слов" было ограничено соответствующими положениями теории М.В. Ломоносова: эти слова использовались лишь для создания языковых характеристик комических персонажей, рассказчиков или героев сатирических произведений. Только этими, художественно-характерологическими задачами определялось их место в системе языковых средств простого стиля[22].

---

[21] Об этом можно судить хотя бы по разъяснениям русской части "Новаго лексикона на французскомъ, немецкомъ, латинскомъ и на россiйскомъ языкахъ переводу асессора Сергѣя Волчкова": "Un descours Bas. Eine niedrige Rede. Oratio humilis, et abjecta. Ниская, подлая, худая, негодная рѣчь" (СПб. При императорской Академiи наукъ. 1755. Ч. 1. С. 225). Но ср.: "Vie prix. Wohlseiler, geringen preises. Vile pretium. Подлая, ниская, малая цѣна" (1764. Ч. 2. С. 1250).

[22] За пределами художественной литературы, отмечает В.В. Виноградов, "простой слог не умещался в объем понятия "литературности" языка. В художественной литературе

Четкое разграничение действующих лиц в комедии, рассказчиков или героев сатирического произведения на положительных и отрицательных приводило к соответствующему разделению "языковых материй", которые применялись для создания речевых характеристик. Параллельное существование нормированных и ненормированных языковых средств воспитывало у читателя и зрителя ощущение образцовой речи и одновременно облегчало процесс перехода слов и оборотов народно-разговорной речи в орбиту нового литературного языка.

Проблема "чистоты штиля", следования нормам литературной речи хотя и ставилась применительно к "простому штилю", но она никогда не решалась так же, как в высоком и среднем стилях. М.В. Ломоносов подходил к ее решению дифференцированно, с учетом специфики жанров, относившихся к "простому штилю". Он предполагал написать "нарочитое наставление о чистоте российского штиля" (7, 590), в котором хотел специально рассмотреть вопрос об употреблении простонародных слов в "низком штиле", но, к сожалению, замысел ученого остался неосуществленным[23].

ВОПРОС О ЖАНРОВЫХ СТИЛЯХ В ТЕОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА И О ПРИРОДЕ ИХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ

У М.В. Ломоносова нет определения понятия стиля жанра, хотя теория жанров разработана достаточно подробно и четко. К "высокому штилю" он относит оду, трагедию, различные жанры ораторской и научной речи и т.п., к "среднему штилю" — газетно-журнальную публицистику, повесть, стихотворные жанры (басню, эклогу, элегию) и т.п., к "низкому штилю" — комедию, "увеселительную эпиграмму", лирическую песню, эпистолярные жанры и т.п.

Отсутствие определения понятия стиля жанра объясняется двойной зависимостью, в которой находятся жанры в стилистической теории М.В. Ломоносова.

С одной стороны, языковые средства, которые употребляются в том или ином жанре, не зависят от природы самого жанра, а определяются принадлежностью жанра к предмету повествования и к "теме", "которые различествуют по мере разной своей важности". Прежде чем создавать свое произведение, писатель должен определить, какова степень важности предмета и темы, а затем выбирать жанр произведения, соответствующий предмету и теме.

С другой стороны, в теории Ломоносова нет никаких указаний на то, что жанр представляет собой одно из слагаемых "штиля". Слагаемые каждого из "штилей" Ломоносов находил лишь в лексике, фразеологии, фонетике и грамматике, но только не в жанрах. Если

простой слог служил в основном для характерологической квалификации и персонажей (особенно в языке комедии и разговорно окрашенной "низкой" сатиры)" (См.: *Виноградов В.В.* Некоторые вопросы и задачи изучения истории русского литературного языка XVIII в. // Тезисы докладов на совещании по проблемам изучения истории русского литературного языка нового времени. М., 1956. С. 4).

[23] Среди рукописей М.В. Ломоносова сохранился набросок статьи "О нынешнем состоянии словесных наук в России", которая первоначально носила название "О чистоте российского штиля" (7, 581, 889—890).

не принимать в расчет зависимость жанра от предмета изображения и считать жанр слагаемым "штиля", то это приводит к противоречиям в изложении теории стилей Ломоносова и к ее модернизации. Это явление довольно распространено.

Но зависимость между языковыми средствами жанра и "штилем" есть, хотя она иного порядка, не прямая, а косвенная. Основу теории М.В. Ломоносова составляет понятие языковых "штилей", характеризующихся различным для каждого "штиля" соотношением книжнославянских и русских форм речи. И языковые приметы "штилей" выявляются в жанрах постольку, поскольку жанры прикрепляются к определенным "штилям" и сочиняются, так сказать, в соответствующем "штилевом" ключе.

Применительно к жанрам литературы значении теории М.В. Ломоносова заключается в том, что он учил лишь тому, каким "штилем" должны "составляться", "писаться" или какого "штиля" должны "держаться" те или иные виды сочинения[24].

В русской литературе 30—60-х годов XVIII в. проблема стиля жанра в том специфическом значении, в котором она отражается в новой литературе, еще не существует.

Все споры о жанрах, которые ведут между собой М.В. Ломоносов, В.К. Тредиаковский, А.П. Сумароков и другие литераторы и ученые, заключены вокруг вопросов, каковы пути отбора языковых средств "штиля" для соответствующего этому "штилю" жанра, каким "штилем" должен "писаться" тот или иной жанр.

Поэтики классицизма четко разграничивали и кодифицировали существующую систему жанров. Всякий писатель должен был придерживаться этой жанровой системы. Заранее заданная трихотомия жанров классицизма в соответствии с социально-идеологической детерминацией различных объектов описания ("высокая материя", "средняя" или "низкая") направляла весь характер деятельности писателя в сторону решения проблемы языкового "штиля" в жанре и предписывала выбирать языковые средства жанра на фоне норм соответствующего "штиля"[25].

---

[24] См.: *Виноградов В.В.* О понятии стиля языка (применительно к истории русского литературного языка) // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1955. Т. 16. Вып. 4. С. 317.

[25] Существенно отметить, что рассмотренные отношения отражаются и на словоупотреблении писателей этого времени. Например, в филологических сочинениях М.В. Ломоносова отсутствуют беспредложные именные конструкции типа *штиль панегирика, штиль оды* и т.п., но встречаются субстантивные сочетания с предлогом *в* в предложном падеже. В "Кратком руководстве к риторике": "... штиль в духовном слове должен быть важен, великолепен, силен" (7, 69), "штиль в панегирике, а особливо в заключении, не меньше, как и в проповеди, должен быть важен и великолепен" (7, 71) и т.д. Ср. также: в "Новом и кратком способе к сложению российских стихов" В.К. Тредиаковского: "Пиитическая эпистола стилем только разнится от простой, для того что в пиитической эпистоле и стиль долженствует быть пиитический, аполлиноватый и весьма с паранасским не разглашающийся" (*Тредиаковский В.К.* Избр. произв. М.; Л., 1963. С. 390).

ОТСУТСТВИЕ ПОНЯТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО СТИЛЯ В СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

В трудах М.В. Ломоносова по русскому языку и его стилистике отсутствует понятие индивидуально-художественного стиля в современном его значении. В искусстве классицизма отрицается индивидуальная свобода художественного творчества. Литературно-художественное произведение соотносится не столько с автором, сколько с жанром и "штилем", которым оно "пишется".

У М.В. Ломоносова встречаются такие выражения, как "собственный штиль", "мой штиль" и т.п., но они имеют совершенно другое содержание, чем их современные эквиваленты.

Для выяснения смысла выражения "собственный стиль" большой интерес представляет коллективная рецензия на русский перевод С.С. Волчкова книги Плутарха "Жития славных мужей".

Эта рецензия подписана профессорами М.В. Ломоносовым, В.К. Тредиаковским, С.П. Крашенинниковым и адъюнктом Поповым и помещена в полном собрании сочинений М.В. Ломоносова. В ней говорится: "Господина асессора (Волчкова. — *В.В.*) весь стиль очень неисправен и во многих местах против свойства российского языка весьма погрешно, также и сила французских слов переведена неправо во многих местах, отчего преизрядная сия книга не может понравиться всему обществу читателей наших. О сем Академия особливо старается, когда именем ее книги печатаются. Хотя сие и правда, что каждый автор свой собственный стиль имеет, однако сие разумеется о том, что так называемое формальное в стиле, а не то, что долженствует материальное, то есть всем писателям одного языка общее, а особливо при Академии находящимся" (9, 628—629).

Итак, "собственный стиль" означает так называемое "формальное в стиле", т.е. следование нормам образцовой, литературно-обработанной речи. Поэтому индивидуально-авторский стиль не мыслится как эстетическая категория, как категория художественной литературы, а воспринимается как явление "чистого и порядочного российского штиля".

ИСТОРИЗМ М.В. ЛОМОНОСОВА В ОЦЕНКЕ ПОНЯТИЙ ЯЗЫКОВЫХ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-РЕЧЕВЫХ СТИЛЕЙ

Основные задачи, которые разрешил М.В. Ломоносов в своей теории, были исключительно связаны с характеристикой системы языковых стилей и обоснованием их норм. Он не предполагал вводить в свою теорию понятие функционально-речевых стилей. Но с присущим ему даром научного предвидения он обратил внимание на необходимость исследования речевых стилей, указав тем самым пути к преодолению теории трех стилей, к образованию той новой стилистической системы русского литературного языка, окончательное утверждение которой связывается с именем А.С. Пушкина.

Еще во время работы над "Российской грамматикой" М.В. Ломоно-

сов предполагал заняться изучением функционально-речевых стилей русского языка. В подготовительных материалах к "Российской грамматике" он писал: "Штиль разделить на риторической, на пиитической, исторической, дидаскалической, простой" (7, 608)[26]. Конечно, слово "штиль" не имеет здесь того значения, которое есть в выражениях "высокий штиль", "средний штиль", "низкий штиль". В этой записи слово "штиль" применяется для характеристики функционального использования языка в разных сферах общественно-речевой практики.

В "Присовокуплениях" к плану "Российской грамматики" М.В. Ломоносов перечисляет ряд особо важных лексикологических и стилистических проблем. Среди них есть и такая заметка: "О приказном штиле" (7, 606). Обращает на себя внимание и другая запись: "О старинных штилях из разных архивов" (7, 608). Во всех этих заметках он намечает принципы выделения и описания функционально-речевых стилей литературного языка.

Если учесть, что в "Кратком руководстве к риторике" М.В. Ломоносов описывает другие намечающиеся функциональные разновидности литературной речи, "роды речей" ("указательный", "советовательный" и "судебный роды"), то становится понятно, что он интересовался широким кругом вопросов, связанных с изучением речевых стилей русского языка. Но место "родов речей" в системе языковых стилей представлялось ему еще неясным. Показательно, например, то, что в пространной "Риторике" М.В. Ломоносов снимает всякое указание на существование в литературном языке "родов речей".

Как известно, особенности функционально-речевых стилей обусловлены функциональными факторами, под которыми понимаются задачи и цели сообщения, содержание сообщения, сфера общения, форма речи (письменная или устная, диалогическая или монологическая), характер речевого контакта (односторонний или двусторонний) и т.д. Речевые стили выделяются на основе совокупности этих факторов. Если же при выделении стилей учитывается только один фактор или разнородные факторы, то стили не получают исчерпывающего описания и о системном характере их трудно говорить.

Поэтому по этим заметкам чрезвычайно затруднительно судить о специфических свойствах и признаках каждого из функционально-речевых стилей, хотя одно представляется несомненным: функционально-речевые стили могли развиваться в границах системы трех стилей литературного языка. Но формирование функционально-речевых стилей только намечалось в литературном языке середины XVIII в., специфические свойства их, по всей вероятности, представлялись М.В. Ломоносову неясными. Этим объясняется тот факт, что он не включает в свою стилистическую теорию понятие функционально-речевых стилей.

---

[26] "Дидаскалической штиль" — стиль учебных руководств по различным дисциплинам.

М.В. ЛОМОНОСОВ О НОРМАЛИЗАЦИИ В СФЕРЕ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII в.

В начальный период становления и формирования национального русского языка в XVII — в первую треть XVIII в. звуковой и грамматический строй располагал значительным количеством параллельных и вариантных форм, которые часто употреблялись без нужной стилистической мотивировки. К 30-м годам возникает потребность в нормализации в сфере произносительных и грамматических средств литературной речи и в их стилистической квалификации.

Эту проблему М.В. Ломоносов четко формулирует и решает в "Российской грамматике", в которой он разграничивает стили произношения, характеризует вариантные грамматические формы и прикрепляет их к основным стилям русского литературного языка. Главное внимание он обращает на описание живых общеупотребительных форм речи, составляющих основу нового литературного языка, и на сопоставление их с формами высокого и низкого стилей.

В области фонетической дифференциации стилей М.В. Ломоносов четко обозначает отличия высокого стиля от стиля простого. "Русское произношение, — пишет он, — должно рассматриваться двоякое — простое и ораторское: 1. ишчезает, 2. исчезает" (7, 623)[27].

Ср. также другие определения и примеры из "Российской грамматики":

"Буквы *е* и *ѣ* в просторечии едва имеют чувствительную разность, которую в чтении весьма явственно слух разделяет и требует в *е* белости, в *ѣ* тонкости" (7, 427).

"Три, трехъ; везу, везешь; огонь, огнемъ выговаривают в просторечии тр͡іохъ, вез͡іошь, огн͡іомъ" (7, 425).

"Буквы з, с, т в предлогах произносятся как им последующие и с ними сливаются: съ шумомъ, изъ шерсти, отъ червей, съ жилами выговаривают: шшумомъ, ишшерсти, оччервей, жжилами" (7, 427).

Ср. из материалов к "Российской грамматике":

"Сей употребляется въ простыхъ разговорахъ только въ косвенныхъ падежахъ въ знаменованіи только времени и мѣста: на сихъ дняхъ, на семь мѣстѣ и пишется говорить с͡іомъ, и въ семъ случаѣ, и къ тому, и къ сему" (7, 608) и т.д.

Таким образом, простое произношение "больше употребительно в обыкновенных разговорах", ораторское "в чтении книг и в предложении речей изустных к точному выговору букв склоняется" (7, 427).

Фонетические признаки высокого стиля русского литературного языка XVIII в. в сравнении с простым стилем выражаются в следующих главных явлениях: 1) в тенденции к оканию, 2) в произношении *е* под ударением вместо *о* перед твердыми согласными, 3) в различении *е* и *ѣ* (к середине XVIII в. эта разница совершенно

---

[27] Ср. также рекомендацию М.В. Ломоносова из "Краткого руководства к риторике" о том, каким должно быть ораторское произношение в жанрах высокого стиля: "Каждое речение, склад и литеру выговаривать чисто и ясно и в один дух излишно не захватывать, ибо сие понуждает часто в непристойном месте остановиться или, несколько складов не договоря, пропустить" (7, 78).

исчезает), 4) в произнесении *г* фрикативного в славянизмах, 5) в некоторых особенностях в акцентуации слов и в их интонации[28].

На фонетических признаках среднего стиля М.В. Ломоносов специально не останавливается, рассматривая их в системе простого стиля. "В центре научно-лингвистических интересов Ломоносова, — справедливо отмечает В.В. Виноградов, — была общерусская, т.е. национальная, произносительная норма "обыкновенного штиля" и специфические фонетические качества и особенности высокого славенского красноречия. Произносительная система среднего стиля характеризовалась лишь более широким, по сравнению с обыкновенным штилем, использованием особенностей высокого риторического стиля произношения в кругу отдельных разрядов форм, слов и выражений"[29].

Основой произносительной системы русского литературного языка М.В. Ломоносов считает московское наречие, которое "не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается" (7, 430).

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII в. В ТЕОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

В "Российской грамматике" поражает обилие замечаний М.В. Ломоносова, в которых заключена стилистическая характеристика морфологических явлений русского языка. На первый взгляд они как бы разрознены и лишены регулярности. На самом же деле в этих замечаниях видна стройная система взглядов исследователя на природу стилистических явлений в морфологии.

Выявляются четыре нормативно-стилистические тенденции в замечаниях М.В. Ломоносова.

1. Основу стилистических взглядов М.В. Ломоносова в "Российской грамматике" составляет разграничение явлений высокого и низкого стилей применительно к морфологическому уровню литературного языка. Этот стилистический принцип является важнейшим для ученого.

Наиболее регулярно он проводится в сфере склонения имен существительных. Так, о параллельных формах родительного падежа второго склонения он пишет, что имена существительные, наиболее часто употребляющиеся в живой речи, "имеют в родительном *у* и тем больше оное принимают, чем далее от славенского отходят, а славенские, в разговорах мало употребляемые, лучше удерживают *а*: размахъ, размаху; чесъ, чесу; взглядъ, взгляду; визгъ, визгу; грузъ, грузу; попрекъ, попреку; переносъ, переносу; возрастъ, возрасту и возраста: видъ, виду и вида; трепетъ, трепета" (7, 457).

О синонимических окончаниях предложного падежа имен сущест-

---

[28] См. об этом подробнее: *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938. С. 100—106.

[29] *Виноградов В.В.* Проблемы стилистики русского языка в трудах Ломоносова // Ломоносов. Материалы и исследования. М., 1961. Т. 5. С. 54.

вительных второго склонения: "Как во многих других случаях, так и здесь наблюдать надлежит, что в штиле высоком, где российский язык к славенскому клонится, окончание на ѣ преимуществует: очищенное въ горнѣ злато; жить въ домѣ Бога вышнаго; въ потѣ лица трудъ совершать; скрыть въ ровѣ зависти; ходить въ свѣтѣ лица Господня; но те же слова в простом слоге или в обыкновенных разговорах больше в предложном *у* любятъ: мѣдь въ горну плавить; въ поту домой побежалъ; на рву жить; въ свѣту стоять" (7,461).

К простому "штилю" он относит "имена увеличительные и умалительные".

"Увеличительных имен три рода имеют российские имена существительные: 1) на *-ище,* 2) на *-ина,* 3) на *-инище*: столъ, столище, столина, столинище; рука, ручище, ручина, ручинище. Все сии значат вещь грубую" (7,473).

"Умалительные имена собственные" принадлежат к простому "штилю": "Иванъ, Ванька, Ивашко, Ваня, Ванюшка; Авдотья, Дунька, Дунюшка, Авдотьюшка и другие многочисленные". По им, замечает М.В. Ломоносов, не по правилам, а по употреблению учиться должно (7,475).

Стилистическое замечание приводится к синонимичным формам родительного падежа личного местоимения она (ср.: "*ее* в просторечии, *ея* в штиле употреблять пристойно") (7, 543).

Среди параллельных форм степеней сравнения прилагательных проводятся следующие различия: аналитическая форма с *самый* прикрепляется к "обыкновенному штилю" (*самой скверной, самой точной*), сравнительная и превосходная степень на *-ейший, -айший* и *-ший* свойственна "высокому штилю".

"Славенский рассудительный и превосходный степень на *шій* мало употребляется кроме важного и высокого стиля, особливо в стихах: далечайшій, свѣтлѣйшій, пресвѣтлѣйшій, высочайшій, превысочайшій, обильнѣйшій, преобильнѣйшій" (7,467).

Стилистические замечания есть и в наставлении "О глаголе". Вот две иллюстрации.

К простому "штилю" М.В. Ломоносов относит так называемые междометные глаголы. "Оканчевая правила о глаголах, — пишет он, — нельзя не упомянуть о некотором особливом свойстве простого российского языка, изображающем скорые действия, которые производятся от прошедших неопределенных: от глядѣлъ — глядь; от брякалъ — брякъ; от хваталъ — хвать, от совалъ — совъ; от пыхалъ — пыхъ" (7, 539).

С низким "штилем" соотносятся "глаголы российские, у славян неизвестные" с суф. *-ну*: *брякнулъ, нырнулъ.*

2. М.В. Ломоносов формирует принцип стилистического единства внешней формы слова и его семантики и широко применяет его в "Российской грамматике". Необходимость формирования этого принципа объясняется тем, что в эпоху двуязычия были созданы и достаточно широко употреблялись формы гибридного характера, основы которых были образованы от "низких", российских слов и объединены с суффиксами "славенского" происхождения. Такие образования он называет „непристойными", „противными слуху" и предлагает соблю-

дать при словообразовании единство стилистического облика основы и суффикса.

„Весьма не надлежит производить причастий от тех глаголов, — пишет М.В. Ломоносов, — которые нечто подлое значат и только в простых разговорах употребительны, ибо причастия имеют в себе некоторую высокость, и для того очень пристойно их употреблять в высоком роде стихов. Которые российский язык не очень твердо знают, а притом мало или ничего славенских книг не читали и затем прямого употребления причастий понять не могут, те безопасно поступят, ежели вместо причастий глагол с возносительными писать будут" (7, 496).

„Поэтому причастия трогаемый, качаемый, мараемый, произведенные от российских глаголов, у славян в употреблении не бывших", по оценке ученого, "весьма дики и слуху несносны" (7, 548).

М.В. Ломоносов указывает на возможность образования формы причастий только от "славенских" глаголов. В тех случаях, когда форма причастия необходима, а образовать ее от русского глагола стилистически неудобно, он рекомендует подыскивать соответствующий "славенский" синоним: „Когда причастия от обыкновенных российских неупотребительны, можно в пристойные места взять из славенского вместо оных: колдующій, дерущійся, — не принимаются — но вместо их служить могут: волшебствующій, воюющій" (7, 550).

Ср. также ломоносовское замечание о недопустимости образования деепричастий на *-учи* от "славенских" глаголов: *дерзая* от *дерзати*; но *толкаючи* от *толкать* (7, 499).

Этот стилистический принцип применяется и при образовании форм превосходной степени. "Здесь должно иметь осторожность, — предостерегает Ломоносов, — чтобы сего не употреблять в прилагательных низкого знаменования или в неупотребительных в славенском языке и не сказать: блеклѣйшій, преблеклѣйшій, прытчайшій, препрытчайшій и сим подобным" (7, 467).

Важно указать, что принцип стилистического единства внешней формы и его семантики М.В. Ломоносов распространяет и на словосочетания.

Так, в словосочетаниях, в состав которых входят имена существительные с флексией *у* или *а* родительного падежа, выбор окончания определяется не смыслом основы этого слова, а семантическим единством всего словосочетания в целом. "Различие древности слов и важности знаменуемых вещей, — заключает он, — весьма чувствительно и показывает себя нередко в одном имени, ибо мы говорим: святаго духа; человѣческаго долга; Ангельскаго гласа, а не святаго духу; человѣческаго долгу; ангельскаго гласу. Напротив того, свойственнее говорится: розоваго духу; прошлогоднаго долгу; птичья голосу, нежели розоваго духа; прошлогоднаго долга; птичья голоса" (7, 457).

3. Иногда стилистическая характеристика грамматической формы дается не прямо, путем соотнесения ее со "штилем" (как это наблюдается в Российской грамматике в подавляющем большинстве случаев), а косвенно, через "материю", к которой прикрепляется эта форма.

Так, некоторые числительные сохраняют архаические формы при описании "высоких материй": „От одиннадцати до девятнадцати девять производных составляются ниже приложением надесять: первойнадесять, второйнадесять и прочие; употребляются только в важных материях и в числах месячных: Карлъ вторыйнадесять, а не двенадцатой; Лудвигъ пятыйнадесять, а не пятнадцатой; сентября пятоенадесять число, а не пятнадцатое число" (7, 476).

Собирательные числительные имеют свою специфику употребления в „низком и высоком штилях". "Числительные двое, трое, четверо, десятеро и проч. во всех падежах требуют существительного в родительном множественном: двое мѣщанъ, трое бѣглыхъ, девятеро разбойниковъ. Но сие употребляется только о людях, и то по большей части низких, ибо неприлично сказать: трое бояръ, двое архіреевъ, но три боярина, два архіерея" (7, 558).

4. М.В. Ломоносов руководствуется при оценке морфологических заимствований, функционирующих параллельно с "российскими" формами, нормативно-стилистическим критерием правильности, чистоты речи.

Так, он считает, что новые "превосходные, с польского языка взятые" формы превосходной степени с формантом *наи* — "наилутчій, наичистѣйшій российскому слуху неприятны" (7, 467).

„Предлог чрезъ хотя в недавных временах введен был вместо от, однако, нам то не свойственное и со французского языка принужденное употребление" (7, 562).

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИНТАКСИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА XVIII в. В ТЕОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА

В "Российской грамматике" вопросам стилистического синтаксиса отводится значительно меньше места, чем рассмотрению стилистических в морфологии. Это объясняется тем, что основные стилистические проблемы изучения русского синтаксиса М.В. Ломоносов рассматривает в своих риториках.

В "Российской грамматике" содержатся отдельные замечания, касающиеся стилистических оценок ряда синтаксических явлений, которые относятся к области просторечия и красноречия или представляют собою характеристику нарушений норм литературного языка. Но стилистическая направленность синтаксиса М.В. Ломоносова несомненна, если иметь в виду, что структурные основы русского языка, представленные в „Российской грамматике", в основном совпадают со средним стилем.

Вот несколько стилистических рекомендаций из „Российской грамматики".

М.В. Ломоносов, например, отмечает, что, "глагол есть и редко явственно изображается, особливо в обыкновенном штиле и в разговорах" (7, 564).

Ср. в „Кратком руководстве к красноречию": „В сем предложении

огонь горит, глагол переменив в причастие и приложив связку, будешь иметь огонь есть горящий, где подлежащее, сказуемое и связка изображены явственно, хотя в российском языке сия речь несвойственна" (7, 117).

Некоторые связаны с оценкой устаревших синтаксических оборотов. "Сожалетельно, — пишет М.В. Ломоносов, — что из обычая и употребления вышло славенское в сочинении глаголов свойство, когда вместо деепричастий дательный падеж причастий полагался, который служил в разных лицах: ходящу мнѣ въ пустынѣ, показался звѣрь ужасный. И хотя еще есть некоторые того остатки российскому слуху сносные, как: бывшу мнѣ на морѣ, восстала сильная буря, однако прочие из употребления вышли. В высоких стихах можно, по моему мнению, с рассуждением некоторых принять". (7, 567).

В дательном самостоятельном он видит краткость и красоту и иногда употребляет его.

В отрывке из „Истории римского историка Аммиана Марцеллина", переведенном для „Краткого руководства к красноречию":

"Потом, якобы божественной силе, роковою молниею поражающей и ветры от самых оснований испущающей, ударила с яростью великая буря" (7, 357—358).

Ср. также запись дательного самостоятельного в материалах к „Российской грамматике": "богу помогающу" (7, 705).

Примером стилистической оценки, указывающей на нарушение норм литературной речи, может служить следующий отрывок из „Российской грамматики": „Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личными лицами разделяют, ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным глаголом личным, на котором всей речи стоит сила: идучи въ школу, встрѣтился я съ пріятелемъ; написавъ я грамотку посылаю за море. Но многие в противность сему пишут: идучи я въ школу, встрѣтился со мною пріятель; написавъ я грамотку, онъ пріѣхалъ съ моря; будучи я удостовѣренъ о вашемъ къ себѣ дружествѣ, вы можете уповать на мое къ вамъ усердіе, что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое российское сочинение" (7, 566—567).

Центральное место в стилистическом синтаксисе М.В. Ломоносова занимает учение о периодической форме речи. Учение о периоде, как известно, было разработано античными авторами, но понимание периодической формы речи не отличалось единством: период характеризуется ими то как категория риторики, то как категория синтаксиса[30]. Учение о периоде включалось почти во все отечественные риторики XVII — начала XVIII в.

М.В. Ломоносов усваивает античную теорию периодической речи, но дополняет ее новыми положениями и приспосабливает к стилистическим потребностям развивающегося национального литературного языка, к практике художественной литературы. В „Российскую грамматику" он включает, кроме фонетики, морфологии и учения о сло-

[30] Краткую историю теории периода см.: *Шапиро А.Б.* О периодической форме речи // Рус. яз. в шк. 1951, N 1. С. 26—36.

восочетании, "сочинение речений" и "сочинение сложное", т.е. простое и сложное предложение.

Период М.В. Ломоносов относит к стилистике. "Сопряжением простых идей составленные предложения называются по-риторически периодами", — пишет он (7, 121).

Периодическую форму речи он изучает с разных сторон, благодаря чему эта категория получает исчерпывающую характеристику.

Во-первых, М.В. Ломоносов рассматривает периодическую форму речи со стороны логико-конструктивной.

Во-вторых, он подробно останавливается на характеристике структурно-грамматических признаков периода.

В-третьих, ученый дает развернутую оценку видам периодической речи с точки зрения стилистической.

В-четвертых, период описывается со стороны изобразительных и выразительных средств языка, входящих в него.

Логико-конструктивные признаки периода

Конструктивные признаки периода выявляются в его построении, в его связи с членами предложения или сцеплением предложений, входящих в состав синтаксического целого. М.В. Ломоносов описывает одночленные, двучленные, "тричленные" и "четыречленные" периоды. Это наиболее распространенные виды периодической формы речи, но иногда периоды возрастают до 5 и до 6 членов (7, 37).

В простом предложении, составлечном сопряжением простых идей могут быть следующие модели построения периодической формы речи: 1) одно подлежащее — одно сказуемое, 2) несколько подлежащих — одно сказуемое, 3) одно подлежащее — несколько сказуемых, 4) несколько подлежащих — несколько сказуемых.

Все эти модели создают одночленный период. Простые идеи, "которые ежели когда полагаются в слове без всякой взаимной принадлежности, которая разум одного связывает с разумом другого, то называются они одночленными" (7, 121).

Ср. примеры одночленных периодов, построенных по 1-й и по 3-й моделям: "Доброе начало есть половина всего дела" (7, 121); "Мы учились в одном доме, в поле были товарищи, потом свойством соединились и всегда верную дружбу между собою имели" (7, 121).

Границы двучленного периода совпадают с "двумя логическими предложениями", которые "будут между собой иметь взаимную принадлежность", границы "тричленного" с "тремя логическими предложениями" и т.д.

Структурно-грамматические признаки периода

К их числу М.В. Ломоносов относит различные формы синтаксической связи: "союзы соединения" *и, ни* и т.д., "союзы избрания" *или, либо* и т.д., повторение союзов, подчинительные союзы *понеже, того ради, хотя, ежели* и т.д., указательные местоимения в главной части сложноподчиненных предложений и соотносящиеся с ними относительные союзы, союзы сравнения, предлоги и т.д.

Конструктивные особенности периодов определяются синтаксическим значением союзов, участвующими в соединении членов периодической формы речи. Так, в построении одночленных периодов принимают участие сочинительные союзы, а в построении сложных периодов — подчинительные союзы, указательные и относительные слова.

Но при создании периодов нельзя полагаться только на одни союзы и видеть в них заранее заданную схему, в которой могла бы быть выражена любая мысль. Подобный формализм, особенно свойственный теории и практике гомилетики, осуждается М.В. Ломоносовым. "В составлении периодов, — пишет он, — некоторые учат полагаться много на союзы, которыми члены их соединены бывают, рассуждая, что по ним предлагаемые разумы яснее изображены и украшены быть могут. Но сие от искусных почитается за самую тщету, ибо что может то пособить, ежели и расположить союзы, например: хотя, однако, не токмо, но и, ежели идеи в них невместны или еще и не приисканы? А когда их довольно изобретено, то уже союзы сами собою найдутся. К тому же по предписанным союзам идеи располагать весьма опасно, ибо часто от того происходят принужденные и ложные рассуждения" (7, 125).

Таким образом, следует идти от мысли к ее оформлению, а не от формальной схемы к мысли.

Интересны поэтому такие стилистические рекомендации М.В. Ломоносова. "Члены в периодах и целые периоды, особливо в высоких и стремительных материях, большее великолепие и силу имеют, ежели союзы выкинуты будут, которых миновать можно, например:

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны.

Здесь напереди оставлен союз *хотя*, который, будучи приложен, много бы силы отнял" (7, 376).

"Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются; итак, подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И так те махины, в которых меньше клёю и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых спаев и склеек много, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше. Однако не должно в нем оставлять таких щелей, по которым бы оно могло вовсе развалиться" (7, 376—377).

В периодической форме речи "больше всего к избежанию союзов служат фигуры" (7, 377).

Стилистические признаки периода

В зависимости от объема членов периода и объема групп подлежащего и сказуемого М.В. Ломоносов различает три стилистические разновидности периодов: 1) круглые и умеренные, 2) зыблющиеся и 3) отрывные.

К числу круглых периодов он относит такие формы речи, в которых "подлежащие и сказуемые величиною не много разнятся" (7, 123).

"Добрый конец все дело венчает" — иллюстрация круглого периода, состоящего из одного предложения" (7, 121).

"Но ежели в периодах части, то есть члены, или в членах подлежащие и сказуемые будут очень неравны, то называются они зыблющимися" (7, 123).

Ср. из "Оды на прибытие Елизаветы Петровны из Москвы в Петербург" (1742):

Как лютый мраз весна прогнавши
Замерзлым жизнь дает водам,
Туманы, бури, снег поправши,
Являет ясны дни странам,
Вселенну паки воскрешает,
Натуру нам возобновляет,
Поля цветами красит вновь, —
Так ныне милость и любовь
И светлый дщери взор Петровой
Нас жизнью оживляет новой. (8, 96).

Отрывные периоды в большинстве случаев состоят из сцепления одночленных синтаксических построений "чрез отъятие союзов". Ср. из "Оды на день тезоименитства Петра Федоровича" (1743):

Уже врата отверзло лето:
Натура ставит общий пир;
Земля и сердце в нас нагрето;
Колеблет ветви тих зефир;
Объемлет мягкий луг крылами;
Крутится чистый ток полями;
Брега питает тучный ил;
Древа и цвет покрылись медом;
Ведет своим довольство следом
Поспешно ясный вождь светил (8, 103).

Употребление изобразительных и выразительных средств языка как характерная особенность периодической формы речи

Специфические особенности периода связаны с определенными видами устной речи, с речью ораторской и стихотворной, которые оказывают сильное воздействие на слушателей и читателей. Это воздействие достигается не только синтаксическим построением, логической организацией мысли, интонационно-ритмическим оформлением периодической формы речи, но и функционально оправданным выбором и соотношением украшенных и неукрашенных средств языка.

В своей стилистической теории М.В. Ломоносов уделяет большое вниманию описанию правил и рекомендаций целенаправленного отбора в периодическую форму речи изобразительных и выразительных средств языка. Период — категория украшенной речи, которая наполняется "тропами речений и предложений" и "фигурами речений и предло-

жений". При употреблении тропов и фигур "идеи представляются много живяе и великолепнее, нежели просто" (7, 246).

В учении о периоде употребление изобразительных и выразительных средств языка подчиняется двум стилистическим правилам.

Во-первых, все тропы и фигуры должны быть охарактеризованы с точки зрения "пристойности", т.е. соответствия их "материям", теме повествования или описания. В языке есть разные тропы и фигуры. "Подлые" тропы и фигуры соответствуют "подлым вещам", а высокие тропы и фигуры соотносятся с "высокими вещами". "К вещам высоким и важным, — отмечает М.В. Ломоносов, — непристойно переносить речений от вещей низких и подлых...; к низким и подлым вещам от высоких и важных переносить речения также непристойно, кроме шуток" (7, 246).

Во-вторых, при употреблении тропов и фигур следует полагаться на чувство меры при их выборе. Применение тропов и фигур не должно быть суггестативным, наряду с украшенными средствами языка в периоде необходимо использовать и неукрашенные средства.

Вот несколько его рекомендаций. "Метафору не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь стесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают" (7, 246).

"Аллегорическим штилем многие излишно услаждаются и чрез меру часто сей троп употребляют, а особливо те, которые не знают подлинной красоты слова, но прельщаются притворным его видом. Умеренно употребленная аллегория слово украшает и возвышает, а без меры часто в слово перенесенная оное помрачает и обезображает" (7, 252).

"Смешение и соединение фигур, равно как и тропов, должны иметь свою меру, а особливо в рассуждении разных родов слова, ибо, хотя фигуры важную и благородную материю украшают, возвышая и устребляя слово, однако в подлых материях частое оных употребление неприлично" (7, 292).

Важное место в теории периода у М.В. Ломоносова занимает учение "о изобретении витиеватых речей".

"Витиеватые речи (которые могут еще называться замысловатыми словами или острыми мыслями), — пишет он, — суть предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезъестественным образом, и тем составляют нечто важное или приятное" (7, 204—205).

Соединение подлежащего и сказуемого представляет особый интерес для М.В. Ломоносова, так как в этой "странности" заложены богатые возможности для выявления стилистических качеств остроумной речи. Причем он обращает внимание на характеристику тех способов создания "витиеватых речей", о которых "древние учители красноречия мало упоминают". Так, в краткой "Риторике" М.В. Ломоносова 3 способа создания "замысловатых мыслей", а пространная "Риторика" насчитывает их уже 14.

Пристальное внимание М.В. Ломоносова к этому явлению объясняется тем, что витиеватые речи представляют собою комплекс важных

синтаксико-стилистических приемов, с помощью которых можно создать речь, богатую идейным содержанием, полную неожиданных смысловых ассоциаций. "Ни в чем красноречие не утверждается на примерах и на чтении и подражании славных авторов, как в витиеватом роде слова, — отмечает М.В. Ломоносов, — и нигде больше не служит остроумие и поворотливость разума, как в сем случае" (7, 219).

Но он предостерегает от чрезмерного увлечения поисками "острых мыслей". Он осуждает "нынешних итальянских авторов, которые силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются" (7, 206).

В стилистическом синтаксисе М.В. Ломоносов отводит много места изучению синонимических возможностей русского языка. Он отмечает синтаксические синонимы между словосочетаниями, в структуре предложений и между различными типами предложений. Ср., например, такую параллель между именными словосочетаниями разного значения: *ясное небо — ясность неба* (7, 56).

М.В. Ломоносов видит смысловое различие в синонимических конструкциях именных сказуемых с краткими формами имен прилагательных, отличающихся от соотносительных полных своими значениями. Ср., например, такие параллели, которые он записывает в материалах к "Российской грамматике": *Онъ добръ — Онъ доброй* (7, 634). *Этотъ кафтанъ красенъ — Этотъ кафтанъ красной* (7, 617).

Синонимичными для него являются предложения личные и безличные такого типа, как *Я стыжусь — Мне стыдно* (7, 56). Различие между ними заключается в том, что личные конструкции выражают значение активности действующего лица, а безличным присущ оттенок пассивности.

М.В. Ломоносов синонимизирует действительные, страдательные и безличные обороты, например, *Ветр траву колеблет — Трава от ветра колеблется* (7, 56); *Ему деньги отказаны — Ему от денег отказано* (7, 627), где различия между ними определяются грамматической структурой и логическими отношениями.

Синонимические возможности заключены также в параллелях такого типа, как *Я вижу спор — Я вижу, что спорят* (7, 56), где соотносятся простое и сложноподчиненное предложения.

Большое внимание М.В. Ломоносов уделяет изучению стилистических функций русского словорасположения, которые, по его мнению, заключаются в том, что при перестановке слов появляются добавочные смысловые оттенки и изменяются экспрессивные функции того или иного члена предложения или синтаксической конструкции.

М.В. Ломоносов выделяет в русском языке "натуральное" расположение слов и "художественное".

"Натуральное есть, которое самой натуре последует, как она требует, что бывает по времени, месту или достоинству". "Художественное расположение есть, которое утверждается на правилах" (7, 294).

Правила "художественного расположения" М.В. Ломоносов выводит, с одной стороны, из идейно-смысловых особенностей сообщения (ср., например, его замечание о том, что "по наращению всегда

важнейшие идеи следуют тем, которые не так важны, и заключаются самою важною, что наблюдать должно в периодах, которыми хотим что доказывать, возбудить или утолять страсти" (7, 371), с другой стороны, из "штиля", которым пишется тот или иной жанр, из законов словорасположения в русском предложении, из особенностей структуры художественной композиции и т.д.

Вот некоторые из правил словорасположения.

"Деепричастия со своими падежами полагаются приличнее напереди" (7, 372).

"Приложения, состоящие в именах прилагательных и причастиях, полагаются в середине того предложения, к которому они надлежат что больше бывает в повествованиях и описаниях, например:

Она, Секста Росция, ничего не имеющего, из дому изверженного, изгнанного из вотчин, убегающего от оружия и от угроз разбойнических, приняли в дом свой.

Но в стремительной прозе и в высоких стихах приличнее периоды начинать с таких приложений, например:

Окруженное оружием и пламенем нечестивого злоумышления, простирает к вам с молением руки общее отечество" (7, 372).

"Предложения, возносительными местоимениями и наречиями присоединяемые, полагаются в середине главного предложения или после оного:

В лугах, исполненных плодами,
Где Волга, Днепр, Двина и Дон,
Своими чистыми струями
Шумя, стадам наводят сон,
Сидит и ноги простирает
На степь, где хинов отделяет
Пространная стена от нас" (7, 374—375).

"Предлогами соединяемые приложения, место, время или иное что значащие, в начале, в середине и в конце главных предложений вмещены бывают. Однако, где слово устремить или возвысить должно, тут нередко бывает пристойнее вмещать оные напереди, например:

В толикой горестной печали
Сомненный их шатался путь" (7, 375).

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ М.В. ЛОМОНОСОВА

Стилистическая теория М.В. Ломоносова служит предметом филологического анализа в современном языкознании. Выявился ряд спорных вопросов, на анализе которых следует остановиться.

А.И. Ефимов неоднократно высказывал мнение о том, что система трех стилей устанавливалась М.В. Ломоносовым только в сфере языка художественной литературы и не распространялась на другие разновидности литературного языка[31].

Это утверждение нельзя признать убедительным, так как оно не

[31] *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. М., 1963. С. 119.

учитывает того обстоятельства, что содержание таких понятий, как литература, художественная литература, литературность речи, стиль в XVIII в. было иным, чем в современную эпоху. "Делались попытки (например, проф. А.И. Ефимовым в его "Истории русского литературного языка"), — справедливо отмечает В.В. Виноградов, — ограничить круг действия ломоносовской теории трех стилей как в сфере грамматической, так и лексико-семантической регламентации только границами художественной литературы, причем совсем не рассматривался вопрос о соотношении и взаимодействии в русской словесной культуре XVIII в. категорий "литературности" вообще и "литературности художественной", "штиля" (т.е. литературно-ограниченной речи) и языка простых разговоров[32].

Не правомерно разграничивать художественную и нехудожественную речь по языковому признаку в литературе середины XVIII в. Разграничения художественной и нехудожественной речи по языковому материалу не существует в этот период. Три стиля — это стили литературного языка, а не только языка художественной литературы. Другой вопрос связан с типологией стилей, их количеством и соотношением в теории М.В. Ломоносова.

Как известно, понятие среднего стиля было сформулировано М.В. Ломоносовым в его последнем филологическом сочинении в "Предисловии о пользе книг церковных в российском языке". В других его трудах, в частности в двух "Риториках", пространной и краткой, и в "Российской грамматике", говорится только о высоком и простом стилях. Это дало возможность ряду исследователей утверждать, что "в период работы над "Грамматикой" М.В. Ломоносов различал только два стиля, а не три"[33].

Нельзя признать убедительной подобную аргументацию. Понятие среднего стиля было необходимо М.В. Ломоносову для характеристики словарного состава. В силу близкого родства между русским и старославянским языками часть словарного состава этих языков совпадает в общей лексической группе, которую он называет "общеупотребительной" или "славенороссийской". Поэтому, когда М.В. Ломоносов выделяет "высокие" и "низкие" слова, которые определяют соответственно "высокий штиль" и "низкий штиль", то и "употребительные", "славенороссийские" слова образуют особый языковой стиль, занимающий промежуточное положение между полярными стилями. Иными словами, выделение "трех родов речений российского языка", обозначающих высокие, средние и низкие предметы, соответственно приводит к образованию высокого, среднего и низкого стилей. Термин „средний стиль" отсутствует в краткой и пространной "Риториках" и в "Российской грамматике" по следующим причинам.

Во-первых, в области фонетических, морфологических и синтаксических явлений принцип трехчленного описания стилей не мог быть реализован с такой относительной регулярностью, с которой он

---

[32] *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 230—231.

[33] См., например, примечания Г.П. Блока и В.Н. Макеевой к "Предисловию о пользе книг церковных в российском языке" (7, 898).

выявляется в словарном составе. Сказывается отличие в природе и в специфических свойствах разных уровней языковой системы. В "Российской грамматике" М.В. Ломоносов не мог выделить три ряда соотносительных явлений в области фонетики, морфологии и синтаксиса, так как таких трех рядов не было, а было только два: высокий и простой стили.

Во-вторых, "Российская грамматика" отразила общенациональные речевые нормы, которые, опираясь на разговорную речь, но больше всего на употребление форм слов и конструкций в системе художественной литературы, регламентировали главным образом нормы высокого и среднего стилей. "Ломоносов в "Российской грамматике", — пишет В.В. Виноградов, — описывая и систематизируя фонетические, морфологические и отчасти синтаксические явления, стремился представить общую структурную основу русского языка, которая в основном совпадает со средним стилем, а иногда приближается к простому. Эта основа служит фоном и вместе с тем ориентиром для противопоставления отклоняющихся от нее явлений высокого славенского штиля системе простого, разговорного стиля"[34].

Есть и другая точка зрения, которая видит эволюцию во взглядах М.В. Ломоносова на соотношение стилей в русском литературном языке середины XVIII в. и даже "несомненные колебания в определении самого состава стилей"[35]. По этому мнению, М.В. Ломоносов начал изучение русского языка с выделения двух стилей (высокого и простого). Затем он предложил план разделения "штиля" на пять разновидностей (риторический, пиитический, исторический, дидаскалический, простой), но вместо этого он воспользовался трехчленной схемой стилей (высокий, посредственный и низкий).

Это мнение основано на неправомерном отождествлении типов литературного языка, языковых и функционально-речевых стилей — явлений различного качественного уровня. Между тем у М.В. Ломоносова никогда не было колебаний в определении состава языковых стилей. Идея трехчастного деления языковых стилей литературного языка пронизывает все филологические труды М.В. Ломоносова на всем протяжении его творчества.

В последнее время особое внимание историков русской культуры и филологов привлекает сочинение "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке", которым открывается 1-й том "Собрания разных сочинений в стихах и в прозе г. коллежского советника и профессора Михайла Ломоносова" (1757), изданного Московским университетом.

Точно установлено время издания "Предисловия" (13—16 августа 1758 г.), которое было очень быстро написано Ломоносовым после

---

[34] *Виноградов В.В.* Проблемы стилистики русского языка в трудах Ломоносова. С. 53. См. также: *Виноградов В.В.* Роль художественной литературы в процессе формирования и нормирования русского национального литературного языка до конца 30-х гг. XIX в. // Тезисы докладов на совещании по проблемам образования русского национального языка в связи с образованием других славянских национальных языков. М., 1960. С. 6.

[35] *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. М., 1963. С. 119—121.

того, когда весь тираж 1-го тома уже был напечатан, выяснены детали, связанные с допечаткой первых двадцати страниц этой книги и т.д. Но нельзя сказать, чтобы изучение истории возникновения "Предисловия" и интерпретация его идей идут в правильном направлении. Так, комментарий Г.П. Блока и В.Н. Макеевой к этому произведению, опубликованному в 7 томе Полного собрания сочинений М.В. Ломоносова, построен на неправильных предположениях и догадках.

Считается, например, что "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке" представляет собою вводную статью "на угодную Синоду тему", которую М.В. Ломоносов написал, чтобы "обезопасить себя, а заодно и Московский университет от клерикальных нападок", так как "еще давал себя знать недавний конфликт М.В. Ломоносова с Синодом из-за "Гимна бороде" (7, 893—894). Неверно толкуется идейный смысл названия сочинения.

А между тем идея "пользы книг церковных в российском языке" была постоянной темой филологических наблюдений Ломоносова. Для М.В. Ломоносова "славенский язык" — это древнейший литературный язык славянства, язык старой письменной и книжной традиции, который можно обнаружить в определенных текстах. Поэтому для понимания природы и состава "славенской" стихии в "российском языке" необходимо постоянно обращаться к церковным книгам. О пользе такого обращения он настойчиво напоминает во всех своих произведениях и заметках. Когда ученый пишет "о пользе книг церковных", то имеет в виду не содержание церковных книг, не их теологическую сущность, а лексическую и грамматическую пользу церковных книг при описании норм русского литературного языка и его стилей. Для понимания природы и состава "славенской" стихии в "российском языке" необходимо постоянно обращаться к церковным книгам[36].

Вот несколько мыслей М.В. Ломоносова на эту тему.

Обосновывая в пространной "Риторике" тезис "о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают", М.В. Ломоносов пишет: "Что до чтения книг надлежит, то перед прочими советую держаться книг церковных (для изобилия речений, не для чистоты), от которых чувствую себе немалую пользу. Сие все каждому за необходимое дело почитать должно, ибо, кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва говорить чисто и иметь довольство пристойных и избранных речений к изображению своих мыслей" (7, 237).

Важно заметить, что уточнение, сделанное М.В. Ломоносовым в скобках "для изобилия речений, не для чистоты" в печатном тексте пространной "Риторики", отсутствует в рукописи (см.: 7, 237, примечание а).

Говоря в "Российской грамматике" о диалектных отклонениях типа

---

[36] История возникновения "Предисловия" М.В. Ломоносова и идейный смысл этого сочинения рассмотрены в статье: *Вомперский В.П.* К истории создания "Предисловия о пользе книг церковных в российском языке" М.В. Ломоносова // Русистика сегодня. М., 1988. С. 209—218.

тену, яму вместо *тяну, ему*, он отмечает, что эти явления "непростительны, и сожалетельно, что для избежания сих погрешностей не можно предписать других правил, кроме прилежного учения российской грамоте и чтения книг церковных, без чего и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может" (7, 431).

Для изучения и правильного употребления причастий, возвратных и страдательных глаголов в "российском языке", по мнению М.В. Ломоносова, "требуется прилежное чтение и довольное разумение книг церковных" (см.: 7, 496, 563).

В материалах к "Российской грамматике" есть такое замечание: "Труднѣйшія погрѣшности въ ѣ и въ о, когда оно за о произносится и знать, гдѣ бы писать о или а, читать славенскія книги и по нимъ грамотѣ учиться" (7, 690). См. также аналогичные замечания (7, 691, 763).

Таким образом, "церковные книги" для М.В. Ломоносова — это тексты, в которых находит свое отражение "славенский язык", необходимый для решения практических вопросов строительства новой литературной речи. Этим и объясняется постоянный интерес ученого к "церковным книгам" как источнику, содержащему запас слов для выражения отвлеченных понятий и заключающему в себе старые письменные традиции славянских народов.

"Предисловие о пользе книг церковных в российском языке" написано в особом жанре литературе XVII—XVIII в., в настоящее время почти забытом. Это сочинение М.В. Ломоносова — не вступительная часть к какому-нибудь произведению, которая знакомит читателя с идейным содержанием предлагаемого далее произведения (как это бывает с жанром предисловия в современном его понимании)[37], а научное сочинение на важную, принципиальную тему, имеющее самостоятельное значение. Поэтому не случайно реферат М.В. Ломоносова носит название "Предисловие о пользе книг церковных в российском языке", а не предисловие "О пользе книг церковных в российском языке"[38].

Предисловие, как жанр старой литературы, могло быть напечатано отдельно без текста, который следовал за ним.

Ср., например, перепечатку Н.И. Новиковым предисловия из "Грамматики славенской" Мелетия Смотрицкого 1648 г. под таким названием: "Предисловие ко грамматике славенской, напечатанной при Иосифе патриярхе; в котором содержится: о пользе грамматики, о нужде чтения священнаго писания, о необходимости исправления книжнаго, со многими душеполезными наставлениями, собранными из различных сочинений святых отец и церковных учителей; с присовокуплением известия о первом издании сея книги" (М., 1782).

Открывая 1-й том собрания сочинений "Предисловием о пользе

---

[37] Ср. в предисловии А.М. Горького к "Сборнику пролетарских писателей": "Предисловия пишутся для того, чтобы облегчить читателю понимание книги" (*Горький А.М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 168).

[38] Во французской литературе XVII—XVIII вв. жанр предисловия был популярной формой, в которой писатели и ученые излагали свои теоретические воззрения. Особенно показательны в этом отношении программные манифесты Корнеля, Расина и Мольера.

книг церковных в российском языке" и помещая вслед за ним произведения различного содержания, жанров и "щтилей" (в книгу включены "Оды духовные", "Оды похвальные", "Похвальные надписи", "Слово о пользе химии", "Слово похвальное Петру Великому", "Слово о происхождении света новую теорию о цветах представляющее", "Слово о рождении металлов от трясения земли", "Письмо о пользе стекла" и т.д.), М.В. Ломоносов как бы говорит своим читателям.

Вот теория стилей нового литературного языка и образцы литературной речи в различных жанрах и "штилях". Все эти образцы объединяет одно. В каждом из произведений видна "истинная польза славенских церковных книг в российском языке", которая заключается в том, что "славенский язык" "сугубо возвышает мысли" излагаемого предмета. А для этого каждый желающий правильно писать по-русски должен "уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога. Таким старательным осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков" (7, 591). Таков идейный смысл и содержание "Предисловия о пользе книг церковных в российском языке" М.В. Ломоносова.

ЗНАЧЕНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ М.В. ЛОМОНОСОВА В ИСТОРИИ НАУКИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.В. Ломоносов создал строгую и стройную теорию языка, которая сыграла выдающуюся роль в становлении и формировании новой системы русского национального литературного языка. Теория М.В. Ломоносова органически связана с важнейшими культурно-историческими потребностями русского общества XVIII в.[39] Она носит глубоко национальный характер, так как выросла из практических задач решения проблемы двуязычия на русской почве.

С поразительным историческим чутьем и гениальным даром научного обобщения М.В. Ломоносов вскрыл в своем учении существо тех процессов в истории русского литературного языка XVII — первой половины XVIII в., которые привели к выделению и формированию языковых стилей. Он определил закономерности в образовании новой стилистической системы русского литературного языка, систематизировав фонетические, грамматические и лексико-фразеологические различия между стилями.

Разделение языка на три стиля вносило порядок в ту стилистическую пестроту, которая была характерна для литературного языка Петровской эпохи. Эта стилистическая реформа сыграла выдающуюся роль в становлении и нормализации новой системы русского литературного языка и оказала громадное воздействие на судьбы русской литературы и литературного языка вплоть до середины 70-х — начала

[39] См.: *Западов А.В.* Отец русской поэзии. О творчестве Ломоносова. М., 1961. С. 223 и след.

80-х годов. Начиная с этого времени становятся наглядными процессы смешения и разрушения между языковыми стилями и выработки в недрах старой системы "штилей" функционально-речевых стилей, когда сближение норм разговорной и письменной речи создает единую норму национально-языкового выражения, которая нашла свое выражение в творчестве А.С. Пушкина.

Заложив основы стилистики русского языка как науки, М.В. Ломоносов сделал тем самым понятие стиля важнейшей и основной категорией этой науки. Но нельзя рассматривать его стилистическую теорию как замкнутую и совершенную — ведь сам великий ученый всегда боролся с догматизмом и узостью в науке, отвергал всякую схоластику. Если ломоносовское учение о стилях на рубеже XVIII—XIX вв. в обстановке ожесточенной борьбы между шишковистами и карамзистами стало знаменем архаистов и ретроградов, смотревших в прошлое, в историю, и не замечавших живой современности, если система трех стилей не могла охватить все многообразие литературной и письменной практики второй половины XVIII в., то в этом меньше всего повинен сам ученый.

Его теория является выражением конкретного исторического этапа в становлении и развитии научного языкознания в России, когда нужно было подвергнуть анализу и обобщению богатый и многообразный языковой материал, накопленный предшествующими поколениями, когда русская культура властно требовала указать дальнейшие пути развития национального языка. И только М.В. Ломоносов был способен ориентироваться и прокладывать новые пути в русском языке, который он уподоблял "безмерно широкому полю или, лучше сказать, едва пределы имеющему морю". Поэтому "никто в нашей отечественной филологии с такой полнотой и с такой глубиной, с такой свободной и всесторонней оценкой и интерпретацией языковых фактов, опирающейся на гениальную интуицию, тонкое художественное чутье и историческое осмысление тенденций русского литературного развития, до Ломоносова и после него не разрабатывал проблемы стилистики русского языка"[40].

[40] *Виноградов В.В.* Проблемы стилистики русского языка в трудах Ломоносова. С. 67.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVII—XVIII вв. — эпоха начального формирования русской, украинской и белорусской наций, их новых литературных языков и литератур. Именно в это время в России, на Украине и в Белоруссии расцветает грамматическая мысль, расцветает риторика. Грамматики и риторики — энциклопедии лингвистических знаний своего времени — играют заметную роль в описании литературных языков и в процессах их нормализации.

Риторика в России XVII—XVIII вв. складывается и формируется как часть европейской риторики, но обладает своей национальной характерностью, которая определяется местными традициями и общественными потребностями, формирующими ее содержание. Национальная характерность риторики проявляется в составе ее культурных компонентов, зависит от степени влияния, которое оказывают на нее другие риторические школы. В создании риторик XVII—XVIII вв. участвуют пять компонентов, которые по-разному проявляются у русских, украинских и белорусских риторов в зависимости от того культурного ареала, в котором возникают отечественные риторики. Эти компоненты — античная риторика, византийская риторика, риторики средневековья и Возрождения, испанская риторика XVI—XVII вв. и польская риторика XVI—XVII вв.

Формирование и становление отечественной риторики XVII — первой половины XVIII в. связаны с деятельностью четырех культурных центров: 1) московского: 2) юго-западного (Киев, Львов, Вильна, Полоцк); 3) северо-западного (Новгород, Псков); 4) северного (старообрядческого).

К 40-м годам XVIII в. деятельность отдельных культурных центров прекращается. Юго-западный и северо-западный центры постепенно включаются в деятельность московского культурного центра, который приобретает общегосударственное значение и в теоретическом и в практическом отношении, удовлетворяет запросы трех братских славянских культур — русской, украинской и белорусской. Деятельность северного центра как замкнутой в себе идеологической системы с уходом из жизни основателей старообрядчества постепенно затухает.

Дальнейшая судьба риторики как "свободного художества", ее трансформация и структура связаны с процессами, происходящими

в сфере научного и практического знания в эпоху Просвещения, связаны с деятельностью М.В. Ломоносова — основоположника отечественного языкознания, лингвиста, положившего начало описательному и сравнительно-историческому изучению языка, создателю стилистики как науки, создателю риторики как учения о речевой деятельности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Рукописный отдел Библиотеки Академии наук СССР
ВЯ — Вопросы языкознания
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В.И. Ленина
ГИМ — Государственный исторический музей
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
Изв. АН СССР ОЛЯ — Известия Академии наук СССР, отделение литературы и языка
Изв. АН СССР СЛЯ — Известия Академии наук СССР, серия литературы и языка
Изд. — Издание
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук
КДА — Киевская духовная академия
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
Письма и бумаги Петра I — Письма и бумаги Петра I. СПб.; М., 1887—1952. Т. 1—9.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6
РФВ — Русский филологический вестник
собр. — Собрание
СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР
ф. — Фонд
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва)
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)
ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека Академии наук УССР (Киев)

SUMMARY

In the XVII and XVIII centuries rhetoric in Russia developed as part of the European rhetoric, but it had its own national peculiarities brought about by local traditions and social needs, the latter determining its content.

The rhetorics of the XVII and XVIII centuries were largely formed by 5 cultural components that manifested themselves differently in the words of Russian, Ukrainian and Bielorussian authors, depending on the cultural area in which the rhetorics developed. These components were ancient rhetoric, Bysantian rhetoric, Mediaeval and Renaissance rhetorics, Spanish and Polish rhetorics of the XVI and XVII centuries.

The development of rhetoric in this country was centred in 4 cultural areas: 1) Moscow; 2) south-west (Kiev, Lvov, Vilna, Polotsk); 3)north-west (Novgorod, Pskov); 4) north (Old Belief). The Moscow—centred cultural area acquired state sighificance, for in met the needs of three brotherly Slavic cultures — Russian, Ukrainian and Bielorussian.

The further history of rhetoric as a "free art", its transformation and structure are linked with the processes in the sphere of theoretical and practical knowledge, that went on in the Age of the Enlightenment, and it was greatly affected by the activities of M.V. Lomonosov.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENT

Научное издание

ВОМПЕРСКИЙ Валентин Павлович

РИТОРИКИ
В РОССИИ
XVII—XVIII вв.

Утверждено к печати
Институтом русского языка
АН СССР

Редактор издательства
А.И. Кучинская
Художник
А.Д. Смеляков
Художественный редактор
И.Ю. Нестерова
Технический редактор
Г.П. Каренина
Корректор
И.Г. Мартьянова

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ N 35841

Подписано к печати 28.10.88. Формат 60×90 1/16
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,5. Усл.кр.-отт. 11,9. Уч.изд.л. 13,7
Тираж 2400 экз. Тип.зак. 868
Цена 2 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ "НАУКА"

готовятся к печати:

Сталтмане В.Э.

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ

12 л. 2 р. 10 к.

Предлагаемая работа представляет собой первый опыт теоретического анализа словарей собственных имен разных типов. На материале словарей, составленных в нашей стране и за рубежом, показана специфика ономастической лексикографии на фоне общей лексикографии. Разрабатываются ее теоретические предпосылки, показана типология словарей, случаи включения имен собственных в словари общего типа.

Для специалистов по общему языкознанию, общей и ономастической лексикографии, по ономастике.

Шмелев Д.Н.

СЛОВОСОЧЕТАНИЕ. ПРЕДЛОЖЕНИЕ. ПЕРИОД

18 л. 2 р. 20 к.

В монографии рассматриваются синтагматические возможности разных классов слов, особенности образуемых ими словосочетаний, соотношение предложения и словосочетания в различных условиях контекста. Делается попытка выяснить, какие средства способствуют превращению высказывания в единицу синтаксиса — предложение, в чем особенность таких единиц, как "аналог предложения", "аналог словосочетания". Рассматриваются различные типы конструкций с точки зрения их интонационной и структурной самостоятельности в определенном контексте.

Для лингвистов широкого профиля, преподавателей вузов.

Граудина Л.К., Миськевич Г.И.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РУССКОГО КРАСНОРЕЧИЯ

16 л. 1 р. 60 к.

В книге содержится краткий обзор лингвистических работ по теории и практике современного ораторского искусства и лекторского мастерства в аспекте культуры речи. В монографии приводятся сведения из истории изучения отечественной речевой культуры: дается критический очерк русских риторик и стилистических трудов по красноречию. Исследуется становление теории красноречия в России — сочинения Феофана Прокоповича, М.В. Ломоносова, труды ученых послеломоносовского периода, наиболее известные работы XIX в., а также пропагандистская и агитационная речь начала XX в.
Для филологов, журналистов, лекторов и всех интересующихся вопросами культуры русской речи.

Чурмаева Н.В.

ИСТОРИЯ НАРЕЧИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

10 л. 1 р. 70 к.

В монографии описываются наречия в языке древнерусской письменности XI—XIV вв. и прослеживается их история в позднейшие периоды развития русского языка. Исследование выполнено на материале картотеки "Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)". Для характеристики поздних периодов использован материал "Словаря русского языка XI—XVII вв." и его картотеки (г. Москва) и данные картотеки "Словаря русского языка XVIII в." (г. Ленинград).
Для лингвистов—русистов.

2 р. 10 к.

"Украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение. Состоит в чистоте штиля, в течении слова, в великолепии и силе оного.
Первое зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором – выбирание из книг хороших речений, пословий и пословиц, в третьем – старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают. Что до чтения надлежит, то перед прочими советую держаться книг церковных (для изобилия речений, не для чистоты), от которых чувствую себе немалую пользу. Сие все каждому за необходимое дело почитать должно, ибо, кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва говорить чисто и иметь довольство пристойных и избранных речений к изображению своих мыслей".

М.В. Ломоносов.
Краткое руководство
к красноречию (1748 г.).

